

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Антония, первоначальника русских иноков, начавших подвизаться в пещерах

Посланный Промыслом Божиим, он принес в Русь благословение святой Афонской горы, и положил в ней начало совершенному иноческому житию и основал при дивных чудесах святую Печерскую Лавру.

Благословен Бог, сотворивший все премудростью, который хочет спасения и просвещения разумом истины всем людям. Благословен Он за то, что не оставил Русской нашей земли и не попустил ей помрачиться тьмой неведения, вдали от путей спасения.

Подобно тому, как в начале мира, когда вся земля была покрыта тьмой, находившейся над бездной, и Дух Святой носился над водами - прежде всего сотворил Бог свет для новосозданной земли, потом повелел Он солнцу воссиять над землей и дал солнцу во власть день, а луне и звездам назначил освещать ночью так, когда пришел конец назначенным годам, а наша Русская земля была помрачена адской тьмой, неведением спасения, тогда Дух Святой, носясь над крещением, преподанным нам через благоверного князя Владимира, просветил нас впервые светом веры. Потом открыл нам Солнце мысленное, светящее добрыми делами, чтоб сияло оно нам в дни спасения, давало свой свет также и мысленным луне и звездам, осеняющим помощью своей наш путь во тьме нерадения.

И избрал Он на то преподобного и Богоносного отца нашего Антония, который вскоре по крещении русских, как второй Моисей после перехода израильтян через море, повинувшись призыванию Божию, взошел на святую гору - не Синайскую, дымящуюся огнем гнева Божия, но Афонскую, сияющую благодатью Богородицы, где принял благодатный закон, переданный с ангельской помощью святому иноческому чину. И, когда он пришел с Афона, посланный Богом в Русь, передать ей совершенный закон - явился он во всем подражателем израильского законодателя. Как тот, придя с заповедями к Израилю, явил на себе солнечные лучи и потому возложил на лицо свое покрывало, так и этот преподобный, наш русский законодатель, просветился добрыми делами, подобно светозарному солнцу, как и называет его Церковь, почему и поселился он в пещере, как бы возлагая на лицо свое покров. Но, как облако, покрывшее солнце, не может утаить его лучей и затмить дня, так и пещера не могла утаить принесенного преподобным отцом нашим Антонием закона, о котором говорит он, вместе с пророком, как о путеводном луче своем: "Закон твой - светильник ногам моим и свет стезям моим!"

Подобно солнцу просветил преподобный законодатель нашу Русскую землю совершенным иноческим законом, сияющим в пещере добрыми делами, как светом, светящим и во тьме, и устроил ей благоприятный день спасения, в котором стали ходить те сыны Руси, принявшие благочинный иноческий образ, вопия с апостолом: "Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения!" И, как весь круг земной, закрыв лицо солнцу, не может препятствовать ему бросать свет на властвующие в ночи светила - луну и звезды, так и преподобный отец наш Антоний, покрытый пещерной землей, как мысленное солнце, - невозбранно озарил в Руси своим светом мысленным светила, помогающие нам в ночи нашего нерадения о спасении.

Из них сияющего ярче всех - преподобного Феодосия Печерского - называет Церковь Русской звездой, не простой, но такой, что она является вождем прочим звездам, то есть луной. (Подобно тому, семь первых светил небесных, имеющие собственное движение и

называемые планетами, - в числе их не только луна, но и солнце, - называются у учителей церковных семью звездами, содержимыми в деснице Господней.) Прочие же бесчисленные Печерские святые, которые в законе, принесенном от преподобного Антония, последовали уставу преподобного Феодосия, просияли, как чистые звезды, умноженные на тверди небесной. И вот почему неложно святая чудотворная Печерская Лавра явилась небесам подобной.

Итак, вместе с преподобным Нестором, летописцем русским, просиявшим в то же время, начнем сказывать повесть о первом великом светильнике сего Русского неба.

В княжении благоверного великого князя Владимира Святославича, самодержца Русской земли, благоволил Бог явить светильника Церкви Своей и наставника иночествующим, приснопамятного мужа, преподобного и Богоносного отца нашего Антония.

Он родился в городе Любече, с детства имел в душе страх Божий и желал облечься в иноческий образ. Человеколюбивый Господь положил ему на сердце идти в страну Греческую и там постричься. И он отправился в путь, странствуя ради странствовавшего и потрудившегося для нашего спасения Господа, достиг Цареграда, а за ним и Афонской горы. Там обошел он святые монастыри и видел быт святых отцов, выше человеческого естества, во плоти подражающих ангельскому житию. И еще более воспламенившись любовью ко Христу, желая поревновать житию тех отцов, пришел он в один из находящихся там монастырей и молил игумена возложить на него образ иноческого чина. Игумен, провидя будущие его добродетели, исполнил просьбу, постриг его и научил совершенному иноческому житию. Антоний же, угождая во всем Богу, подвизался и в прочих добродетелях, преуспевая в покорности и послушании, так что все радовались за него.

Когда уже не мало времени провел он на Святой горе, будучи праведен во всех делах своих, так что многие от него духовно пользовались, было извещение от Бога игумену, отпустить преподобного в Русь. Игумен пригласил его и сказал: "Антоний, иди назад на Русь, чтоб и там быть на пользу и утверждение других, и да будет на тебе благословение Святой горы". Преподобный Антоний, приняв благословение, как бы из Божьих уст, отправился на Русь и пришел в Киев. Войдя в город, он думал, где бы ему жить, и ходил по монастырям (которые начинали тогда строиться иноками из греков, пришедшими для крещения Руси с митрополитом Михаилом, но не имели совершенного чина и устава общежительного). И не захотел он жить ни в одном из этих монастырей, так как неудобно было то и Богу. И начал он ходить по дебрям и горам и окрестностям, и пришел в Берестово, открыл пещеру, которую некогда ископали варяги, сотворил молитву, поселился там и пребывал в великом воздержании.

Когда преставился благоверный князь Владимир, власть перешла к безбожному и окаянному Святополку, он сел княжить в Киеве и, начав убивать братию свою, умертвил святых мучеников Бориса и Глеба. Видя такое кровопролитие, преподобный Антоний снова ушел на Святую гору. Святополк победил и сел княжить в Киеве благоверный князь Ярослав. Он любил село Берестово и Берестовскую церковь во имя святых апостолов, и собирал около себя пресвитеров. Был там пресвитер именем Иларион, муж благочестивый, разумевший Божественное писание, и постник. (Он через много лет собором русских епископов и по желанию князя Ярослава, изволением Божиим, поставлен был во святой Софийской церкви митрополитом, но прежде того был пострижен в иноческий чин преподобным Антонием). Этот пресвитер ходил от Берестова к Днепру, на холм, где теперь место первоначального Печерского монастыря; тогда был там густой лес. Иларион ископал себе малую пещеру, сажени в две, и в ней совершал псалмопение с поклонами, молясь тайно Богу, а преподобный Антоний находился в то время на Святой горе, в монастыре, где постригся. И было снова

игумену извещение от Бога: "Пошли снова Антония в Русь: он Мне нужен там". Игумен, позвав к себе преподобного, сказал ему: "Антоний, есть Божья воля, чтоб ты шел опять в Русь, и да будет над тобой благословение от Святой горы" и предрек игумен, что много от него произойдет черноризцев и, благословив его, отпустил его со словами: "Иди с миром". Преподобный Антоний, приняв благословение, прибыл снова в Киев и взошел на холм, где Иларион ископал малую двухсаженную пещеру, и, возлюбив то место, так помолился со слезами: "Господи, да будет на месте этом благословение святой Афонской горы и молитва моего старца, который меня постриг, и утверди, Господи, жительство мое здесь".

После этой молитвы поселился Антоний там и начал жить, постоянно молясь Богу, ел он сухой хлеб и пил воду в меру - и то через день, а иногда через два; иногда же не вкушал целую неделю, пребывал в бодрствовании день и ночь и копал своими руками большую против прежней пещеру.

О нем стали узнавать люди, и некоторые приходили, принося ему нужные припасы и прося благословения от него; другие же желали и жить с ним; в числе их был и блаженный Никон.

Тогда же пришел к преподобному Антонию в пещеру и преподобный Феодосий, двадцати трех лет возрастом; и преподобный Антоний приказал постричь его блаженному Никону, так как тот был иерей и искусный инок.

По долгом княжении преставился благоверный князь Ярослав, и власть принял старший его сын Изяслав и сел княжить в Киеве. А преподобный Антоний был уже тогда известен по Русской земле великими добродетелями своими, как в древности в Египте великий Антоний. Слышав о житии его, христоробивый князь Изяслав пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы,- и с тех пор все уже узнали о преподобном Антонии и стали почитать его, и некоторые христоробцы стали приходиться к нему для пострижения, и он принимал их и постригал.

В то время пришел к преподобному Антонию блаженный Варлаам, сын знатного боярина Иоанна, потом Ефрем, слуга княжеский, которых, по их желанию, преподобный велел постричь Никону. Много смущения потерпел преподобный Антоний с братией за пострижение этих двух иноков. Знатный боярин Иоанн, с множеством слуг, в ярости пришел в пещеру и, разогнав Богоизбранное стадо преподобного Антония, вывел сына своего, блаженного Варлаама, из пещеры, снял с него святые монашеские одежды, облек в светлое боярское платье и насильно повлек его в свои палаты. Но, кроме того, еще и сам князь Изяслав, узнав о пострижении и сына боярина, и своего любимого слуги, разгневался на братию Христову, собранную преподобным Антонием, и, приказав привести к себе постригавшего их блаженного Никона, излил на него гнев свой за пострижение их, требуя, чтоб Никон уговорил их опять жить в миру, и угрожал послать его наставника Антония со всеми пещерными иноками в заточение и раскопать их пещеру.

Преподобный же отец Антоний, понуждаемый таким гневом, внушенным князем тьмы, ушел тогда из пещер с оставшейся братией в другие места.

Но, узнав о том, жена князя усиленно просила супруга не изгонять из своей области рабов Божиих, чтоб не навлечь такого же гнева Божия, какой был в ее отечестве, земле польской, по изгнании черноризцев.

(Княгиня эта была полька, дочь Болеслава Храброго, и она вспомнила о том гневе Божиим, который разразился, когда изгнаны были черноризцы, в виде мести за пострижение преподобного Моисея Угрины; тогда отец ее, Болеслав, изгнавший тех рабов Божиих, умер внезапной смертью, и, во время междоусобной брани, народ убил епископов и бояр.)

Едва умолила княгиня князя Изяслава, но, опомнясь и устрашась Бога, он послал к

преподобному просьбу, чтоб возвратился старец на свое место. Лишь на третий день нашли его и упросили вернуться.

Так возвратился преподобный отец наш Антоний в пещеру и непрестанно молился Богу, да подаст ему силу терпеть доблестно все напасти, наносимые врагом, ненавистником добра, и да не предаст зверям духовным душ, исповедующихся ему, и да не забудет до конца убогих своих. И, по молитвам его, не только рассеянные овцы возвратились с миром к своему пастырю, но и множество других, ищущих спасения, приходило к нему в пещеру и умоляло, избавить их от тьмы пути скользкого и наставить к свету пути спасения. И он всех принимал с любовью, и, научив, как следовать Христу, приказывал постригать их блаженному Никону. И собралась к нему братия числом двенадцать. И выкопали они большую пещеру, где устроили церковь и кельи, существующие поныне в пещерах под первоначальным Печерским монастырем; там прожил преподобный Антоний 40 лет.

Когда братия была собрана, преподобный отец Антоний сказал: "Вот, братие, Господь избрал вас, и на вас благодать Святой горы, игумен которой постриг меня, а я - вас; да будет на вас благословение первое от Бога и Пресвятой Богородицы, второе же - от Святой горы". Затем он сказал им: "Живите сами, без меня; я поставлю вам игумена, а сам хочу жить один, как привык к тому прежде". И он поставил им игуменом блаженного Варлаама, а сам, избегая молвы и суеты житейской, затворился в одной из келий той же пещеры. Потом переселился он оттуда на другой холм и начал копать другую пещеру, находящуюся под нынешним Печерским великим монастырем.

Игумен, же блаженный Варлаам, и братия, приняв от преподобного Антония благословение, остались жить в первой пещере. При умножении братии, так как уже нельзя было им во время соборного служения вместиться в пещерах, задумали они поставить малую церковь вне пещеры. Тогда пришел игумен с братией к преподобному Антонию в другую пещеру и сказали ему: "Отче, братия умножается, и не можем мы более вместиться во время соборной молитвы в пещере; итак, повелением Господним и Пресвятой Богородицы и святой твоей молитвой благослови поставить нам малую церковь вне пещеры". И благословил их на это дело преподобный; они, поклонясь ему в ноги, ушли и начали строить над пещерой малую церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Когда эта малая церковь над пещерой была устроена и игуменом в пещерах был блаженный Варлаам, князь Изяслав, который был наречен в святом крещении Димитрием, воздвиг каменную церковь во имя того святого, устроил при ней монастырь и взял туда на игуменство блаженного Варлаама, ибо хотел возвысить свой монастырь выше Печерского, надеясь на силу богатства. Но много бывает монастырей, поставленных богатством через князей и бояр, но не таков удел их, как удел монастырей, поставленных молитвами и слезами, постом и бдением святых. Так и преподобный Антоний не имел ни злата, ни серебра, но, поливая слезами, взрастил несравненный монастырь.

Когда игумен Варлаам отошел в монастырь святого великомученика Димитрия из начального Печерского монастыря, братия, подвизавшаяся в пещерах, пришли к преподобному Антонию и сказали ему: "Отче, поставь нам игумена!" "Кого хотите вы?," - спросил он их. "Кого хочет Бог и Пресвятая Богородица и ты, честный отче!" И сказал им преподобный: "Кто из вас послушлив, кроток и смирен, тот да будет вам игуменом". Тогда просили у него во игумена преподобного Феодосия как единокровного ему и во всем опытного. И благословил его преподобный на игуменство. Вся же братия, коей числом было двадцать, поклонились преподобному Антонию до земли, радуясь о таком наставнике.

Когда же преподобный Феодосий принял игуменство над пещерами и в великом тщании, с постом и слезными молитвами исполнял свое дело, много тогда споспешествовало

благословение и молитва начальника его, преподобного отца нашего Антония, безмолвствовавшего в уединении. Бог начал еще больше умножать число черноризцев, так что вскоре собралось их сто. И преподобный Феодосий игумен, видя великое умножение братии, порешил с ними поставить монастырь, и снова пошли они к преподобному Антонию и сказали ему: "Отче, умножается братия, и мы бы хотели поставить монастырь". Радостью исполнился преподобный Антоний и сказал: "Благословен Бог за все. Молитва Пресвятой Богородицы и угодников Святой горы да будет с вами и да поможет вам!" Он послал тогда одного из иноков к князю Изяславу с такими словами: "Христолюбивый князь, Бог умножает братию, место же наше тесно. Просим тебя - дай нам ту гору, что над пещерой!"

Услышав это, князь обрадовался и послал боярина своего отвести им находящуюся над пещерой гору. На ней преподобный игумен Феодосии и братия построили большую деревянную церковь и, построив, украсили ее иконами и поставили много келий и окружили монастырь, куда переселились из пещер, оградой,- и с тех пор монастырь этот, возникший по благословению Святой горы, начал зваться Печерским, потому что прежде черноризцы жили в пещерах.

Затем преподобный Феодосии пожелал укрепить монастырь свой, кроме видимой стены, еще мысленным ограждением, то есть уставом для иночествующих не в затворе, а в монастыре. И начал он искать монастырского правила (как пишется о том в житии его) - и помощью ему было благословение и молитва преподобного Антония. Ибо, по его благословию и молитве, и по Божию Промыслу, нашелся тогда честный Михаил, иннок святого Студийского монастыря, с митрополитом Георгием пришедший из Греции. Его много вопрошал преподобный игумен Феодосии об уставе отцов Студийских, как у них поют, и как ведется чтение, и как содержать поклоны, и стояние в церкви, и трапезу, и какая в какие дни пища. Подробно узнав все это от Михаила, а также от блаженного Ефрема, бывшего в святых местах, он собрал вместе и списанные там и принесенные изустно в Киев правила и передал своему монастырю, и от этого монастыря все русские монастыри получили устав. И оттого почтен монастырь Печерский первенством пред всеми и честью выше всех.

Так помогли Феодосию, игумену Печерскому, благословение и молитва преподобного отца нашего Антония. В это время жизни преподобного Феодосия и управления его по уставу добродетельным житием иноков пришел к нему принимавшему всех приходящих, преподобный отец Нестор, летописец русский, составитель и этого, и других житий; в то время преподобному Нестору было семнадцать лет, как он сам пишет о себе. Его с любовью принял преподобный Феодосий, по благословию и молитве преподобного Антония. Он первый засвидетельствовал, почему монастырь прозвался Печерским, и в летописи своей вкратце написал на пользу о первых подвигах первоначальника монастыря, преподобного отца Антония. Но о чудесах, хотя и не всех, например, о честной кончине преподобного, мы будем повествовать со слов блаженного епископа Симона и сотрудника его Поликарпа; свидетельство же подвигов и скорбей, которые претерпел преподобный Антоний, предоставим Нестору летописцу. Преподобный отец наш Антоний, уединенный в другой пещере, видя умножение и благочиние своего избранного Богом стада, прославлял Бога в добродетелях внешних и духовных, и восходил от силы в силу. Поэтому Бог прославил его так, что он просиял в Русской земле различными чудесами, особенно же даром исцеления и пророчества. Преподобный отец Антоний явился чудесным врачом и русским пророком. Чудотворное же врачевание его происходило так: преподобный старец сам служил болящим и исцелял их своей молитвой; но, покрывая смиренномудрием дар исцелений, заключающийся в его молитве, он то зелье, которым питался, благословлял и подавал как лекарство, и больные, приняв его, каким бы недугом одержимы ни были, становились здоровы.

Подражателем такого чудотворного врачевания он оставил блаженного Агапита. О даре же прозорливости, кроме других случаев, свидетельствует следующий.

Однажды трое князей Ярославичей, Изяслав, князь Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский, отправляясь в поход против половцев, пришли за благословением к преподобному Антонию. Он же, провидя духом над ними гнев Божий, прослезился и сказал им: "Из-за ваших грехов вы будете побеждены и обращены в бегство неверными; многие из воинов ваших потонут в реке, другие будут взяты в плен, некоторые падут от меча". Это и сбылось на реке Альте, так что едва сами князья спасли свою жизнь и бежали,- Изяслав и Всеволод в Киев, а Святослав в Чернигов; половцы же рассеялись по всей Русской земле, грабили и уводили в плен жителей.

В то же время преподобный предсказал Шимону, сыну африканского князя, что он не только уцелеет в битве от смерти, уже лежа среди трупов, но и через много лет будет первый положен в каменной Печерской церкви, о чудесном создании которой преподобный тоже предсказал,- и все это воистину сбылось, и Шимон, возвратясь из похода, поведал преподобному: "Я лежал раненый среди многих убитых, но некая Божия сила вынесла меня из их среды и исцелила мои раны, и я нашел свое имущество и воинов невредимыми".

Потом рассказал Шимон, что подобие Печерской церкви, которая будет создана и в которой он будет положен, видел он в воздухе дважды: лежа на поле битвы у реки Альты и, находясь на море, когда изгнанный дядей своим Якуном, от варяжского княжения, бежал в Русь к князю Ярославу. Поведав все это, Шимон засвидетельствовал на деле благословение Божие, явленное ему в откровении о церкви, о которой пророчествовал преподобный Антоний. Он вынес золотой пояс и венец и дал преподобному Антонию со словами "Это снял я с образа Иисуса, распятого на кресте, когда покидал мое отечество, этим поясом, как повелел мне глас Господень, пусть измерится основание церкви, в которой я буду положен; венец же пусть будет повешен над жертвенником". И потом, через много лет, явно оказалось, что предсказание преподобного отца Антония, которое и сбылось,- согласовалось с Божиим благословением, когда по созданию Печерской церкви первым положен в ней был Шимон.

Но прежде вспомним, по летописцу, о немалой напасти, которую претерпел преподобный. Князь тьмы, диавол, ненавидящий света дел добрых, снова покусился через князя Изяслава удалить из стольного города Киева такого великого светильника, преподобного отца нашего Антония, светящего добродетелями и чудесами в темной пещере, как под спудом, и устроил такое смущение.

Когда половцы победили в упомянутой битве, киевские граждане понуждали своего князя Изяслава выйти с ними снова на этих врагов, рассеявшихся по всей земле Русской. Когда же Изяслав не согласился, они произвели возмущение, освободили из темницы находившегося в Киеве в плену полоцкого князя Всеслава и поставили его себе князем, а князь Изяслав бежал в Польшу. Семь месяцев сидел Всеслав в Киеве, когда пришел на него из Польши Изяслав, с королем Болеславом Смелым. Всеслав же, выйдя из города с другой стороны, тайно бежал к Полоцку. Тогда Изяслав вошел в Киев и, по научению диавола, начал жестоко гневаться на преподобного Антония: кто-то оклеветал его пред Изяславом, будто он любил Всеслава, и был его советником, а потому был виновником всей этой смуты.

А преподобный Антоний служил в то время в пещере болящему Исаакию затворнику, которого диавол прельстил, явившись ему в образе Христа, и оставил едва живым, изнузив его плясанием. Враг особенно завидовал этому служению святого и старался, чтоб Исаакий затворник не был быстро исцелен душевно и телесно попечением преподобного. И потому он всячески побуждал Изяслава изгнать гневом своим преподобного Антония из пределов Киевских. И на некоторое время враг получил желаемое. Князь Черниговский Святослав,

извещенный, что брат его Изяслав жестоко гневается на преподобного Антония, прислал за святым ночью и увез его в Чернигов. Там понравилось преподобному место близ города на горе Болдыни, и, ископав там пещеру, он жил в ней. Впоследствии на этом месте был создан монастырь.

Но недолго ликовал ненавистник добра. Ибо вскоре князь Изяслав, спокойно рассмотрев дела, познал незлобие святого, увидел козни искусителя и, жалея о соделанном, послал в удел Святослава, область Черниговскую, к преподобному Антонию, с просьбой возвратиться назад в Киев, к Богоизбранному его стаду. И преподобный Антоний, кроткий и смиренный сердцем, преклонился к мольбе и возвратился к своей братии, которая находилась в смятении и отвержении, как овцы не имеющие пастыря. Так не восхотел Бог, чтобы этот всесветлый светильник, русское светозарное солнце, преподобный отец наш Антоний, положил начало благочинному иноческому житию в ином городе, кроме богоспасаемого стольного города Киева, чтобы оттуда воссиял свет православной веры через благоверного князя Владимира на всю Русь, оттуда же воссияли и лучи совершенного постнического закона через преподобного отца нашего Антония.

И после этой напасти не изнемог преподобный отец наш Антоний, но, проходя степени больших подвигов, трудился в пещере, доколе не победил до конца некрепкую силу диавола. Изгоняя, по евангельскому речению, молитвой и постом нечистый род этот также и другими добродетельными трудами, бдением, стоянием, коленопреклонением бесчисленным, - никогда, кроме того, не оставлял он своей пещеры, хотя вся жизнь его в этом темном месте была непрестанная брань с миродержцем тьмы века сего.

И снова потекли от преподобного прежние его чудотворения, но с большей силой. Он начал заботиться о создании каменной Печерской церкви, о которой предсказал и о которой принял через Шимона свидетельство Божия благословения. И, по совещании с преподобным игуменом Феодосием, он молился прилежно небесному Зодчему, чтоб Он Сам непорочными Своими руками благословил и помог создать Дом Непорочной Матери Своей, Владычице нашей Богородице; и говорил он, подражая Давиду: "Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его" (Пс. 126:1).

И вот, когда, не отлучаясь никуда из Печерского монастыря, святой подвизался в такой молитве, как некогда преславный чудотворец Николай Мирликийский, явился он с единомравным другом своим преподобным Феодосием, в Константинополе, предстоя Царице Небесной Пресвятой Богородице, и получив от Нее золото, вручил его художникам каменнозодчим, чтоб шли они в Русь, для построения Печерской церкви, по повелению Небесной Царицы.

И каменноздатели пришли из Греции и поведали то великое чудо, а преподобный отец наш Антоний сотворил новые великие чудеса, свойственные древним пророкам Гедеону и Илии. Когда мастера стали спрашивать, на каком месте воздвигать по повелению Царицы Небесной церковь, преподобный отец наш Антоний молился три дня, чтобы Сам Троиединый Бог указал небесным знамением место, достойное аля жилища Царицы Небесной. И, так как места не было достаточно, приехал, как бы по внушению Божию, князь Святослав к инокам, собравшимся аля избрания места, и даровал на то свое поле.

В первую ночь молитвы преподобного Антония явился ему Царь Славы Иисус Христос и сказал: "Антоний, ты обрел предо Мною благодать". И, услышав то, преподобный Антоний испросил в ту ночь, чтоб по всей земле поутру была роса, а на месте церкви - в виде знамения - было сухо. В другую же ночь испросил повсюду сухость, а на месте церкви - росу. В третий же день благословил то место и повелел измерить его золотым поясом, данным Шимоном, - на тридцать поясов в длину и двадцать в ширину, как было поведено Шимону свыше, и свел

молитвой своей огонь с неба. Так что через сожжение стоявших на том месте деревьев и через углубление грунта достаточно приготовил то место, где ныне сияет святая чудотворная небесам подобная Печерская церковь,- о чем и написано в сказании о той святой церкви. Благословив таким чудотворением и выбор места, и начало работ церковных во святой Печерской обители, преподобный Антоний стал готовиться сам к отшествию в Церковь нерукотворенную, вечную, в небесных обителях, о которой святой Иоанн написал в Откровении: "Господь Бог Вседержитель - храм его" (Отк. 21:22). Так назначила Небесная Царица при явлении Своем во Влахерне, говоря мастерам: "Сей Антоний только благословит вас на дело, ибо отходит в вечный покой, Феодосий же последует за ним на второй год". Но в каком приготовлении имел нужду для честной смерти в Господе преподобный отец наш Антоний, который, проводя добродетельную жизнь в пещере, как в вечном гробе, мог сказать с апостолом: "Я каждый день умираю" (1 Кор. 15:31)? Также каждый день, неложными устами, он говорил с пророком: "Уготовахся и не смутихся сохранить заповеди Твоя".

Уже готовый в сердце своем к смерти и не смущаясь уже о делах своих, был только смущен он тем, чтоб не оставить в унынии Богоизбранное свое стадо, так что над преподобным исполнилось слово апостольское: "Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас" (Флп. 1:24).

Но видя, что время разрешения и отделения души от тела уже пришло, он утешал чад своих, обещая им, что и по отшествии своем не оставит того святого места, на котором подвизался; но будет всегда надзирать за ним и посещать, заботясь о нем и помогая живущим в нем и притекающим к нему с верой. И вот какое благонадежное обещание, высшее всякого наследия, оставил он на святом месте своем. Он обещал молитвами своими ходатайствовать, чтоб, как он сам, умирая на этом месте, расстается с жизнью полный чувств покаяния, с несомненной верой о помиловании чтоб так же сподобились и все, упокоивающиеся тут, имеющие к нему любовь - отходить в покаянии и получить помилование.

Пробыв во второй пещере своей 16 лет, он окончил в ней свое временное житие и отошел к бесконечному, в десятый день месяца июля, в год от создания мира 6581, от Рождества Христова 1073, на 90-м году своего рождения, в княжение Святослава Ярославича князя Киевского и в царствование Романа Диогена царя Греческого. Честные мощи этого преподобного первоначальника были тогда же положены в той же пещере под великим монастырем, в которой он скончался. И подобно тому, как при жизни своей сам преподобный удалялся от глаз человеческих, молясь Богу в тайне и в уединении, так и мощам своим испросил то же дарование, чтоб были удалены от глаз человеческих. Ибо подобало нашему Русскому законодателю сподобиться равного дарования с Израильским. Некогда еще при жизни Моисея, когда он принес с горы Синайской закон Израилю, во свете великого сияния, народ не мог смотреть на него при жизни его; так не могли видеть и преподобного отца нашего Антония, еще живущего в пещере, во свете добрых дел его, когда принес он закон Русской земле с горы Афонской. Сокрыты от зрения мощи почившего Моисея, Израильского законодателя,- так же скрыты от зрения и мощи преподобного отца нашего Антония, Русского законодателя, и видеть их нам доселе чудесно возбраняет Бог, дивный во святых Своих: многие дерзнувшие раскопать место, на котором положено честное тело преподобного отца нашего Антония, были наказаны огненным попалением и болезнями телесными, пока не покались в своем дерзновении. Но если мощи преподобного отца нашего Антония удалены от нашего зрения, то помощь его всегда с нами и близка ко всем призывающим его. Мощи его творят неиссякающие чудеса, помогая всем с верой притекающим к честному гробу преподобного. Особенно же отгоняют от людей тьму

бесовскую, и во истину свет светится и во тьме темной гробницы преподобного, и этого света никогда не погасит тьма, но исчезает от блистания его.

Честные мощи преподобного отца нашего Антония избавляют и от различных недугов, поражающих не только тело, но и самую душу, как то испытал на себе святой Иоанн Многострадальный.

Три года борясь с бездной нечистоты, много пострадав, томимый поползновением ко греху, пришел он ко гробу преподобного Антония, молился пред ним день и ночь, и он услышал голос преподобного: "Иоанн, Иоанн, тебе надо затвориться здесь, в пещере, чтоб молчанием и невидением людей утихла брань, и Господь поможет тебе". Иоанн сделал так, и благодатью Божией и молитвами преподобного Антония был спасен, и не победили его нечистой телесной страсти, хотя и вооружались на него вместе с нечистыми духами почти в продолжение тридцати лет, как пишется в житии его.

Не оставил, по обещанию своему, преподобный Антоний своего святого места. И, заботясь о нем, он, по кончине своей, явился с преподобным Феодосием (как явился при жизни) в Константинополе, где уговорился с греческими иконописцами о написании святых икон для церкви Печерской, и дал им довольно золота, как и в начале строителям - с тем же преподобным Феодосием; и послал он их в Киев, в свой Печерский монастырь, к блаженному Никону, который был тогда игуменом, как и описано в сказании об украшении святой Печерской церкви.

Верен преподобный отец наш Антоний и в том надежном обещании своем, по которому помогает почитающим его, упокоеваясь на этом святом месте, кончаться в покаянии и сподобляться помилования.

Чудесно на деле сбылось слово обещания его на блаженном Эразме, черноризце Печерском. Этот инок отдал золото свое на украшение церкви Печерской и скорбел о том. Когда же он впал в лютую болезнь и был при кончине, то лежал сем дней без чувств, не мог скончаться без покаяния и быть погребенным на том святом месте. И вот, на восьмой день, явился ему преподобный Антоний с Феодосием и сказал: "Я молился о тебе Богу, и Бог даровал тебе время покаяния". И Эразм выздоровел и принес совершенное покаяние, так что, скончавшись через три дня, был помилован и сподобился быть причтенным ко святым (о чем написано в житии его).

Прославим и мы Вседарователя Человеколюбца, за дарование столь великого чудотворца, первоначальника иночествующих в земле нашей Русской,- преподобного Антония. Других многочисленных его дел, особенно же бывших до преставления его, ни один человек не может описать или поведать, и известны они только Сердцеведцу, ведающему все безвестное и тайное. Его язык есть трость книжника скорописца, и Он пространнее всех написал житие преподобного отца нашего Антония в книгах жизни вечной.

Мы не нашли прочих книг о преподобном Антонии, утерянных во многих бранях, а могли собрать о нем только немного. Надо нам прилежно молить чудотворца сего первоначальника, чтоб и мы, принятые в благонадежное его обещание, по его ходатайству о нас, сподобились скончать в покаянии жизнь нашу и быть помилованными, если и случится нам быть виновными в каком-нибудь грехопадении, сделанном по немощи человеческой, и не совершить полного покаяния, чтоб найти имена наши написанными в книгах жизни вечной, вместе с преподобным первоначальником Антонием, как дети с отцом,- благодатью и человеколюбием первенствующего во всем Начальника спасения нашего, Господа Иисуса Христа, Которому со Безначальным Его Отцем и единосущным Его Духом подобает честь, слава, хвала и держава, ныне и присно, и в бесконечные веки. Аминь.

Похвала преподобному и богоносному отцу нашему Антонию Печерскому, первоначальному иноческому житию в Руси

"Преподобен во всех делах своих."

Такое слово предлагает нам царственный пророк на похвалу преподобного и Богоносного отца нашего Антония Печерского, великого и богатого во всех добродетелях.

Но, казалось бы, недостаточно здесь наших уст и нашего голоса. Обыкновенно, при похвалах выдающегося человека спрашивают, какого сана человек хвалящий, какого ума, какой жизни. Тот же обычай был еще в древности у язычников; так, царь Александр Македонский завещал никому не писать своего изображения, кроме Апеллеса. Также и Кесарь великий Август запретил, чтоб никто, кроме людей, одаренных умом и искусных, не смел говорить или писать о нем. Ясно, что похвала, выходящая из уст людей грешных и неразумных, имеет мало достоинств, по словам Екклесиаста: "Неприятна похвала в устах грешника" (Сир. 15:9). Как же мы, будучи грешны, грешными устами похвалим того, как прославим того, о котором можем сказать, что не было лести в устах его!? Как грешным гласом достойно воспоем того, кто достоин быть воспетым голосами преподобных? Но знаем, что похвала каждого святого бывает похвалою Богу (как в похвале святому Афанасию написал святой Григорий Назианзин: "Афанасия хваля, восхваляю добродетели; хваля же добродетели, восхваляю Бога, от Которого истекают все добродетели. "Ибо нет лицемерия у Бога" (Рим. 2:11). Поэтому мы, грешные и неразумные, дерзаем восхвалить своего преподобного, вспоминая его великие добродетели. Ибо Сирах говорит: "Восхвалим славных мужей и отцов нашего рода" (Сир. 44:1).

Если люди восхваляют того святого, кто прославил жизнь свою одной какою-нибудь добродетелью, выделявшейся над прочими, по слову - "память праведника пребудет благословенна" (Прит. 10:7) то, тем более, особой похвалы от нас достоин преподобный отец наш Антоний Печерский, который прославил себя на земле не единой, но всеми добродетелями, украшающими инока.

Прежде всего прославил он себя любовью к Богу. От юности отвергся мира, богатства и славы и всего, что обещал мир, и посвятил себя на служение Богу иноческим житием, говоря: "Сердце мое говорит от Тебя: "ищите лица моего", и я буду искать лица Твоего, Господи" (Пс. 20:8). И знал он тогда, что иноческое житие есть жизнь подвижническая, мирская же жизнь суетна, иноческая жизнь - преподобна, мирская же полна клевет; иноческая жизнь - духовна, мирская же - плотская. Иноческая жизнь - небесная, мирская - земная, как говорят учителя.

Иной в юности старается угодить миру; старание же преподобного отца нашего Антония Печерского было в том, чтоб угодить единой Божией любви, которую избрал себе в невесты, говоря: "Ее возлюбил, ее возжелал я от юности моей, и искал ее, как невесту себе, и чтил я красоту ее".

И кому было ему в юности своей уневестить себя, как не любви Божией, так как и самое имя города Любеча, в котором он родился и был воспитан, возбуждало к любви. И где ему было искать невесты, как не на небе, так как самое имя его Антоний не земное, а небесное, и значит "свыше данный". Если же преподобный отец наш Антоний по имени и житию был не из земных, но из небесных, то как же не сказать нам, что преподобен он есть в любви Божией?

Учители святых Божиих уподобляют жемчужинам по удалению их от мира, но мы

уподобим преподобного отца нашего Антония жемчужине не только за отвержение мира, но и по имени его. Жемчуг рождается в море, но имеет много общего с небом, и служит подобием его по белизне, светлости и красоте состава своего, так что кажется совершенно небесным. Так и преподобный отец наш Антоний, хотя родился в мире, сердцем всегда пребывал на небе и больше связан был с небом, чем с землей, так как, оставив все земное, мыслил только о небесном, по словам: "Размыслил я о днях древних, о летах веков минувших, и многому научился" (Пс. 76:6). Как девица простого происхождения, за красоту лица и добрые нравы избранная в невесты царские, забывает о простых сельских нравах, так и преподобный отец наш Антоний, будучи избран от утробы матерней в рабы Небесного Царя, возлюбив в юности небесное, начал забывать земное, говоря так: "Бог дал мне забыть все несчастья мои и весь дом отца моего" (Быт. 41:51).

Что же такое расположило его к презрению мира и сластей? - Любовь Божия, по изречению псаломскому: "Милость Твоя, Господи, сопровождает меня" (Пс. 22, 6). И не чудо это! Как излишняя теплота понуждает нас снять одежду и обнажить тело, чтоб с большей силой и удобством совершить предложенное дело, так и горящий огонь любви Божией сделал в преподобном отце нашем Антонии то, что он лишил себя всех благ мира, чтоб с большей крепостью и удобством положить начало монашеству. Знал он хорошо, что не может он быть учеником Христовым, если не отречется от всего имения своего.

Он бы мог воскликнуть со святым Григорием Богословом: "Умертвил я тело мое, в юности противящееся духу, трудами и подвигами, и пресыщение, и вместе с ним гнездящегося тирана, нечистоту, победил; очи мои смирил и утопил их в веждах моих, удержал ярость гнева моего, владел поступками своими, смех обратил в плачь, и со всем, что было у меня, положил себя к стопам Божиим; земля была ложем мне, власяница - одеждой, бдение было мне сном, и слезы - успокоением; днем обременял я плечи мои работой, всю же ночь, как крепкий столп, проводил в пении псалмов, а утехи мирской не допустил и до мысли моей. Отверг я и великую тяготу богатства, чтоб без всякого препятствия приблизиться к Богу; такова была в юности жизнь моя".

Воистину велика была приязнь между Давидом и Ионафаном, снявшим с себя одежду, в которую был одет, оружие, лук и пояс и давшим Давиду, как сказано в Писании: "Снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой, и лук свой, и пояс свой" (1 Цар. 18:4). Но еще большую любовь к Богу показал преподобный отец наш Антоний, который не только мирскую одежду свою, богатство и славу, но, что еще больше - сердце свое принес в жертву Богу, исполняя писание: "Сын мой, отдай сердце твое мне" (Прит. 23:26). Если бы мы хотели очертить образ преподобного отца нашего Антония, то, вспомнив о самом имени его, нужно бы нам сказать: так как он был с неба, то и есть он человек небесный. И каковы могли быть его помышления, его дела, и упражнения - не небесные ли, как у человека, посланного свыше?

Всегда помышлял он о небесных вещах, зная, что нет совершенства в благах мира, и что они оставляют всегда чувство неудовлетворенности. Есть у тебя богатство - нет почестей, есть почести - нет здоровья, есть здоровье - нет мудрости, есть мудрость - нет красноречия и благодати. А на небе праведники изобильно наслаждаются разом всеми благами, ибо у них есть богатство Божие, мудрость Божия, сладость Божия, сила Божия, утешение от ангелов и всех святых. Все это имеют они зараз и иметь будут всегда, на всю вечность.

Еще прославил себя преподобный отец наш Антоний иноческим богоугодным житием, которое состоит в рукоделии, послушании, поучении, безмолвии и прочих добродетелях, как пишется о том в отеческих книгах. Монашеское житие - рукоделие, безмолвие, неосуждение, неоклеветание, нероптание, ибо писано: "Любящие Господа ненавидьте зло!" (Пс. 96:10). А

авва Моисей указывал братии своей, что для инока четыре необходимейшие добродетели: молчание, соблюдение заповедей Божиих, смирение и нищета, и все то исполнил преподобный отец наш Антоний, так что мог сказать о себе евангельским словом: "Все это сохранил я от юности моей". Он одновременно привлекал взоры и людей, и ангелов и удивлял природу, будучи в земном теле и живя нечеловечески, а по-ангельски был зрелищем ангелам и людям; когда же, приняв иноческий образ на Афоне, был первым в церковном стоянии, первым в послушании, первым в бодрствовании, первым в посте, тогда был удивлением естеству нашему.

И за это такую получил он от Бога благодать, что Бог сравнил его как равного по подвигам и по славе с древними преподобными, с Антонием Великим, Пахомием, Иларионом и прочими, по сказанному: "Он сравнивал его в славе со святыми и возвеличил его делами на страх врагам; его словом прекращал чудесные знамения, прославил его пред лицом царей..." (Сир. 45:2, 3). Такой своей богоугодной жизнью преподобный Антоний стал столь угодным Пресвятой Богородице, что Она взяла его с горы Афонской и даровала в поучение и пример иноческой жизни русским инокам, так что сбылось над ним пророческое слово: "Сделаю тебя заветом народа, чтоб восстановить землю, чтоб возвратить наследникам наследия опустошенные" (Ис. 49:8). Зерцалом был преподобный отец Антоний, непорочным зерцалом подвигов для Бога. Как смотрящие в зеркало украшают себя, так и преподобные отцы Печерские, взирая на житие первоначальника своего Антония, украшали житие и нравы свои, ибо он смолоду обучил их бояться Бога и воздерживаться от всякого греха. Был он и живым примером, потому что чему научал других, то сперва старался явить сам на деле, во всем показывая в себе образец добрых дел, как говорит апостол.

Скажите сами, братие, чьей помощью и наставлением обрели у Бога столь великую славу прочие чудотворцы Печерские, если не помощью и наставлением преподобного отца нашего Антония. Ибо все поучились от совершенства его. Чьим попечением и помощью Печерская обитель похваляется и чтится по всей Руси если не попечением и помощью преподобного отца нашего Антония Печерского, по изречению: "Слава детей - родители их" (Притч. 17:6).

Историки повествуют, что (в древности) на одном корабле были полотна с разными рисунками с изображениями битв. Пришел туда один афинянин и смотрел пристально на изображение битвы, бывшей некогда между Лакедемоном и афинянами; обернувшись, он увидел лакедемонянина, ходящего по этому помещению, которому указал пальцем на изображение и сказал: "Посмотри, как сильны Афиняне". Лакедемонянин же кратко ответил: "сильны, только на полотне". Мало ли людей есть, братие, в миру, которые украшают дома различными картинами и изображениями прадедов, дедов и родителей своих и, смотря, так хвалят их: "святой то был человек". А кто-нибудь ответит им: "Святой, но на изображении", то есть на словах, а не на самом деле, так же как афинская крепость и мужество, изображенная на полотне. Приблизимся же и мы к преподобному отцу нашему Антонию Печерскому, запечатлеем в уме богоугодное его житие, вспоминая, как боролся он с миром, с телом и диаволом: с миром - через отвержение его, с телом - через умерщвление, с диаволом - через пост и молитву. И видя победу его, исповедуем, что на самом деле явилась крепость и сила его. Что привлекло тебя, преподобный отче Антоний, к таким подвигам? Христос, слава вечная: "Я сораспялся Христу, - говорит он с Божественным апостолом, - чтоб жить для Бога" (Гал. 2:19).

В истории повествуется, как Кир, царь Персидский, следующим ухищрением возбуждал граждан к ратным подвигам. Он велел идти им в лес и там трудиться над рубкой дров; а на другой день устроил им хорошее, как подобает царям, угощение. Затем, собрав всех их, он спросил: какой день, по-вашему, лучше - вчерашний или нынешний, и повторения которого

дня хотите вы? Они все ответили: "Нынешнего, потому что он был днем радости и наслаждения, а вчерашний - днем труда и усталости". Кир же сказал им: "Если вы хотите навсегда иметь такой день, то нужно вам немного потрудиться и побороть врага; одолевши его, вы будете почивать в богатстве и наслаждении".

Воистину мудра эта уловка Кира, и труд нужен, чтоб обладать радостью и счастьем. И Сам Христос, желая поселить нас с Собой на небесах и напоить обилием дома Своего, премагает не другой какой способ, как труд, говоря: "Куплю дъйте, дондеже прииду".

Если б вы спросили здесь, братие, каково житие наше, нужно бы отвечать, что вчерашний день исполнен трудов и скорбей (как сказано: "Тысяча лет пред очами Твоими, Господи, что день вчерашний, истекший").

Как Кир, царь Персидский, не сразу почтил пиром своих подданных, но после труда их, так и Христос, после трудов наших обещает нам пир, которым несомненно насладится всякий подвизающийся в трудах, по неложному слову Христову: "Как завещал Мне Отец Царство, Я завещаю вам пить и есть на трапезе Моей в Царствии Моем". Поэтому, если хотим мы, братие, принять динарий небесной славы, должны мы прежде потрудиться за него. И, еще - хотим ли мы наследовать богатство наших духовных врагов, веселиться там, откуда они ниспали, и наслаждаться вечного пира на трапезе Христовой: должно прежде победить нам страсти и похоти плотские, ибо Христос сказал: "Побеждающему дам сесть со Мною на престоле, как победил Я и воссел с Отцом Моим на престоле Его".

Знал это хорошо преподобный отец наш Антоний Печерский, когда, придя со Святой горы, предался труду копания пещеры, не желая взять даром динарий вечной славы, пока трудолюбиво не претерпел за него, в уверенности, что воздаст Господь праведным мзду за труды их. Копая пещеры, он подвизался в том намерении, чтоб в надежде воспринять мзду равную с апостолом Павлом, похвалиться пред Господом: "Господи, больше всех сих я потрудился"!

А не иное он дело избрал в труд, как копание пещеры, потому что помнил слова, сказанные инокам преподобным Иоанном Лествичником: "Пусть удаляемся мы в страны смиреннейшие, мало славные, и далекие от всякой мирской отрады"! А какие места могут быть смиреннейшие для иноческого жития, малославнейшими и более далекими от мирской отрады, как не пещеры? Какое может быть веселье или отрада там, где предстоит уму понять о смерти, и никогда не отходит от мысли ответ грешному естеству нашему: "земля ты, и пойдешь в землю". И преподобный отец наш Антоний, чтоб удобнее соблюсти молчание, смирение, благоговение и наставить прочих к тем же добродетелям, первый явился вдохновителем копания пещер и жизни в них.

Тут явственно показал он совершенное свое отречение от мира, когда поселился в земле, чтоб не видели его. Тут он изобразил разом житие Марфы и Марии: одной - подвизаясь в копании пещер, другой - упражняясь в Богомыслии и всегдашней молитве. Он был наставником преподобному отцу нашему Феодосию и прочим преподобным в труде копания пещер и жития в них, и знал, что находящимся в тьме явится Божественный свет благодати и укрепит их в подвигах. Смотри на пещеры, где упокоилось столько преподобных, всякий скажет, что царские дворцы, хоромы вельмож, украшенные разной лепотой и роскошью, пред пещерами преподобных отец наших Антония и Феодосия - вертепы и хлевы.

О, святые пещеры, как назвать вас? Несомненно, назовем вас небом. Потому, о святые пещеры, вы - небо, что, как небесную твердь украшают солнце, луна и звезды, так и вас украшают преподобные отцы наши Антоний и Феодосии с прочими преподобными, и из них: кто как солнце, кто как луна, а кто как звезды. Но что называю вас небом! Вы много прекраснее небес, потому что на светилах небесных случается быть тьме, как сказано в

Евангелии: "солнце померкнет, и луна не даст света своего..." (Мф. 24:29). На ваших же светилах никогда не было тьмы, но "И свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Ин. 1:5). Солнце же ваше - это преподобный Антоний, потому что, как солнце объединяет и соразмеряет течение планет, и примиряет противные стихии, так и святой отец наш Антоний соединил братию во едино союзом любви, как планеты, совершающие течение на Печерском небе, так что у всех них было одно сердце и душа, как и во дни апостолов, по писанию: "У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа" (Деян. 4:32).

Но здесь, может быть, братие, кто-нибудь спросит: почему возлюбил преподобный отец наш Антоний жить в пещерах, и в чем тут тайна. На это можно ответить. Во-первых, гробы приличны мертвецам, как сказано Давидом: "Гробы их - жилища их в род и род" (Пс. 48:12). Святой Антоний, умерши однажды для мира, всегда умирал умерщвлением плоти, так что мог сказать с Божественным Апостолом: "По вся дни умираю", - и потому любил он жить в пещерном гробе. Кроме того, в Писании преподобный отец наш Антоний прочел, что царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на поле (Мф. 13:44), а ведь в горах много находят сокровищ, бывает в них и золото. А что иное есть Спаситель Христос, как не золото: "Глава Его - золото, и руки Его - золото"? (Песнь п. 5:11). И так, как отложив все мирское, святой Антоний обнищал ради Христа, то, чтоб обогатиться, копал пещеры и искал Христа, как сокровища, скрытого в поле и золота, находящегося в недрах гор, побуждаемый к тому словами Христа: "Ищите и найдете" (Мф. 7:7).

Пещеры - убежище для боящихся; в древесные и каменные расселины укрываются птицы, голуби и горлицы, боящиеся орла и ястреба, и так говорит невесте Дух Святой: "Голубица моя в ущелье скалы, под кровом утеса" (Песнь п. 2:14). И зайцы, слышав лай собак, укрываются в каменных пещерах, как говорит псалмопевец: "камень - прибежище зайцам". И Соломон вещает в притчах: "Горные мыши - народ слабый, но ставят дома свои на скале" (Притч. 30:26). Так и преподобный отец наш Антоний Печерский, чтоб сохранить себя от гордыни, которая является царицей грехов, как орел - царь птицам, от любостяжания, которое похищает и присваивает себе чужое, от нечистоты и всякого невоздержания плотского, - страстей, которые уподобляются псам, устремился в пещеры, как в надежное и тихое место, о чем в древности предвозвестил Бог через пророка Исайю: "В тот день человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов, которых сделал себе для поклонения им, чтобы войти в ущелья скал и в расселины гор..." (Ис. 2:20-21). И так, что Исайя показал в пророчестве, то преподобный Антоний - на деле, избирая себе пещеры убежищем от всех грехов. Пещеры суть жилища тех, чья жизнь многоплодна, ибо в каменных пещерах и расселинах деревьев пчелы собирают мед, птицы вьют гнезда, как говорит пророк: "даст знак Господь мухе, которая при устье реки Египетской, и пчеле, которая на земле ассирийской, и прилетят и усядутся все они по долинам опустелым и по расселинам скал..." (Ис. 7:18-19).

Чем же был святой отец наш Антоний Печерский, как не пчелой или не птицей? Пчелой он был по трудам смирения, чистоты и благодати. Птицей же он был по легкости к нестяжанию; множество добродетелей его были ему перья; скор был полет его к милостыне и высоко парил он в поучении и богомыслии. И потому подобало ему жить в пещерах, во исполнение добродетелей пчелы и птицы, образ которых он носил на себе. Между птицами некоторые превосходят других полетом, так что скрываются с глаз людских, достигая парением облаков, и первая из таких птиц - орел. И преподобный отец наш Антоний Печерский множеством добродетелей и богоугодным житием вознесся на такую высоту, что во время подвижнической жизни своей не виден был человеческим очам, и теперь, по смерти его, не могут быть видны святыне его мощи: скрывались при жизни от глаз человеческих, и по

смерти подобает им быть скрытыми от нас.

Откуда же знаем мы, братия, когда приближаемся ко гробу святого отца нашего Антония, о честных мощах его? От знамения огня, который некогда изошел от его гроба, о чем и расскажем.

Святой Афанасий пишет о святом Антонии Великом, что он имел такую благодать от Бога, что лицо его светилось как солнце, и, когда ему однажды пришлось стоять между множеством братии, то все, кто стоял далеко, не почему так не узнавали святого Антония, как по свету, исходящему от лица его. Такую благодать имел преподобный отец наш Антоний Печерский, как равный в подвигах преподобному отцу Антонию Великому. Сам Бог явился ему и свидетельствовал: "Антоний, ты обрел благодать предо Мной" (о чем и пишется в житии). Потому, если нельзя нам видеть его святых мощей, то по светлому огню, исшедшему некогда из гроба его, познали мы, что это наш преподобный отец Антоний. Это знамение, отличающее Антония Печерского среди столь великого множества бесчисленных преподобных, удостоверяет нас, отдаленных долгими годами от жизни преподобного, что именно там находились сокровенные честные мощи святого Антония, и может он сказать со псалмопевцем: "Это покой Мой навеки" (Пс. 131:14). Напоследок же укажем еще на причину, по которой преподобный отец наш Антоний возлюбил жизнь в пещерах. Воины, приступая к крепкому и неодолимому городу, чтобы взять его, сперва, обыкновенно, устремляются на ворота, разбивают их разными орудиями, и так одолевают. Если же в этом будет неудача, тогда делают подкоп и берут город. А какой же город столь крепок и неодолим, как небо? Святой Иоанн Богослов видел небо, и было у него "двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов; ...с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот" (Отк. 21:12-13). А число стен и оснований также двенадцать, по сказанному святым Иоанном Богословом: "Стена города имеет двенадцать оснований..." (Отк. 21:14).

О Боже наш, сколь многие хотят достигнуть того небесного города, ударяя в ворота различными орудиями воинских подвигов своих; то есть биением в грудь свою, поклонами и метаниями, по сказанному: "...стучите, и отворят вам" (Мф. 7:7). Зная твердо, что царство небесное берется силой и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11:12); как добрый воин Христов, желая обладать тем городом, преподобный отец наш Антоний старался взять небесный город, не только ударяя себя в грудь и творя метания и поклоны, и ими как бы орудиями небесного воинствования ударяя в ворота города, но и подкопом. Он стал копать пещеры, как бы ведя настоящий подкоп к небесному городу, и не вотще трудился, так что исполнилось над ним слово Господне, сказанное пророком: "Избранные Мои не будут трудиться напрасно" (Ис. 65:23).

Господь свидетельствует, что мало людей, стремящихся к небу таким подкопом, и он говорит через Божественного Матфея: "...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их" (Мф. 7:14). О Господи, - мало в другом месте, но здесь пещеры, обитель полна таких людей, которые идут узкими вратами и тесным путем, подкопом и жизнью в пещерах стремятся к жизни вечной.

Иные по смерти бывают забыты в мире, а преподобный отец наш Антоний Печерский трудами и подвигами, подъятыми в этих святых пещерах, исходатайствовал себе вечную память по всей Русской земле, по сказанному Давидом: "...в вечной памяти будет праведник" (Пс. 111:6). И если прекратятся летописцы, не будет народов, то самые пещеры, в которых до смерти подвизался святой Антоний, будут гласить, что он был преподобен во всех делах своих.

О преподобный отец наш Антоний, видя в тебе сочетание тех иноческих добродетелей, которые в прочих находятся обыкновенно в неравных степенях, воскликнем тебе по псалму:

"Славим Тебя, Отче, потому что ты дивно устроен" (Пс. 138:14). Если бы кто забыл твои подвиги и труды, то забудь его десница его, прильпни язык его к гортани его (Пс. 136:5-6). Если же кто не захотел бы славить тебя, то эти святые пещеры, эта святая обитель возвестит все хвалы твои, всюду возглашая: "Таков и должен быть у нас первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников..." (Евр. 7:26).

Удивляясь столь великим подвигам и добродетелям твоим и желая явственнее восхвалить праведность твою во всех делах, обращаемся к добродетели чистоты, которая есть сестра ангелов, одоление страстей, царица добродетелей и держава всех благ. От юности своей, среди других добродетелей иноческих, прилежал он и этой добродетели, зная, что чистота уподобляет человека не только ангелам, но и самому Богу, как говорит святой Василий: "Нечто великое и прекрасное есть девственная чистота, уподобляющая человека нетленному Богу; так что он являет в себе подобие Божие, как в чистейшем зеркале, исходящее от самого Бога и благодати Его, как благоприятное сияние". Знал достоинство чистоты преподобный Ефрем, говоря на похвалу ей такие слова: "О, чистота, обуздание очей, ведущая все тело от тьмы в свет; о, чистота, смирение тела, поработавшая его и быстро стремящаяся к небесному; о, чистота, любящая мать и жилище ангелов; сделавшая людей достойными славословить с ангелами; чистота, колесница небесная, возводящая на высоту того, кто стяжал тебя! Некогда Соломон вопрошал, кто может сказать: я очистил мое сердце, или я чист от греха моего (Притч. 20:9)? На этот вопрос, не обинуясь, может отвечать преподобный отец наш Антоний: "Я чист сердцем". Как же не было стяжать чистого сердца тому, кто от юности своей принес чистоту жизни как жертву Богу, говоря псаломски: "На Тебе утверждался от утробы" (Пс. 70:6).

Как было не соблюсти чистого сердца тому, кто был ангелом во плоти, и может сказать вслед за апостолом: "Как ангела Божия приняли вы меня!" (Гал. 4:14).

На небе девять чинов ангельских, и следует спросить нам, которому из них подобен был преподобный отец наш Антоний Печерский: ангелам низших чинов или высших чинов. По послушанию подобен был ангелам низших чинов, по любви к Богу и прочим совершенствам иноческим подобен был серафимам, так что святая Печерская обитель может пророчески воскликнуть, в похвалу его: "Прилетел ко мне один из серафимов, в руке его, горящий уголь" (Ис. 6:6), то есть пришел ко мне, как бы один из серафимов с небес - со Святой Горы, из лика иночествующих, святой Антоний, и дела его благие горели как уголь, составленный из любви. Серафимы превосходят саном и славой все чины ангельские на небе, святой же отец наш Антоний богоугодным и чистым житием превосходит всех преподобных той святой обители. Кто из них был столь преподобен? Один превосходил прочих чистотой, кто нестяжанием, кто смирением, кто послушанием, кто рукоделием, кто безмолвием или постом, или молитвой, а святой отец наш Антоний был преподобен во всех делах своих, и потому подобен он серафимам.

Был некогда Исаяя во исступлении и увидел серафимов, стоящих пред Богом, восседающим на престоле; они закрывали лица двумя крылами, ноги двумя крылами, а двумя крылами летали (Ис. 6:1-2). "Что значит эта тайна? - рассуждает божественный Златоуст. - Закрывали лица свои, чтоб оказать великую честь Богу, потому что не могли быстрозоркими своими очами созерцать столь великий свет, исходящий от лица Его; ноги закрывали по стыдливости, чтоб никто не смотрел на несовершенную их любовь и движения сердечные, знаменуемые ногами. Летали же двумя крылами, чтоб показать себя готовыми и скорыми ко всякому повелению Господню". Но находим и еще толкование этих слов и причину: серафимы делают то, как бы чудясь, что Сын Божий смирится на земле и понесет крест. Поэтому, уподобляясь Господу Своему, каждый стоял пред Ним, как распятый, потому что крылья у

главы были склонены, также и крылья у ног, а у рамен распростерты; об этом-то и говорит Исая: "Двумя крылами закрывали лица свои, двумя - ноги, а двумя - летали". И так, если бы кто внимательно рассмотрел положение их, то нашел бы, что они знаменовали собой крест.

То, что Исая видел тогда у престола Божия на небе, тому подобие видим мы во святой Печерской обители. Наши двое святых серафимов, Антоний и Феодосии, подражая тем небесным серафимам и предстая всегда на молитве как престолу Божию Его распятию, - и казались распятыми: закрывали лица свои, скрываясь от мира в пещеры, ноги, умерщвляя страсти свои и самих себя, двумя крылами летали, когда в подвигах своих воздевали к высоте руки свои, как распростерты крылья. И как те небесные серафимы у небесного престола, так и наши земные у Господнего креста всегда изображали из себя крест, по слову святого апостола: "Чтоб жить для Бога, мы сораспялись Христу" (Гал. 2:19).

Оставив в стороне святого Феодосия и обративши слово наше к святому Антонию, спросим, откуда явился у нас этот серафим. Святой Иоанн Богослов свидетельствует: "С востока: видех много ангел восходяща от востока солнца". Добрым предзнаменованием, братие, тому, что святая сия обитель будет всегда неотторжимо держаться Восточного Пастыря, служит то, что первого Строителя своего получила она с востока.

Небо наполнено чинами ангельскими, по слову пророка: "Тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред ним" (Дан. 7:10). Нескудна и святая обитель Печерская, которая имеет столько ангелов, сколько преподобных. Божественный Златоуст написал: "Плохо будет городу, в котором нет святого", и говорил, что в запустение придет такой город: "Город, в котором нет праведника или где был праведник, да забыли его, приходит в запустение". Кто же не ублажит тебя, святая обитель Печерская, видя, что не только украшена ты святыми, но на святых Божиих и основана: "Твое основание на горах святых" (Пс. 86:9). Богогласный евангелист Матфей обещает, что здание, основанное человеком на камне, не падет ни от дождя, ни от рек, ни от ветра: "Пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камени" (Мф. 7:25). Как же мы не будем дерзновенно обещать святой Печерской обители, что не только телесные, но и душевные враги не смогут повредить ей, потому что основана она на мощах святых Божиих мучеников. Еврейский историк Филон говорит: "Когда я вижу в доме или городе каком-нибудь святого и благого мужа, ублажаю я и дом тот и город". Если же такая похвала относится к дому или городу, в котором один только преподобный, какой похвалы достойна святая Печерская обитель, в которой не один, а бесчисленное множество преподобных. Воистину называем ее блаженной. Как не блаженна она, когда непрестанно молится о ней преподобный отец наш Антоний, по обещанию своему: "Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память" (2 Пет. 1:15). Или как не услышит Бог молитвы ходатайствующего о ней святого Антония, которого он сам послал от Святой Горы и воздвигнул на основание монастырю, и так свидетельствует о нем через Исая: "Я воздвиг его к правде и уровню все пути его, он построит город мой" (Ис. 5:13). Бог ясно показал при основании небесиподобной святой Печерской церкви, что приятны Ему молитвы преподобного Антония, когда по молению его низвел воду и росу с неба на место святой Печерской церкви, как о том подробнее описано в житии его. Какая же в том была тайна? Если рассмотрим некоторые свойства росы и огня, узнаем причину. Как от росы земля напояется влагой, так и от святой обители Печерской Русская земля напоилась учением святым. "Воды растили его, бездна поднимала его, реки ее окружали питомник его, и она протоки свои посылала ко всем деревьям полевым. Оттого высота его перевысила все деревья полевые, и сучьев на нем было много, и ветви его умножались, и сучья его становились длинными от множества вод, когда он разрастался" (Иез. 31:4-5). Так и святая

обитель Печерская, подавшая из себя начало иноческой жизни другим обителям, облекла их в труд, в подвиги, в праведность, как в зеленые листья.

И как роса есть родительница для маргаритов и рождает их в пучине морской, так и Бог через ту росу свидетельствовал, что святая обитель Печерская будет родительницей преподобных, которых она, как драгоценные Маргариты, родила в пещерах как в недрах морской, по сказанному Исайей: "Рождался ли народ в один день, как Сион,- едва начал родами мучиться, родил сынов своих" (Ис. 66:8). Но, так как Бог показал также и огнем, по молитвам преподобного, то же место святой Печерской церкви - в этом видим такую причину.

Огонь, по словам святого Дионисия, находится невидимо во всех вещах, если не действием, то силой. Посему Бог показал тем, что преподобные Печерские, которые будут жить на том месте, будут пребывать со всеми, если не телом, то духом и любовью, по слову апостола: "Хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами" (Кол. 2:5). И как пламень огненный влечет в высоту всякую вещь, которую он охватил, так и Бог свидетельствовал тем, что преподобные привлекут от земных вещей к небесным живущих на месте том, предлагая им всегда слова апостолов: "Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном" (Кол. 3:1-2).

Наконец, огонь знаменует гнев и ярость Божию, а роса знаменует слезы на молитве, как говорит Моисей: "Польется как роса речь моя" (Втор. 32:2). И Бог показал, что как вода тушит палящий огонь, так и слезные молитвы преподобных угасят ярость гнева Божия, как говорит псалмопевец: "Взывают праведники, и Господь слышит их" (Пс. 33:18). Потому-то и было отмечено, по молитвам преподобного Антония, - место для основания святой Печерской церкви росой и огнем.

Зная, братия, великую любовь преподобного отца нашего Антония ко святой обители, ублажая его, похвалим его словами, которыми некогда Маккавей восхвалил Иеремию: "Это братолюбец, который много молится о народе и Святой горе" (2 Мак. 15:14).

Иные, при основании храмов, измеряют место веревками, а преподобный отец наш Антоний Печерский, получив указание о месте, измерил землю, назначенную для храма Богородицы, золотым поясом, который дан был ему на это Симоном, сыном Африкана, князя Варяжского, о чем подробно пишется в житии его. Здесь следует, братия, спросить, отчего не веревкой, но поясом было измерено место для создания храма Пресвятой Богородицы? Нужно бы спросить, что значит тайна эта, тебя, преподобный отец наш Антоний, так как ты сам сделал это измерение. Но так как ты скрыл это молчанием, как хранитель безмолвия, зная, что и за то будет хвалить тебя Печерская обитель, как сказано в Псалтири: хваление его в церкви преподобных, мы по нашему разуму думаем, что причина этому такая. Пояс есть знамение славы, как вещает Сирах: "Препоясал его поясом славы" (Сир. 45:8). Преподобный отец наш Антоний показал, что Бог прославит эту святую обитель более других русских обителей, поэтому и измерил се поясом, говоря с пророком Иеремией: "Как пояс лежит близко к чреслам человека, так я приблизил к Себе весь дом Израилев и весь дом Иудин, чтобы они были моим народом и моей славой" (Иер. 13:11). Кроме того, пояс знаменует мученичество, о котором сам Христос сказал святому Петру: "Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел когда же состаришься, другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь" (Ин. 21:10). Преподобный отец наш Антоний измерял поясом это место в знамение того, что в нем родятся мученики, умерщвляющие самих себя (по слову: "Тебе ради оумерщвляеми есмы весь день"), и потому измерил не веревкой, а поясом. Или, наконец, предсказывал тем, что от того святого места как из училища мученичества выйдут препоясанные страдальцы Христовы, о которых пророчествовал Исайя: "Будет препоясанием

чресл его правда" (Ис. 11:5).

Не без причины и не напрасно преподобный отец наш Антоний вместе с золотым поясом, которым измерил место святой Печерской церкви, принял, по повелению Божию, от Симона и золотой венец, чтоб повесить над жертвенником, но указывал он тем, что та святая церковь и живущие при ней должны были стать златым венцом Христовым, как говорит Исая: "И будет певцом славы в руке Господней" (Ис. 62:8). То же вещает и Сам Христос через апостола каждому из преподобных: "Возлюбленные и вожделенные братья мои, радость и венец мой!" И для того получил он венец, чтоб возвестить, что здесь будут жить люди такой жизни, что в них будет пребывать Бог, по слову пророка: "Вы мне будете царством священников" (Исх. 19:6). Венцом предзнаменовал, что как цари выделяются пред всеми царским венцом своим, так и святая Печерская обитель превзойдет, как царица, другие обители славой и богатством добродетелей. "Многие дочери приобрели богатства, а ты преуспеешь и вознесешься над всеми".

И как венец золотой бывает богат драгоценными камнями, так и обители Печерской предстояло богатство добродетелей, как сказал Сирах: "Сам стоя при угле алтаря и окрест его венец братии".

Наконец, пояс знаменует добродетели и благостыню, как говорит апостол: "Станьте, препоясав чресла ваши истиной" (Мф. 6:14), а венец изображает награду за подвиги.

Святой Антоний еще во время основания той церкви, желая привлечь учеников своих и тех, которые будут после них, к добродетелям и подвигам, в знамение воздаяния за добродетели получил венец и повесил его, сделав над ним надпись: "Не увенчивается, если незаконно будет подвизаться" (2 Тим. 2:5).

Но так как и пояс и венец были золотые, это было знаком, что все эти подвиги будут совершаться ради любви к Богу, который изображает золото, по слову Господню: "Советую тебе купить золото, расплавленное огнем, чтобы тебе обогатиться" (Отк. 3:18). А под огнем истолкователи разумеют любовь.

Кто, братие, живя во святой Печерской обители, не возрадуется тому, что она называется чудотворной не только от преподобных, но и от основания своего, сопровождавшегося чудесами! Кто не возвеселится, видя в ней такого предстателя и заступника, всегда молящего о том, чтоб не были мы лишены венца славы, прообразом которого был венец, дарованный во время основания той святой церкви. И мы радуемся, преподобный отче наш Антоний, и празднуем твою память, хвалим тебя как дети отца, как ученики учителя, как овцы пастыря и наставника, и, в воспоминание о тебе, сплетши тебе венец из твоих же добродетелей, украшая тебя им, взываем:

Радуйся, носящий небесное имя, всегда мыслящий не о земном, но о небесном.

Радуйся, зеркало воздержания, смирения, послушания и безмолвия.

Радуйся, пример чистоты и целомудрия.

Радуйся, вольный мученик.

Радуйся, совершенный постник.

Радуйся, пророк.

Радуйся, врач душ и телес наших. Радуйся, изгоняющий бесов.

Радуйся, серафим, принесший сюда с горы Афонской в устах, как клещами, горящий уголь подвигов иноческих.

Радуйся, ангел, принесший в Русь со Святой Горы начало ангельского жития. Радуйся, солнце, воссиявшее нам от востока - от Святой Горы, на горах Киевских и до вечера собравшее на подвиги множество иночествующих по слову Давида: Восходит солнце, и они собираются (Пс. 103:22).

Радуйся, вертоградарь, украсивший преподобными, как цветами, это жилище Божие.

Радуйся, принявший благословение от Святой Горы, чтоб умножилось в Руси потомство твое, как звезды небесные и песок на берегу морском.

Радуйся, второй Авраам, вменивший себя за землю и пепел, и потому неисходно живший в земле.

Радуйся, что из тебя, как из корня, во святой обители Печерской вырос плод славы и богатства преподобных.

Радуйся, второй Гедеон: как он, в знамение победы над Маделнитами, свел молитвами своими росу на руно, так и ты в знамение основания церкви своими молитвами низвел росу с неба на землю.

Радуйся, второй Илия: как он свел с неба огонь для истребления слуг царя Охозии, так и ты свел огонь с неба для очищения места для церкви Богоматери.

Радуйся, получивший извещение от Пресвятой Богородицы об отходе твоём от земли к небу.

Радуйся, столп крепости пред лицом врага, на котором утверждена святая Печерская обитель. Радуйся, похвала наша.

Радуйся, единственное прибежище наше по Боге и Пресвятой Богородице и теплое заступление наше.

Радуйся, испустивший некогда пламень от святого твоего гроба, в знамение любви твоей к живущим в твоей святой обители.

Радуйся, молитвами твоими даровавший Иоанну Многострадальному победу на страсти плотские и одоление на блудного беса.

Радуйся, измеривший золотым поясом храм Богоматери, от Которой ты получил пояс бессмертия.

Радуйся, получивший венец для украшения церкви Печерской, а потом принявший на главу свою неувядаемый венец на небе!

Украсив тебя, преподобный отче наш Антоние, этим венцом радости, славы и чести, смиренно припадая к раке мощей твоих честных, молим тебя прилежно, поминай нас, отче наш, почитающих память твою. Кто ведь так предстательствует о нас пред Богом как ты, породивший нас духом. Знаем мы, преподобный отче наш Антоний, что твоими молитвами и благословением, когда жил ты здесь, не погиб ни один из учеников твоих, но все, как победители страстей, увенчаны на небе венцом.

А мы, хотя настолько же далеки от подвигов и прежних учеников твоих, как небо от земли, но, чего не достигаем мы трудами, в том помогай ты нам молитвами своими, чтоб нам, представши на страшном суде с древними учениками твоими, услышать от тебя глас хвалы: "Вот я и дети мои, которых дал мне Господь!" (Ис. 8:18).

Тогда ученики твои, преподобный отец наш Антоний, имели от тебя великие благодеяния: кто - власть на духов темных, кто - силу на умерщвление похотей плотских, кто - дар исцелений. И мы наслаждаемся теперь великими твоими благодеяниями. Чьи молитвы делают то, что мы пребываем без вреда, между тем как люди многим лучше нас - в эти лютые времена - умерли различными смертями: от голода, от бедствий, от меча, в плену? Это твои молитвы над нами.

И в знак благодарности за твои благодеяния мы над гробом твоим пишем те слова, которые написал некогда Аристотель учителю своему Платону, воздвигая ему алтарь: "Тот, которого поистине все должны величать и славить".

Как же мы не будем славить тебя, преподобный отче наш, когда славят тебя сами небеса, по слову псалма: "Да торжествуют святые во славе" (Пс. 149:5). Как не величать тебя,

возвеличившего во всем людей твоих и прославившего их, и нигде, никогда не презревшего их при твоём предстоянии престолу Божию? Преподобный отец наш Антоний, ты знаешь немощи наши. Не можем мы, как хвалить, величать, так и достойно наследовать тебе. Если бы и хотели мы усердно и достойно славить тебя, то труды и подвиги твои превосходят наш разум; если бы хотели явиться наследниками тебе по жизни - нет в нас той крепости. Потому молим тебя: молись о нас Владыке и Богу нашему, чтоб вразумил Он нас и чтоб мы могли славить, величать и достойными явиться тебе наследниками. Христос - наша сила, Бог и Господь. Потому, припадая усердно к раке честных мощей твоих, молим тебя: молись и о том, чтоб подал нам силу и крепость на врагов души нашей, удаляющих нас всегда от путей преподобных учеников твоих, силу против похотей плотских, силу на умерщвление всех страстей. Чтоб явиться нам победителями их и воспринять в день страшного суда, твоими молитвами победный венец с древними учениками твоими от Победителя врагов, Христа, Сына Божия, и получить вместе с ними в Царствии Божии наследие славы во Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцом и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь

Житие преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, начальника иноков русских, которые стали подвизаться в монастырях по уставу

Он утвердил совершенное иноческое житие, насажденное в Руси преподобным Антонием, переселил иноков из пещер в монастырь и ввел чин святого Студийского монастыря, и упрочил Печерскую Лавру неисповедимыми подвигами и чудесами.

Теперь должно нам увидеть второе великое светило Русского неба, святой чудотворной Лавры Печерской - преподобного и богоносного отца нашего Феодосия. От преподобного Антония, как от светозарного солнца, приняв свет равноангельской жизни, он явился прекрасной луной со множеством звезд добрых дел своих и умножившихся учеников и просвещал ночь нерадения о добродетелях. Обратите взор к нему и просветитесь подражанием в делах добрых. "Знайте, что Господь отделил для Себя святого Своего" (Пс. 4, 4). О славном житии его, украшенном звездочисленными подвигами и чудесами, свидетельствует в достаточном повествовании своем верный свидетель, находящийся уже на небе, преподобный отец наш Нестор. Но прежде предлагает обстоятельное предисловие, в котором содержится следующее: "Благодарю Тебя, Бладыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил Ты меня недостойного быть свидетелем о святых Твоих угодниках. Я понудил себя поведать о них, хотя это выше моей силы и недостойн я, как человек грубый, неразумный и не наученный никакому искусству. Но вспомнил я слово Твое: "Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас" (Мф. 17, 20). И я грешный Нестор принял в ум мой слова эти и оградил себя верой и упованием, что все возможно Тебе, - и начал писать слово о житии преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, игумена Печерского монастыря Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, начального архимандрита всея Руси. Постоянно печалился я, вспоминая о жизни преподобного и о том, что никем не описана она, и молился я Богу, сподобить меня написать все как следует о делах угодника Своего, чтоб до тех черноризцев, которые будут после нас, дошло писание это и они, прочтя его и уразумев доблесть этого мужа, восхваляя Бога и прославляя угодника Его, стремились на те же подвиги. Особенно же пусть восхвалят его за то, что в стране этой явился такой угодник, о котором Господь сказал, что "много последних будут первыми" (Мф. 20, 16). Ибо и этот последний (по годам) - явился равным первым отцам, подражая жизнью своей иноческому совершенству святого первоначальника Антония - не Печерского только, но и великого Египетского Антония, ближе же - тезоименитого ему Феодосия, архимандрита Иерусалимского. Эти праведники, проведя жизнь в равных подвигах, послужили Владычице Богоматери, и, приняв равную награду от родившегося через Нее Бога, непрестанно молятся о нас, чадах своих". "Достойна удивления такая жизнь, ибо в отеческих книгах пишется, что последний род будет слабым, а преподобный Феодосий в этом последнем роде явил себя великим трудником и пастырем овцам словесным, наставником и учителем инокам, который был украшен смолоду чистой жизнью и равноангельскими делами, просвещенными верой и разумом".

И вот, я начну описывать жизнь его от юных путей его. Только, братие, слушайте со всяким прилежанием, ибо исполнено это слово пользы для всех внимающих ему.

Прошу вас еще: не осуждайте грубость мою, ибо любовь моя к преподобному понудила меня написать это слово о нем. Писал также потому, что опасался, чтоб и мне не было сказано: "Лукавый раб и ленивый, надлежало тебе отдать серебро мое торгующим и, пришед, я получил бы свое с прибылью" (Мф. 25, 26 и 27); почему, братие, нехорошо утаивать чудеса Божии, в особенности помня слова Христовы: "То, что говорю вам в темноте, говорите при свете, и что слышите на ухо, проповедуйте на кровлях" (Мф. 10, 27). И так, хочу я писать на пользу и поучение слушающим, чтоб и вы, славя за это Бога, получили воздаяние. Желая же положить начало слову и перейти к повествованию, прежде молюсь я Господу: Владыко мой Господи, Вседержителю, Податель блага, Отец Господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое к разумению заповедей Твоих и отверзи уста мои, чтоб исповедать чудеса Твои и похвалить угодника Твоего, на славу имени Твоего святого, потому что Ты защищаешь всех уповающих на Тебя".

Сделав такое вступление, блаженный летописец начинает складывать повествование о равночисленных звездам подвигах преподобного таким образом.

Есть город, близ стольного Русского города Киева, именован Васильев или Васильков. В нем пребывали родители преподобного Феодосия, живя в вере Христовой и украшаясь благочестием.

Когда родился у них сей святой - они на восьмой день принесли его к священнику, чтоб наречь ему имя. Священник же, увидев дитя и сердечными очами прозревая, что с детства отдаст он себя Богу, назвал его Феодосием. Когда прошло сорок дней, младенца крестили, и он рос у родителей, и была на нем благодать Божия (Лк. 2,40).

Вскоре родители его переселились далеко, в другой город, именован Курск, по повелению князя, но - скажу я - более по Божию усмотрению, чтоб и там просияло житие доброго отрока.

В том городе и рос отрок телом, возрастал и духом в премудрости и любви Божией. Он сам упросил родителей своих отдать его учиться Божественным книгам, что они и сделали. И скоро стал понимать он все Божественное Писание, так что все удивлялись премудрости и разуму его, и скорому его учению. Ежедневно ходил он в церковь Божию, слушая внимательно Божественное Писание. К играющим детям не приближался, как делают в детстве, но удалялся от игр их, не украшал себя великолепием богатых одежд, но был доволен худым рубищем.

Когда ему было тринадцать лет, умер его отец. И с тех пор еще более стал подвижничать преподобный, так что выходил с рабами своими на поле и работал смиренно. Мать его возбраняла ему в том, приказывала ему одеваться в хорошее платье и играть со сверстниками, и говорила: "Одеваясь так, ты делаешь укоризну себе и роду своему". Но он в этом не слушался ее, но предпочитал ходить, как нищий, так что часто гневалась она, приходила в ярость и била его.

Блаженный юноша думал о том, как и каким образом спастись. Слыша о святых местах, где Господь наш ходил во плоти и совершал дело спасения нашего, желал идти туда, поклониться им, и молился о том: Господи Иисусе Христе, услышь молитву мою и сподобь меня посетить святые места и поклониться им.

Пришли в Курск странники; встретив их, блаженный юноша обрадовался, подбежал к ним и, приветствуя их, расспрашивал, откуда они и куда идут. Они отвечали, что они из святого города Иерусалима, и, с Божьей помощью, хотят идти обратно. Тогда блаженный юноша стал просить их взять его с собой и довести до святых мест, и обещали они взять его с собой и довести, и с радостью пошел он тогда домой. Когда странники стали собираться, они известили юношу о своем уходе. И он ночью, так что никто не знал о том, встал, покинул

дом в одной худой одежде, и пошел вслед за странниками. Но не было в воле всеблагото Бога, чтоб тот, кому от чрева матери Он назначил быть пастырем словесных овец, постригаемых в чин ангельский, иноческий, ушел из земли нашей Русской.

Через три дня мать его узнала, что он ушел со странниками, и погналась за ним, взяв с собой младшего сына. После долгой погони, догнали их и остановили преподобного. И там, в великом гневе и ярости, мать схватила его за волосы, повалила на землю и топтала его ногами. Укорив странников, она возвратилась домой, ведя сына, как злодея, связанным. И такой гнев был в ней, что, приведя его домой, она била его, пока он не изнемог, затем связала его и заперла в особой горнице. Блаженный юноша принимал все это с радостью, и, молясь Богу, благодарил Его за все. Через два дня мать вошла к нему, развязала и дала есть. Но, будучи еще разгневана, она наложила на ноги его тяжелый железные оковы, опасаясь, что он опять убежит от нее, и так долго ходил он как узник. Потом мать смилостивилась и начала с мольбами увещевать его, чтоб он больше не бегал от нее; потому что она любила его больше других детей и тосковала без него. Когда он обещал ей, что не уйдет от нее (если это будет полезно), она сняла железо с ног его и просила его делать, что хочет. А блаженный Феодосий, вернувшись к прежнему подвигу своему, ходил всякий день в церковь Божию.

Видя, что часто не служат Божественную литургию из-за недостатка просфор, он много о том скорбел, и сам решился по смирению своему исправлять то дело, и сделал так. Стал он покупать пшеницу, молоть ее своими руками, печь просфоры и часть приносить в церковь, остальные же продавать; и сколько денег оставалось лишних, давал нищим, а на остальные покупал снова пшеницу и делал просфоры. Такова была воля Божия, чтоб от чистого отрока приносимы были в церковь чистые просфоры. В этой работе провел он года два или более.

Все его сверстники, по наущению врага, с укорами ругали его за такое дело; но с радостью и в молчании переносил то преподобный. Враг же, ненавистник добра, видя себя побеждаемым смирением трудолюбивого отрока, не мог успокоиться, желая помешать ему в таком труде, и стал вооружать против него его мать, чтоб воспрепятствовала она ему в его деле. И мать, страдавшая оттого, что сын ее выносил такие насмешки, стала с любовью говорить ему: "Умоляю тебя, сын мой, брось эту работу, потому что ты наносишь укоризну своему роду. Не могу я слышать, как все укоряют тебя за это дело, и не подобает тебе, еще малолетнему, заниматься таким делом". Со смирением отвечал ей блаженный Феодосий: "Послушай, прошу тебя, мать моя, Господь Бог наш принял на Себя вид убожества и смирился, подавая нам пример, чтоб и мы смирились ради Него. И был Он также поруган, оплеван и заушен, и все претерпел ради нашего спасения; тем более нужно терпеть нам, чтоб приобрести Христа. А о том, какое я делаю дело, выслушай следующее. Когда Господь наш Иисус Христос возлежал на Тайной Вечери с учениками Своими, тогда, взяв хлеб, Он благословил, преломил, дал ученикам и сказал: "Приимите, ядите, сие есть тело Мое..." (Мф. 26,26; 1 Кор. 11, 24). И, если Господь наш хлеб, приготовленный для Тайной Вечери, назвал Своим телом, радоваться нужно и мне, что сподобил Он меня делать такой хлеб, на котором совершается это великая Тайна преложения в тело Христово".

Услыхав такой ответ, мать удивилась премудрости отрока и предоставила ему свободу. Но враг не отступился от матери, внушая ей препятствовать сыну в его смирении и его труде.

Через год, застав его опять пекущим просфоры и почерневшим от пламени, опять она пожалела его, и снова начала мешать ему, иногда лаской, иногда угрозами, иногда и побоями, чтоб он бросил это занятие. А блаженный юноша был повержен тем в великую скорбь и, недоумевая, что делать ему, встал ночью, тайно покинул свой дом и пришел в другой город, недалеко от Курска, где стал жить у пресвитера, продолжая заниматься своим делом. Мать же его, после поисков по своему городу не найдя его, очень жалела его. По прошествии многих

дней услышала она, где он живет, и с великим гневом отправилась за ним. Достигнув того города, она нашла его в доме пресвитера, и, взяв его, повлекла в свой город, осыпая побоями, а когда привела домой, сказала: "Уже больше ты не отойдешь от меня, и, куда ты ни пойдешь, я найду тебя и приведу сюда".

А блаженный, как и прежде, целыми днями молился Богу и ходил в церковь.

Он был смирен сердцем, покорен пред всеми, так что начальник города Курска, узнав, что отрок этот с таким смирением и послушанием любит дело церковное, отличил его своим вниманием и поручил ему смотреть за своей церковью. Он подарил ему для ношения богатую одежду, но блаженный, походив в ней немного дней, как бы нося на себе какую-то тяжесть, снял ее и отдал нищим, сам же облекся в худую одежду. Начальник же, увидев это, дал ему снова другую, лучшую первой одежду, прося его чтоб он ходил в ней, но он и ее снял и отдал. И так делал он много раз. И, узнав о таких поступках, начальник стал еще больше любить его и удивлялся смирению его.

Через некоторое время блаженный Феодосий пошел в кузницу и попросил сковать ему вериги из железа, обвил их вокруг пояса и так ходил. Железо было узко и врезалось в тело, а он терпел, точно не чувствуя никакой боли. Через некоторое время мать его в праздничный день стала принуждать его одеться в хорошую одежду, главным образом потому, что все вельможи должны были в тот день собраться у начальника города, и блаженному Феодосию велено было там быть и служить. Когда он начал надевать праздничное платье, мать его пристально следила за одеванием, и не мог он от нее утаиться: она увидела на рубашке его кровь. Желая знать, откуда эта кровь, она нашла на нем железо и поняла, что кровь происходит оттого, что железо врезается в тело. И, разгорясь гневом, с яростью она разорвала на нем хитон и с побоями сняла с его пояса железо. А блаженный отрок, как будто никем не обиженный, оделся и пошел с кротостью прислуживать пирующим.

Через некоторое время услышал он слова Господни в Евангелии: "Кто любит отца или мать более нежели Меня, недостоин Меня" (Мф. 10, 37). И еще: "Матерь моя и братья мои суть слышащие Слово Божие и исполняющие его" (Лк. 8, 21) и, кроме того, слова: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим" (Мф. 11, 28-29). Эти слова разожгли душу Боговдохновенного Феодосия и, горя рвением Божиим, он помышлял всякий день и час о том, как бы и где скрыться от матери и постричься во святой иноческий образ. По Божию усмотрению, случилось матери его выехать в поместье, и долго оставаться там. В радости помолился блаженный и тайно вышел из дома своего, не имея у себя ничего, кроме одежды на теле и немного хлеба для немощи телесной. Итак, поспешил он в город Киев, так как слышал об иноках, там живущих. Он не знал дороги, и просил Бога послать ему в помощь спутника. И вот, по Божию усмотрению, приключилось идти тем путем купцам, везшим на возах тяжелую кладь. Когда блаженный узнал, что они идут в Киев, он обрадовался и прославил Бога, исполнившего желание сердца его, и шел за ними, но вдалеке, не показываясь им. Когда же они останавливались на ночлег, блаженный ложился так спать, чтоб не терять их из виду. И единый Бог хранил его. Так совершая путь, он в три недели дошел из Курска до стольного города Киева.

Придя в Киев, он обходил все (еще не устроенные тогда по истинному уставу) монастыри и просил живущих в них принять его. Но они, видя убогого юношу, одетого в худое платье, не хотели принять его. На то была Божья воля, чтоб он шел на то место, куда от чрева матери призывал его руководивший им Бог.

Тогда-то услышал он о преподобном Антонии, проводившем жестокое житие в пещере. Как бы крылья выросли у его ума, он устремился туда и пришел к преподобному старцу.

Увидав его, он поклонился ему, и со слезами просил его принять к себе в иночество. Преподобный Антоний сказал ему: "Чадо, видишь, что пещера эта скорбна и тесна, и не вынесешь ты всех трудностей этого места". Говорил же он так, не столько искушая его, сколько пророчески провидя, что он распространит место то и создаст славный монастырь, где соберется множество иноков. С умилением отвечал Богом вдохновенный Феодосии: "Узнай, честный отец что Христос Бог, Промыслитель всего, привел меня к твоей святыне, желая чтоб спасся я через тебя. Потому я сделаю то, что ты мне велишь".

Тогда сказал ему преподобный Антоний: "Благословен Бог укрепивший тебя, чадо, на такое старание, - вот тебе место, пребывай на нем". Блаженный Феодосии снова поклонился ему до земли, чтоб старец благословил его. И благословил его преподобный Антоний и повелел постричь его блаженному Никону, который был иереем и опытным черноризцем. И тот, взяв блаженного Феодосия, как незлобивого агнца, постриг по обычаю святых отцов и облек в иноческую одежду, на двадцать четвертом его году, при благоверном князе Ярославе Владимировиче.

И весь предался Богу преподобный отец наш Феодосии и своему Богоносному старцу Антонию, и подъял с тех пор великие труды, как во истину принявший иго. Он все ночи проводил, бодрствуя в славословии Бога, побеждая тяжесть сна, и повседневно удручал себя воздержанием и постом, трудясь своими руками. Постоянно вспоминал он слово псалма: "Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои" (Пс. 24, 18). И потому смирял он воздержанием и постом душу, бодрствованием же и рукоделием утруждал тело, так что преподобный Антоний и блаженный Никон дивились столь великому его в юности благонравию, смирению и покорности, бодрости и крепости, и много славили за то Бога.

Мать его долго искала его не только в своем городе, но и в окрестных, и, не найдя его, плакала по нем горько, как по мертвом, ударяя себя в грудь. И по всей той стране было указано, если где увидят похожего на него юношу, привести его и дать знать матери, и получают за это награду. И вот некоторые люди, пришедши из Киева, поведали ей, что четыре года назад видели его в их городе, где он хотел постричься в одном из монастырей. Услыхав это, мать Феодосия не побоялась долгого пути, не поленилась идти туда на поиски. Ни мало не медля, прибыла она в Киев и обходила все монастыри, ища его. Напоследок уведомили ее, что он находится в пещере у преподобного Антония, и она пришла туда, чтоб найти его, и начала обманом вызывать старца, говоря: "Скажите преподобному Антонию, чтоб он вышел ко мне, я перенесла долгий путь, чтоб прийти поклониться святыне его и получить от него благословение". Об этом было доложено старцу, и он вышел к ней из пещеры. Она, при виде его, поклонилась ему до земли. Старец, сотворивши молитву, благословил ее, и, когда, после молитвы, они сели, женщина начала с ним долгую беседу, и, при конце ее, объяснила причину, ради которой пришла, и сказала: "Умоляю тебя, отче, поведай мне, здесь ли мой сын, ибо великую тугу и скорбь перенесла я, не зная, жив ли он". Старец, будучи незлобив и не предполагая ее обмана, ответил ей: "Сын твой здесь, не скорби, не беспокойся о нем, - он жив". Она сказала ему: "Почему же, отче, я не вижу его; много потрудились я и пришла сюда только, чтоб видеть сына моего, а затем вернуться". Старец же сказал ей: "Если хочешь видеть его, отойди отсюда, я пойду, уговорю его, потому что он не хочет никого видеть. А ты приходи завтра и увидишь его". Услышав это, она поклонилась старцу и ушла, надеясь на другой день увидеть сына своего. А преподобный Антоний, войдя в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, и тогда смутился блаженный, что не смог утаиться от матери своей. На следующий день женщина пришла опять, и старец много уговаривал блаженного выйти к матери, но тот не захотел. Тогда старец вышел к ней и сказал: "Много молил я сына

твоего, чтоб вышел он к тебе, но он не хочет".

Не со смирением, а с великим гневом обратилась она тогда к старцу и кричала: "Досаждают мне старец этот, что скрыл в пещере моего сына и не хочет его показать мне. Выведи мне, старец, сына моего, чтоб видеть мне его, потому что и жизни не хочу, если не увижу его. Покажи мне сына моего, чтоб не умереть мне злой смертью, - ибо я наложу на себя руки пред дверями этой пещеры, если ты не покажешь мне его". Тогда преподобный Антоний, находясь в великой скорби, вошел в пещеру и молил блаженного, чтоб тот вышел к матери. Не желая оскорбить старца, Феодосии послушал его и вышел к ней.

Мать, видя сына в таком скорбном виде, с лицом, изменившимся от великого воздержания и труда, упала на шею его и долго плакала горькими слезами; и как только немного успокоилась, стала увещевать его: "Вернись, дитя мое, домой - ты будешь делать там по воле своей все на пользу и спасение души; только не разлучайся со мной; когда же я отоюду от жизни, ты предашь тело мое гробу, и тогда сам возвратишься в пещеру, ибо не могу я жить, не видя тебя". Блаженный сказал ей: "Мать моя, если хочешь видеть меня, останься здесь в Киеве и постригись в женском монастыре, и, приходя сюда, можно тебе будет видеть меня, вместе же с тем ты получишь и спасение души. Если же не сделаешь так - правду говорю тебе - не увидишь больше лица моего". Такими и еще многими другими уговорами увещевал он свою мать в продолжение многих дней, когда она приходила к нему. Но она не хотела и слышать его. Когда она уходила, блаженный, войдя в пещеру, молился усердно Богу о спасении матери своей и о том, чтоб сердце ее обратилось к исполнению слов его. И Бог услышал молитву угодника своего, как сказал пророк: "Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит, и спасает их" (Пс. 144, 18-19).

Через несколько дней, придя к блаженному, мать его сказала: "Дитя мое, я исполню все сказанное тобой, и не возвращусь более в родной город. Но, по воле Божией, поступлю в женский монастырь и, постригшись в нем, проведу остающиеся мне дни, ибо из наставлений твоих я поняла, что этот маловременный мир - ничто". Услыхав это, блаженный возрадовался духом и, войдя в пещеру, поведал то преподобному Антонию. Преподобный же Прославил Бога, обратившего ее сердце к такому покаянию, и, выйдя к ней, много учил ее о полезном для души. Потом рассказал о ней княгине и устроил ее в женском монастыре святого Николая, где она была пострижена и, прожив много лет, в добром исповедании с миром упокоилась в Господе.

А эту часть жития блаженного отца нашего Феодосия, с юности доселе, рассказала мать его одному из братии (который был келарем при том же преподобном отце нашем Феодосии), именем Феодор; услышав все это от него, блаженный Нестор записал на память и пользу всем читающим, как и сам здесь о том говорит.

А о прочих подвигах святого, которым и сам был свидетель, так повествует тот же составитель жития его.

Вскоре святой отец наш Феодосии оказался в пещере победителем злых духов. По пострижении матери своей и удалении от всякой мирской заботы, он стал подвизаться большими трудами на Божье дело. И были видны трое святых, сияющих в пещере, молитвой и постом разгоняющих тьму бесовскую - преподобный Антоний, блаженный Феодосии и великий Никон. Они пребывали в пещере, молясь Богу, и Бог был с ними. "Ибо, - сказал Он, - где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" (Мф. 18, 20).

Когда блаженный Никон отошел от преподобного Антония с одним иноком-болгариним, монастыря святого Мины, преподобный отец наш Феодосий, изволением Божиим, по желанию преподобного Антония поставлен был иереем. И ежедневно, в великом смирении,

совершал литургию. Был он иерей кроткий нравом, тихий мыслию, простой сердцем, исполненный всякой духовной мудрости, имел нелицемерную любовь к братии, которую (числом двенадцать) собрал преподобный Антоний. Когда же преподобный Антоний поставил братии в пещере вместо себя игуменом блаженного Варлаама, а сам переселился на другой холм и, ископав пещеру, начал жить в ней, тогда этот благоговейный иерей, преподобный отец наш Феодосий, с блаженным игуменом Варлаамом остался в первой пещере, и с ним вместе поставил над пещерой малую церковь Успения Пресвятой Богородицы, чтоб братия собиралась там на Божественное славословие.

Во время этой жизни с братией в пещере, сколько они приняли скорби и печали, по тесноте ее и подвигам своим, невозможно поведать человеческим языком, но известно только одному Богу. Пищей их там был только ржаной хлеб и вода; иногда лишь в субботу и воскресенье вкушали немного сочива, но часто и в эти дни за неимением сочива, варили и ели одну зелень. Ежедневно работали они своими руками, плели волну и исполняли другие ручные работы, которые носили в город и продавали; купив на вырученные деньги жито, делили его между собой, и всякий ночью молот свою часть зерна для приготовления хлебов. Затем, собравшись в церковь, начинали утреннюю службу, и, совершив ее, трудились над работой, назначавшейся для продажи, иногда даже торговали в ограде, пока подходило время часов и божественной литургии, которые совершались со всяческим вниманием, причем все собирались в церковь. Потом вкушали немного хлеба, и каждый шел на свое дело, до времени вечерни и повечерия. И так, постоянно трудясь, пребывали они в любви Божией. Преподобный же отец наш Феодосий, почтенный саном священства, превосходил всех в посте, в бодрости, в ручных работах, больше же всего в смирении и послушании, он был помощником для всех, иногданося воду, иногда же дрова из леса. Иногда, во время сна братии, брал он их разделенное жито, молот часть каждого, и ставил на свое место; и сам целыми ночами бодрствовал в молитве.

Иногда, при множестве оводов и комаров, ночью выходил он на холм над пещерами и, обнажив тело до пояса, сидел, руками прядя волну, а устами воспевая Псалтирь Давидову, и от множества оводов и комаров все тело его бывало обагрено кровью; а он оставался неподвижен, не вставая с места, пока не приходило время утрени. И он оказывался прежде всех первым в церкви и, став на своем месте, не двигаясь, с умом собранным, совершал Божественное славословие, и уже после всех выходил из церкви. Потому все любили его и считали за отца, дивясь более всего смирению и покорности его.

Когда блаженный Варлаам, игумен Печерской братии, был переведен князем Изяславом в монастырь святого великомученика Димитрия и там поставлен игуменом, тогда Печерская братия, собравшись к преподобному Антонию по общему согласию, просила поставить им игуменом преподобного Феодосия, как искусного в иноческом житии и близко знающего Божии заповеди. Преподобный же Антоний, призвав святого Феодосия, благословил его на игуменство. Братии тогда было числом двадцать. Достохвальный же игумен, преподобный отец наш Феодосий, хотя и принял старейшинство, не изменил своего смирения и своих обычаев. Но он имел в памяти слова Господа: "Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом". И потому он смирялся, делая себя меньшим всех и служа всем, во всем подавая собой образец добрых дел, прежде всех выходя на дело и прежде всех приходя в церковь, а уходя последним. И молитвой этого праведника умножалось и процветало это место, по слову: "Праведник цветет как пальма, и возвышается подобно кедру в Ливане" (Пс. 31, 13). При нем умножалась братия в пещере, как в земле доброй, потому что он во истину имел семя благодати, приносящее плоды во сто крат; за короткое время собрал он братии сто человек, и все они процветали добрыми нравами и молитвами. Преподобный отец наш Феодосий,

воистину земной ангел и небесный человек, видя, что при великом умножении братии место тесно и все не могут поместиться в пещере для безмолвной жизни, а в малой церкви над пещерой - для соборной службы видя кроме того скудость - не впал в печаль. Он не скорбел о том, но ежедневно утешал братию, поучая ее не заботиться о внешнем, и напоминал слова Христа: "В доме Отца Моего обителей много" (Ин. 19, 2), и еще: "Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Мф. 6, 33). Преподобный помнил эти слова, и Бог щедро подавал ему все потребное.

Выбрав прекрасное место близ пещеры и рассудив, что его достаточно для устройства монастыря, он укрепил себя верой и упованием, и стал заботиться о том, как населить это место. И так, по благословию преподобного Антония, испросив это место у христоролюбивого князя Изяслава, вскоре, при помощи Божией, он соорудил там большую деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, поставил много келий и обвел все оградой. И тогда он переселился из пещеры на то место. И с тех пор, благодатью Божией, возросло то место, и прославился монастырь, который и доныне от прежнего жительства иноков в пещере называется Печерским.

По переселении из затворничества, преподобный Феодосии стал искать, как бы положить для братии устав твердого иноческого жития. И, по молитве и благословию преподобного Антония, дал ему Бог узнать студийский устав от честного Михаила, инока святой Студийской обители, пришедшего с митрополитом Георгием из Греции. Все то, что он рассказал о том богоугодном чине, понравилось преподобному Феодосию. И потому он послал одного из братии в Константинополь к блаженному евнуху Ефрему, который обходил святые места, чтоб тот, дошедши до святого Студийского монастыря, в точности узнал все порядки ею, и принес ему подробно списанный весь тамошний устав: как воспевают песнопения, и читают чтения, и кладут поклоны, как стоят в церкви и сидят в трапезе, и какая в какие дни пища. Блаженный Ефрем исполнил приказание преподобного отца, списал в порядке весь устав Студийского монастыря, которого был сам очевидцем, и принес к нему. Приняв это писание, преподобный Феодосии приказал прочесть его пред всей братией и с тех пор начал в своем Печерском монастыре устраивать все по уставу святой Студийской обители. Потом от Печерского монастыря все русские монастыри приняли тот же, переданный преподобным Феодосием, устав. И так начали содержать совершенный иноческий устав, какого прежде не было в Руси, и во всем смотрели на пример Печерского монастыря, и чтили его за верховный монастырь. Преподобный отец наш Феодосий во время игуменства своего в применении устава имел следующий добродетельный обычай. Всякого, кто хотел быть иноком и шел к нему, он не отгонял, ни богатого, ни убогого, но принимал всех с полным усердием, вспоминая при этом, как скорбят те, которые хотят постричься и не встречаются в том сочувствия: ведь и сам он претерпел это искушение, когда пришел из своего города в Киев, желая быть иноком, и обходил монастыри, а его не хотели принять. Но он не тотчас постригал того, кого принял, но приказывал ему ходить в своей мирской одежде, пока не привыкнет ко всему монастырскому чину; тогда он облачал его в рясу. Затем, испытав во всех службах, постригал и облачал в мантию; наконец, когда видел, что инок установился в чистом житии, сподоблял его принятия великого ангельского образа и возлагал на него святую схиму.

Этот преподобный наставник наставлял учеников своих на истинное покаяние. Он имел обычай всякую ночь обходить келии всех, желая узнать образ жизни и усердие всякого. И когда он слышал, что инок творит молитву, тогда он в радости прославлял за него Бога. Когда же слышал, что двое или трое, сошедшись после вечерней молитвы, беседуют, тогда, ударив рукой в дверь и обозначив тем свой приход, отходил в смущении. Призвав их на

следующий день, он обличал их не прямо, но заговаривал с ними издали, притчами, чтоб узнать их усердие к Богу. И если брат был смиренный сердцем и с теплой любовью к Богу, то, вскоре поняв свою вину, он падал в ноги и, кланяясь, просил прощения. Если же чье сердце было покрыто бесовским помрачением, такой, считая себя невиновным, думал, что старец беседует о другом, пока преподобный не обличал его, и тогда, наложив епитимию, он отпускал его. Итак он учил всех прилежно молиться Богу, не беседовать после вечерней молитвы, не ходить из келии в келию, но молиться, кто как может, Богу в своей келии, ежедневно заниматься ручной работой, имея на устах псалмы Давида. Вот как он поучал их: "Молю вас, братие, будем подвизаться в посте и молитве, позаботимся о спасении душ наших, отвратимся от злобы нашей и от лукавых путей, которые суть - любодеяние, кража, празднословие, ссоры, пьянства, объедение, братоненавистничество. Уклонимся, возгнушаемся всего этого, братие, но пойдем путем Господним, ведущим нас в небесную нашу отчизну. Будем искать Бога рыданием, слезами, постом, бдением, покорностью и послушанием, чтоб тем приобрести у Него милость. Еще же возненавидим мир сей, всегда поминая слова о том Господа: "Кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей и братьев и сестер, а при том и самой жизни своей,- тот не может быть Моим учеником" (Лк. 14, 26); и еще: "Сберегший душу свою, потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее" (Мф. 11, 39). Потому и мы, братие, отрехшись от мира, отречемся и того, что в нем. Возненавидим всякую неправду, всякое мерзкое дело, не будем возвращаться к прежним грехам нашим, как пес на свою блевотину. Ибо как сказал Господь никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия (Лк. 9, 62). Как избегнем бесконечной муки, кончая жизнь эту в лености, без покаяния? Надо нам, братие, назвавшись иноками, повседневно каяться в грехах своих. Ибо покаяние есть путь, приводящий к царству небесному. Покаяние есть ключ царства небесного, без которого нельзя туда войти никому. Покаяние есть путь, возвращающий нас в отечество. Будем держаться, братие, этого пути, прикрепим к нему ноги наши. К этому пути не приближается змий лукавый; шествие по этому пути трудно, а потом будет радостно. И так, братие, будем подвизаться прежде того последнего дня, чтоб получить благое, избежим злой участи, предстоящей нерадивым и живущим без покаяния". Так этот святой наставник, прежде всего сам исполнявший всякую добродетель, учил братию, а они, как добрая земля, принимали семя его слов и приносили плоды, достойные покаяния, - один сто, другой шестьдесят, третий же тридцать, как сказал Господь.

И можно было видеть тогда на земле людей, равных жизнью ангелам, и был монастырь Печерский подобен небу, в котором преподобный отец наш Феодосий ясно просиял светом дел добрых, как одно из великих светил небесных. И Бог прославил его так, что он явился источником света вещественного.

Игумен монастыря архистратига Михаила, Софроний, шел в свой монастырь. Была темная ночь. И вот, он увидел чудесный свет, стоявший только над монастырем преподобного Феодосия. Удивляясь тому, игумен прославил Бога, говоря: "О, сколь велика благодать Твоя, Господи, что показал Ты такого светильника в этом святом месте, который так просвещает монастырь свой". Также и многие другие многократно видели это и поведали всем, так что и князь и бояре услышали об этом свете, осеняющем добрую жизнь преподобного Феодосия.

Тогда стали приходиться к преподобному отцу нашему Феодосию многие, исповедуя грехи свои, и отходили, получив великую пользу. И, приходя к нему, приносили ему часть имущества своего на содержание братии и на устройство монастыря, другие же давали и земли.

Особенно же любил святого христоролюбивый князь Изяслав, владевший в Киеве престолом отца своего, Ярослава. Часто он призывал к себе Феодосия, много раз приходил и сам, насыщаясь его Боговдохновенными словами. Преподобным Феодосием сделан был наказ вратарю, по окончании обеда не отворять никому ворота, чтоб никто не входил в монастырь, пока не приблизится вечерняя, чтоб в полуденное время братия могла отдыхать, ради утомления от ночных молитв и утреннего пения. И вот однажды, в полдень, приехал христоролюбивый князь Изяслав, по обычаю своему с одним небольшим отроком, потому что, когда он собирался к преподобному, тогда отпускал своих бояр по домам. Приехав, он сошел с коня, потому что никогда не въезжал в монастырь на коне. Потопая к воротам, он постучал и приказал отворить, чтоб ему войти. Но вратарь отвечал ему, что есть приказание великого отца не отворять ворота никому до времени вечерни. Тогда христоролюбивый князь, указывая ему голосом, чтоб вратарь знал, кто он такой, сказал: "Это я, мне одному отвори". Тот же, не зная, что это князь, отвечал ему так: "Игуменом мне приказано, если и князь придет, не отворять ворот. Поэтому, если хочешь, потерпи немного, как придет время вечерни". Но князь ответил: "Я князь, мне ли ты не отворишь". Вратарь же посмотрел в ворота, и узнал, что он князь. Но не отпер ворот, а пошел к преподобному, и возвестил ему, что князь стоит у ворот и ждет. Тогда преподобный вышел и, увидав князя, поклонился ему. Князь же стал говорить: "Каково, отче, запрещение твое, о котором говорит этот инок, что если и князь придет, не пускай его?" Преподобный отвечал: "Ради того, господин, сделано оно, чтоб в полуденное время братия, утрудившись от ночного славословия, могла спать. А твое усердие к Пресвятой Владычице нашей Богородице, приведшее тебя сюда - благо и на успех души твоей, и много радуемся мы о приходе твоём". Тогда пошли они в церковь, преподобный сотворил молитву, и они сели; так христоролюбивый князь наслаждался медоточных слов, исходивших из уст преподобного отца нашего Феодосия, и, получив от него великую пользу, возвратился в свой дом, славя Бога, и с того дня стал еще больше любить святого, почитая его за одного из древних святых отцов, и во всем слушался его.

Преподобный же отец наш Феодосий не величался тем, что князь и вельможи почитали его, но был по истине светилом, которое сияло тем ярче, что светило как в темноте, в смирении, в поучение всем ученикам. И тогда-то он еще больше смирялся, трудился целыми днями ручным трудом и повелевал делом, а не словом.

Часто он входил в пекарню и, будучи сам игуменом, работал с пекарями, месил тесто, делал хлебы, не зарывая таланта телесной крепости, утешая и ободряя других, не ослабевал в своем деле.

Однажды, накануне праздника Успения Богородицы, не было воды в поварне, и пришел к преподобному названный выше келарь именем Феодор, говоря, что некому носить воду. Тогда преподобный встал и начал сам носить воду из колодца, и один из братии, увидев его в таком труде, пошел немедленно рассказать это другим; они же поспешили с усердием наносить воды до избытка.

В другой раз не было заготовлено дров для варки пищи. Тот же келарь Феодор пришел к преподобному, говоря: "Повели, отче, одному из братии, который празден, приготовить нужные нам дрова". Преподобный отвечал ему: "Я празден, я пойду". Приближалось же время обеда. Блаженный повелел братии идти к трапезе, а сам взял топор и стал рубить дрова. И братия, вышедши после трапезы, увидала преподобного своего игумена секущим дрова; они тоже взяли топоры и нарубили столько дров, что их хватило на много дней.

Когда блаженный Никон (который постриг преподобного, а затем отошел от пещеры) возвратился в Печерский монастырь, тогда преподобный отец наш Феодосий, хотя и был игуменом почитал его как отца. И часто, когда блаженный Никон сшивал и скреплял книги,

будучи чрезвычайно искусен в этом деле, он прят для него веревки. Таковы были смирение и простота этого боговдохновенного мужа, так трудился он во всяком послушании. И в этом подражал он Христу, истинному Богу, Который смирил Себя и был послушен.

К тому же и одежда его была смиренна и убога, несмотря на его сан; на теле его была колючая власяница, а сверху другая весьма худая одежда, которую он надевал на себя для того, чтоб не показывать своей власяницы. И многие непонимающие люди укоряли и поносили его за эту одежду. Но он с радостью принимал поношение их, вспоминая слова Господа: "Блаженны вы, когда будут поносить вас" (Мф. 5, 11).

Однажды преподобный отправился к христоролюбивому князю Изяславу, находившемуся тогда далеко от города, и остался там до вечера. Когда же он хотел уходить, христоролюбивый князь велел отвезти его в монастырь на колеснице, чтоб не лишать его ночного сна. И во время дороги прислужник, везший его, видя его в худой одежде, и не думая, что он игумен, сказал ему: "Черноризец, ты всякий день празден, а я постоянно в трудах, и не могу держаться на коне; поэтому пусть я усну в колеснице, а ты, так как можешь ехать на коне, сядь на коня". Преподобный, смиренно встав, сел на коня и повез прислужника, разлегшегося в колеснице, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, тогда, сходя с коня, шел он около него, пока не уставал, и снова садился на коня. Когда уже стал заниматься день, вельможи, ехавшие к князю, издали узнавали преподобного, слезали с коней и кланялись ему. Тогда преподобный сказал прислужнику: "Чадо, вот уже день. Встань и сядь на коня". А тот, видя, что все кланяются преподобному, ужаснулся сердцем, в трепете встал, сел на коня, а преподобный сел в повозку. Встречных бояр, которые кланялись ему, было все больше, и оттого вознице становилось все страшнее. Когда подъехали к монастырю, вся братия вышла и поклонилась преподобному до земли. Прислужник же, в еще большем страхе, размышлял: кто это, что все кланяются ему. А преподобный взял его за руку, ввел в трапезу, и велел дать ему есть и пить, потом, одарив, отпустил его.

Все это рассказал братии тот самый отрок, преподобный же не говорил никому, но постоянно он учил братию, что иноку не должно ничем возноситься, но быть смиренным и считать себя ниже всех. Он учил их иметь и внешний вид смирения, ходить со сложенными на груди руками и при встречах кланяться друг другу, как подобает инокам. Больше же всего поучал он их смирению в том, чтоб во всяком деле брали сперва благословение от старшего, ибо, говорил он, сеющий так дела свои в благословении, в благословении и пожнет от них сладкий плод. И таким образом показал он силу этого учения.

Когда приходили к нему благочестивые люди, ради пользы, тогда, по божественном поучении, он предлагал им трапезу из монастырских блюд, хлеб и сочиво. Часто и сам христоролюбивый князь Изяслав приходил и вкушал этих блюд. Однажды, когда он с удовольствием ел их, он сказал преподобному: "Ты знаешь, отче, дом мой полон всеми благами мира, но никогда не ел я в нем всласть, как теперь у тебя. Когда рабы мои готовят мне пищу, блюда разнообразны и многоценны, но не так сладки, как эти. Прошу тебя, скажи мне, откуда такая сладость ваших блюд". Боговдохновенный же отец Феодосий, желая привлечь его к Божьей любви, отвечал: "Если, милостивый владыка, хочешь узнать это, послушай, я объясню тебе. Когда у нас братия собирается варить пищу и печь хлебы, на то у них положен такой устав. Прежде всего, брат, исполняющий это послушание, подходит к игумену и принимает от него благословение. Потом, поклонившись троекратно пред святым алтарем, зажигает свечу от святого алтаря и той свечей разводит огонь в поварне или пекарне. Когда же надо вливать воду в котел, послушник говорит старшему: "Благослови, отче", и тот отвечает: "Бог да благословит тебя, брат!". И так все дело совершается с благословением, потому и выходит в сладость. Твои же рабы, думаю я,

работают, ссорясь, ропща и клевета друг на друга; часто же приставники и бьют их, и так все дело совершается с грехом, и не бывает в сладость". Услыхав это, сказал христоробивый князь: "Воистину, отче, все так, как ты говоришь".

Когда случилось преподобному в монастыре своем услышать, что послушание совершено не с благословения, а с преслушанием, он называл его "вражьей участью", и не позволял, чтоб кто-нибудь из его благословенного стада вкусил от такой пищи, но приказывал выбрасывать иногда в речную глубину, иногда в горящую печь, чему примером является следующий случай.

В праздник святого великомученика Димитрия, преподобный отец наш Феодосий пошел с братией в монастырь этого святого. А перед тем от некоторых благочестивых модей ему принесли прекрасные хлебы, которые преподобный приказал келарю предложить на трапезу оставшейся дома братии. Но келарь, не послушавшись его, рассудил: "когда завтра вернется вся братия, предложу ей хлебы; а теперь оставшаяся братия пусть ест монастырские хлебы". Так он и сделал. Наутро, когда вся братия села за трапезу и были предложены те хлебы, разрезанные на куски, преподобный посмотрел, позвал келаря и спросил его: "Откуда хлебы эти?" Он же ответил: "Принесены они вчера, но потому не подал я их вчера, что было мало братии и рассудил предложить их сегодня всей братии". Преподобный же сказал ему: "Лучше бы не заботиться тебе о наступающем дне, и сделать по моему приказанию, а сегодня Господь Бог, Который постоянно печется о нас, подал бы нам потребное, и позаботился бы еще и о большем". И тогда он приказал одному из братии собрать куски в корзину и высыпать в реку. На келаря же наложил епитимию, как на виновного в непослушании; так же поступал и в иных таких случаях. Преподобный отец наш Феодосий, видя, что попечение о будущем и любостяжание не бывает у иноков без послушания, потому что противно их обетам, старался прилежно учить свою братию добродетели нестяжания, чтоб укреплялись они верой и надеждой на самого Бога, а не уповали на имения. Потому часто ходил он по келиям, и если что у кого находил - пищу или одежду, лишнюю против положенной по уставу, или иное имущество, - отбирал то и бросал в печь как "часть вражью" и предмет послушания и так увещевал их:

"Не хорошо, братия, нам, инокам, отвергшимся всего мирского, собирать что-нибудь снова в своей келии. Как можем приносить Богу чистую молитву, держа в келии своей сокровище, когда слышим слово Господа: "Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше" (Мф. 6, 21), и еще: "Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя, - кому же достанется то, что ты заготовил" (Лк. 12, 20). И так, братие, будьте довольны одеждой, положенной по уставу, и пищей, предложенной на трапезе, а в келии не надо иметь ничего такого, и тогда всеусердно, всей мыслию будете приносить чистую молитву Богу. Вот какими и многими другими увещаниями поучал он их, со всяким смирением и слезами. Никогда не видали его придиричивым, гневливым, с сердитым взором, но был он милосерден, тих, сострадателен ко всем. Если кто из его нестяжательного стада, ослабев сердцем, покидал монастырь, тогда преподобный из-за этого бывал в великой печали и скорби, и до тех пор молился Богу со слезами, чтоб Он возвратил назад отставшую от его стада овцу, пока отошедший не возвращался. И, с радостью принимая его, преподобный поучал его никак не ослабляться вражьими кознями, и не допускать победы их над собой, но стоять крепко.

Был там нетерпеливый брат, который часто убегал из монастыря, и, когда возвращался, преподобный с радостью принимал его и говорил, что Бог не попустит, чтоб он скончался где-нибудь вне этого монастыря, и хотя часто уходит он, но примет кончину в монастыре, и со слезами молил Бога, чтоб Он подал брату этому терпение. После многократных уходов своих, вернулся он однажды снова в монастырь и просил преподобного принять его.

Преподобный, будучи воистину милостив, с радостью принял его, как заблудшую и вернувшуюся овцу, и причислил к своему стаду. Тогда этот брат, который делал ризы на иконы, принес и положил перед преподобным то, что скопил, выручая за свою работу. Преподобный же сказал ему: "Если хочешь быть совершенным иноком, то возьми это и брось в горящую печь, потому что это - плод послушания". Он же, как истинно кающийся, собрал все, по повелению преподобного, снес к печи и сжег, а сам с тех пор жил неисходно в монастыре, проводя остающиеся дни в покаянии, и здесь, по предсказанию преподобного, упокоился в мире. Итак, поучая нестяжанию, в котором показывал веру и надежду, показал преподобный и любовь, милосердя, чтоб никто из стада его не был отвержен.

Явил он и любовь, милосердную о бедных. Если он видел какого-нибудь нищего и убогого, скорбного и в дурной одежде - он сожалел, печаловался о нем и со слезами помогал ему. И ради них устроил он двор у своего монастыря, с церковью святого первомученика Стефана, и там приказал пребывать нищим, слепым, хромым, прокаженным, которым он от монастыря подавал потребное, а от всего монастырского имени уделял им десятую часть. Всякую субботу посылал он вновь хлебов сидящим в темницах и заключении. Преподобный отец наш Феодосий, как Отец небесный, был милосерд не только к бедным, но и к обижавшим его монастырь. К нему привели однажды связанных разбойников, пойманных на монастырской земле в покушении на кражу. Преподобный, видя их связанными и находящимися в такой скорби, сжалился над ними, и, прослезясь, приказал развязать их, накормить и напоить. Затем долго поучал он их никому не делать зла, никого не обижать, дал он им в помощь достаточно имущества и с миром отпустил их. Они же пошли, славя Бога и преподобного Феодосия. Умиление согрело их душу, и с тех пор никому они не делали зла, но были довольны тем, что приобретали трудом. Таким милосердием преподобный утвердил учение свое о нестяжании, и так помиловал и утешил тех, которых для охранения имущества обыкновенно не щадят. Он уповал, что Сам Господь сохранит то, что нужно рабам его, от хищения разбойников. И Господь оправдал эту веру преподобного таким чудом. При умножении братии нужно было преподобному отцу Феодосию расширить монастырь для устройства новых келий. И он начал сам трудиться с братией своими руками и расширять ограду. И когда монастырь таким образом остался без ограды, и не было сторожей, однажды ночью, в глубокую темноту, пришли разбойники, которые думали, что в палатах церковных скрыто имущество монахов, и потому они не пошли ни к кому в келью, но бросились к церкви. И там они услышали из церкви голоса поющих. Думая, что это братия Печерская творит молитвы, они отошли, и, обождав немного в чаще леса, полагая, что пение уже окончилось, снова приблизились к церкви и услышали те же голоса и увидели в церкви чудный свет, и оттуда лились благоухание (ангелы пели в церкви). Они же, думая, что это братия совершает полунощное пение, снова отошли и ожидали, пока окончится пение, чтоб тогда войти в церковь и ограбить ее. Так много раз приходили они, и слышали те же ангельские голоса. Потом подошло время утреннему пению. Пономарь по обычаю возгласил: "Благослови, отче" и, испросив благословение, стал ударять к утрени. Разбойники, услышав это, отошли в лес и говорили: "Что делать, кажется, в церкви было привидение; но теперь, когда все соберутся в церковь, тогда мы обступим двери, перебьем их всех и захватим все их добро". Так внушал им враг, желая похитить с этого места не столько имущество, сколько святое собрание спасающихся душ; но это не только оказалось невозможным, но он сам был побежден молитвами преподобного Феодосия. Злые люди эти немного подождали, пока Богом собранное стадо с блаженным наставником и пастырем своим Феодосием сошло в церковь, и, во время пения утренних псалмов, бросились на них как дикие звери; и вот, внезапно совершилось страшное чудо: церковь с находящимися в ней поднялась с земли и

взошла на воздух, так что и стрелами они не могли попасть в нее. А находившиеся с преподобным в церкви не узнали и не слышали того. Разбойники, видя это чудо, пришли в страх и в трепете возвратились домой; и, умилившись душой, обещали никому не творить зла. А их предводитель, и еще трое из них, пришли к преподобному Феодосию, каясь, и поведали ему все бывшее. Преподобный же, услышав это, прославил Бога, не только сохранившего достояние церковное, но и спасшего их от такой смерти. Поучив их о спасении души, он отпустил их, и они славили и благодарили Бога и преподобного Его.

Такое же чудо случилось еще раз, показывая, что воистину Бог хранит в монастыре эту церковь преподобного. Однажды случилось одному из бояр христоролюбивого князя Изяслава ехать ночью через поле, в пятнадцати поприщах от монастыря преподобного отца нашего Феодосия. И вот, издалека увидел он церковь, стоящую над облаками. В ужасе он поскакал с отроками, чтоб узнать, какая это церковь, и, когда доехал до монастыря преподобного Феодосия, то на его глазах церковь спустилась и стала в монастыре на своем месте. Он постучал в ворота, и, когда вратарь отворил, вошел и поведал преподобному то, что случилось. И с тех пор часто приходил к нему, насыщаясь его боговдохновенными словами и подавая из имения своего на устройство монастыря и украшение Богом хранимой церкви.

Было также явлено чудотворное промышление Божие не только о самой церкви, но и об имениях, принадлежавших монастырю Феодосиеву. Однажды схватили разбойников и связанными вели в город, к судье. И когда, по изволению Божию, случилось им идти мимо одного хутора Печерского монастыря, тогда один из тех связанных злодеев кивнул на тот хутор, говоря: "однажды ночью пришли мы к этому хутору, чтоб разграбить его и похитить все то, что в нем есть. Но увидели здесь высоко огражденный город, так что нельзя нам было приблизиться к нему. Таким образом Бог, благой хранитель, оградил имение монастырское молитвами уповающего на него преподобного Феодосия, который всякой ночью обходил монастырь, творя молитву и ограждая этой молитвой монастырь, со всем имением его, как крепкой стеной.

Этот наставник нестяжания уповал, что сам Господь попечется подать и то, что служит не столько к удовлетворению нужды, сколько к украшению. И это упование преподобного было подтверждено силой Пресвятой Матери Господа таким образом.

Боярин названного выше князя Изяслава, именем Судислав Геуевич, во святом крещении Климент, отправляясь однажды с князем своим в поход, положил такой обет: "Если я здоров возвращусь домой, то дам Пресвятой Богородице, в монастырь блаженного Феодосия, две гривны золота, скую еще венец на Ее икону". Когда началась битва, много пало народа с обеих сторон, в конце концов, враги были побеждены; и спасшиеся киевляне возвратились домой. Боярин забыл свой обет. И вот, через несколько дней, когда он в полдень спал в доме своем, раздался страшный голос, звавший его по имени - "Климент!"

Он встал, сел на постели и увидел икону Пресвятой Богородицы из монастыря преподобного Феодосия, стоящую пред постелью его, и услышал от иконы такой голос: "Отчего, Климент, не дал ты мне того, что обещал. Говорю тебе теперь: постарайся исполнить обещание свое". После этого гласа икона стала невидима. А боярин в великом страхе взял столько золота, сколько обещался, и, сделав золотой венец для украшения иконы Пресвятой Богородицы, отнес в Печерский монастырь к преподобному Феодосию, который и не помышлял о таком украшении, и отдал ему.

В скором времени тот же боярин, по Божию смотрению, задумал дать евангелие в монастырь и пришел к преподобному Феодосию с евангелием, спрятанным под платьем. Когда, по молитве, хотели они петь, и боярин не открыл еще евангелия, преподобный сказал ему: "Брат Климент, вынь прежде святое евангелие, обещанное Пресвятой Богородице,

находящееся под твоим платьем, и тогда сядешь". Услышав это, поражен был боярин прозорливостью преподобного, потому что никому еще о том не говорил; и, вынув святое евангелие, он дал его в руки преподобному, и тогда уже, сев, наслаждался духовной беседой, а потом возвратился домой, разглашая, как нестяжатель, уповающий на украшения от Бога, чудотворно украшается не только Богоугодными вещами, но и прозрением.

Но больше всего упование свое на Бога в пополнении оскудения и недостатков доказал этот преподобный нестяжатель многими бесчисленными чудесами, из которых вспомним следующие:

Поведал инок Иларион, всякий день и ночь переписывавший книги в келии преподобного отца нашего Феодосия, который в это время устами тихо пел псалтирь, а руками пряд волну, или делал какое другое дело. Однажды вечером, когда они были заняты своим делом, пришел к преподобному эконоом Анастасий, говоря, что на следующий день не на что купить ни припасов для трапезы братии, ни других нужных предметов. Преподобный ответил ему: "Как ты видишь, теперь вечер, а завтрашний день далек; потому иди и потерпи немного, молясь Богу - не помилует ли Он нас и попечется о нас, как Ему угодно". После такого ответа эконоом ушел. Преподобный же встал, вошел вглубь келии своей петь обычное правило свое и после молитвы вернулся и сел, продолжая свое дело. Снова вошел эконоом с теми же словами; преподобный ответил ему: "Не говорил ли я тебе - молись Богу. Завтра, отправляясь в город, возьмешь в долг у продавцов все нужное для братии, а потом, по благодаянию Божию, отдадим долг. Ибо верен Бог, глаголющий: "Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем". Бог - и не оставит нас благодатью своей".

Когда эконоом удалился, вошел светлый отрок, одетый в воинскую одежду; поклонясь, положил на стол гривну золота и, ничего не сказав, вышел. Преподобный встал, взял золото и помолился со слезами, благодаря Бога. На утро, призвав вратаря, он спрашивал, входил ли кто в эту ночь через ворота; вратарь ответил: "Уверю тебя, как только зашло солнце, ворота были затворены, и с тех пор я не отворял их, и никто к нам не приходил". Тогда преподобный, призвав эконоома, подал ему гривну золота, со словами: "Вот говоришь ты, брат Анастасий, что не на что купить братии нужное. Теперь золото есть; купи, что требуется". Уразумел эконоом благодать Божию и, упав в ноги, просил прощения. Преподобный же наставил его, говоря: "никогда не отчаивайся, но крепись по вере и всякую печаль возлагай на Бога - ибо по воле Своей Он печется о нас. Сделай сегодня для братии угощение, ибо Господь посетил нас; а когда оскудеем мы; Бог попечется о нас". Так и случилось.

Однажды пришел к преподобному келарь Феодор, говоря: "Сегодня нечего предложить мне братии на трапезу". Преподобный отвечал ему: "Иди, потерпи немного, молясь Богу; неужели Он не попечется о нас. Если же не будем мы достойны, то свари пшеницу и, смешав с медом, поставь братии на трапезу. Но мы надеемся на Бога, Который дал в пустыне непокорным людям небесный хлеб. Силен Он и нам подать сегодня пищу". Тогда келарь ушел. Преподобный же стал на непрерывную молитву. И вот первый из бояр князя Изяслава Иоанн, которому Бог положил мысль на сердце, наполнил три воза съестными припасами, хлебом, сыром, рыбой, сочивом, пшеном и медом и послал в монастырь к преподобному. Увидав это, преподобный прославил Бога и сказал келарю: "Видишь, брат Феодор, не оставит нас Бог, если только надеемся на Него всем сердцем. Иди, учреди братии большое угощение в этот день, ибо Бог посетил нас". И так преподобный возвеселился на трапезе с братией духовной радостью, благодаря Бога, что нет скудости у боящихся Его. (Пс. 33, 10). А Бог, по молитвам преподобного, творил изобильно в обители его подобные чудотворения.

Однажды пришел к преподобному Феодосию из города пресвитер, прося вина для

служения Божественной литургии, и преподобный, призвав строителя церковного, велел ему налить вина в сосуд священника. Он же отвечал: "Немного у меня вина - едва на три или четыре литургии". Преподобный же сказал ему: "Вылей все этому человеку, а о нас попечется Бог". Тот же нарушил приказание святого и влил пресвитеру в сосуд мало вина, оставив на литургию следующего дня. Пресвитер же показал преподобному, как ему мало влили. Тогда преподобный снова призвал строителя и сказал ему: "Не сказал ли я тебе: вылей все, а о завтрашнем дне не беспокойся. Неужели же Бог оставит завтра церковь Матери Своей без службы; еще нынче подаст Он нам вина с избытком". Итак, строитель пошел, вылил все вино священнику и отпустил его. И вот вечером, когда кончилась трапеза, по предсказанию преподобного, привезли три воза с бочками, полными вина, которые прислала одна женщина, распорядившаяся всем в доме христоролюбивого князя Всеволода. Видя это, церковный строитель прославил Бога, удивляясь предсказанию преподобного Феодосия, который сказал: "Сегодня Бог пошлет нам вина до избытка", что на самом деле и случилось.

Тот же церковный строитель был свидетелем другого, равного этому чуду, бывшему по молитвам преподобного.

При приближении праздника Успения Пресвятой Богородицы не было деревянного масла, чтоб налить на этот день в кандила, и церковный строитель задумал выжать масло из полевых семян, налить их в кандила и зажечь. Спросив о том преподобного Феодосия и получив его позволение, строитель поступил, как задумал. Когда же он собирался уже лить масло в кандила, увидел упавшую в масло, уже мертвую, мышь. Тогда он поспешно пошел к преподобному и объявил ему, что он со всякой осторожностью накрыл сосуд с елеем и не знает, как туда вошла и утонула мышь. Преподобный же, поняв, что это случилось по Божию усмотрению, осудил свое неверие и сказал ему: "Нужно нам, брат, иметь надежду на Бога и уповать, что Он силен подать нам нужное; а не делать по неверию то, чего не следовало. Иди, вылей масло то на землю, и, молясь Богу, потерпи немного, и Он подаст нам сегодня масла в изобилии. Когда преподобный отдал строителю это приказание и помолился, был уже вечерний час. Один богач в это время привез большую бочку, наполненную деревянным маслом. Видя это, преподобный прославил Бога, что Он так скоро услышал молитву его. Маслом наполнили все кандила, и еще большая часть его осталась. И на другой день светло отпраздновали праздник Пресвятой Богородицы.

И не оскудевали чудеса, молитвами преподобного пополнявшие оскудение. В числе их было и следующее. Христоролюбивый князь Изяслав, который имел истинную христианскую любовь к преподобному отцу нашему Феодосию и часто приходил к нему, наслаждаясь медоносных его речей, пришедши однажды к преподобному, остался в духовной беседе с ним до времени вечерни. Итак, он, вместе с братией и преподобным, присутствовал на вечернем пении. Внезапно, по Божьей воле, пошел сильный дождь. Преподобный, видя потоки дождя, призвал келаря и велел приготовить ему блюдо для ужина князю. Тогда явился к нему ключарь и сказал: "Отче, нет у нас меда для питья на ужине князю и сопровождающим его". Преподобный отвечал: "Так ли, неужели нет ничего?" Отвечал келарь: "Да, отче, ничего". Преподобный снова сказал ему: "Иди, посмотри получше: если осталось хоть малое количество, хватит". Тот же ответил: "Поверь мне, отче, и сосуд, в котором был этот напиток, я перевернул, как пустой, и положил книзу". Преподобный же Феодосий, исполненный воистину Божиих дарований, сказал ему: "Иди, и по слову моему, во имя Господа нашего Иисуса Христа, найдешь ты мед в том сосуде". Он с верой пошел и, по слову преподобного, нашел бочку, поставленную прямо и полную меда. В страхе, он вскоре пошел поведать преподобному о случившемся, и преподобный сказал ему: "Молчи, чадо, не говори о том никому ни слова, но принеси, сколько нужно для князя и его сопровождающих;

подавай еще на питье и братьям, потому что это Божие благословение". Когда дождь перестал, князь отправился домой, а в монастыре было столь великое благословение, что на долгое время того меду хватило братии.

Пришел однажды к преподобному старший по печению хлебов и сказал: "Нет у меня муки, чтоб печь братии хлебы". Преподобный ответил ему: "Пойди, осмотри житницу, не найдешь ли в ней пока немного муки, а там Господь попечется о нас". А тот ответил преподобному: "Воистину говорю тебе, отче, я сам вымел заком, в нем нет ничего, в одном только углу немного отрубей, с три или четыре горсти". И сказал ему преподобный: "Поверь мне, чадо, Бог может и из того малого количества отрубей подать нам муки. Как при Илии сделал он для той вдовицы, которой из единой горсти подал множество муки, так что она с детьми своими прокормилась в голодное время, пока снова не вернулось изобилие. И ныне Бог тот же и может нам из немногого сотворить много. Иди же и смотри, будет ли на том месте благословение Божие. После этих слов брат ушел и, войдя в амбар, увидел заком, который был прежде пуст, а по молитвам преподобного отца нашего Феодосия теперь полон муки, так что она просыпалась через верх на землю. И, в ужасе видя это преславное чудо, вернулся он к преподобному и рассказал ему. Преподобный же сказал ему: "Иди, чадо, и не говори о том никому, но делай для братии хлебы по обыкновению. Молитвой преподобных братии наших Бог послал нам Свою милость". Так велико было усердие преподобного отца нашего Феодосия к Богу и упование на Господа нашего Иисуса Христа, что он не имел никакой надежды на земную помощь и не уповал ни на что в мире этом, но во всем всей душой и мыслию обращался к Богу и на Него возлагал все упование, не заботясь о завтрашнем дне, но имея постоянно в памяти слово Господа, Который сказал: "Взгляните на птиц небесных - они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец наш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф. 6, 26). Молясь о том, преподобный говорил с несомненной верой: "Владыко святой, Ты собрал нас на этом месте; если Твоей святой милости угодно, чтоб мы еще жили здесь, будь нам помощник и податель всех благ. Во имя Пресвятой Матери Твоей воздвигнут дом этот, а мы в Твое имя собраны в нем. И Ты, Господи, соблюди нас и сохрани нас от всякого внушения лукавого врага и сподоби нас получить вечную жизнь, всегда влагая в сердца наши страх Твой, да им наследуем те блага, которые уготованы праведным".

И так ежедневно преподобный отец наш Феодосий учил свою братию, утешая и запрещая ослабевать в нестяжании и прочих добродетелях, но все усиливать подвиги. А Господь помогал ему и подтверждал слова его столь великими происходившими чудесами.

Все ночи преподобный проводил без сна, со слезами воздавая хвалу Богу и часто преклоняя колена к земле, и часто слышали это церковные уставщики. Когда наступало время утреннему пению, и уставщики приходили принять от него благословение, тогда те из них, кто приходили к келии его тихо, слышали, как он молится и много плачет и часто бьет о землю головой. Поэтому уставщик, отойдя немного, начинал стучать, громко, и преподобный, услышав топот, умолкал, притворяясь, что спит, когда же тот стучал и говорил: "Благослови, отче", преподобный продолжал молчать, так что лишь после троекратного стука и слов "благослови, отче" святой, как бы встав, от сна, говорил: "Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо!" - Раньше всех оказывался он в церкви и так, по рассказам, делал он всякую ночь.

Во время игуменства своего, кроме сказанных, подвизался он и другими трудами, не только ради своего спасения, но и спасения врученного ему стада.

Никогда не видали его лежащим, но когда, по телесной немощи, хотел он уснуть после повечерия, тогда он засыпал немного, сидя, и затем, встав на ночное пение, клал поклоны.

Также никогда не видали, чтоб он лил воду на свое тело, но умывал только руки и лицо.

Если же для братии бывало угощение, то он сам всегда ел сухой хлеб, зелень, сваренную без масла, и пил воду. Никогда не видали его сидящим на трапезе дряхлым или насупившимся, но с лицом веселым, светящимся благодатью Божией.

Ежегодно, на пост святой четыредесятницы, преподобный отец наш Феодосий уходил в пещеру (где потом было положено честное его тело) и там затворялся до наступления цветоносной недели. В пятницу же пред той неделей, во время вечерни, приходил к братии и, став в церковных дверях, поучал их и утешал за их подвиг в посте и себя уничтожал перед ними, как будто он в сравнении с ними не постился и одной недели.

Часто преподобный от пещеры этой, в которой, с ведома братии, затворялся, вставал ночью, тайно, и уходил один на монастырский хутор, и там пребывал один в пещере, в сокровенном месте, о чем знал один Бог. И оттуда, опять ночью пред пятницей, раньше цветоносной недели, приходил в первую пещеру, и потом выходил из нее к братии, так что они думали, что он провел в ней все дни поста.

Великие скорби и искушения творили тогда в пещере злые духи преподобному: наносили ему раны, как рассказывают о святом Великом Антонии Египетском. Но Тот, кто явился тому подвижнику, повелевая дерзать, Тот и преподобному Феодосию невидимо с неба подавал силу на победу над ними. И, как ни гнали его враги, он пребывал один в такой темной пещере и не убоился множества волков князя тьмы, но стоял крепко, как добрый воин Христов, молитвой и постом отгонял их от себя, так что потом они не смели приступить к нему, но только издали искушали его помыслами.

Однажды, когда после повечерия он хотел немного уснуть и сел (потому что никогда он не лежал), раздался в пещере громкий вопль множества бесов, как будто одни ездили на колеснице, другие били в тимпаны, иные сопели в сопелки и производили вместе такой шум, что пещера тряслась. Слыша все это, преподобный не убоился, не ужаснулся, но, оградив себя оружием креста и вставши, начинал петь псалтирь, и тогда тот шум и голоса притихали. Когда же после молитвы он садился, опять слышался, как и прежде, голос бесчисленных бесов. А преподобный вставал опять и начинал пение псалмов. Так много дней и много ночей досаждали ему злые духи, не давая ему нисколько уснуть, пока он не победил их совершенно благодатью Божией и получил над ними такую власть, что они и издали не смели приступить к тому месту, где преподобный творил молитву, но бегали от него. Это подтвердилось многими чудесами, об одном из которых расскажем.

В келии, где пеклись хлебы для братии, бесы причиняли немалый вред: то рассыпали муку, то разливали дрожжи, приготовленные для хлебного теста, то делали другие неприятности. Старший из пекарей пришел к преподобному Феодосию и рассказал ему все. Преподобный в тот же вечер, пошел в ту келию и, затворив за собой двери, пробыл в ней, молясь а,о утрени, и с тех пор бесы не являлись на том месте и не причиняли больше вреда. Однажды пришел к преподобному отцу нашему Феодосию брат из одного монастырского селения и сказал: "В хлеве, куда запираем скот, теперь жилище бесов, и они делают большой ущерб, не давая скоту есть. Часто и священник читает молитву, окропляя хлев святой водой, но нет никакого успеха". Тогда преподобный вооружившись молитвой и постом, пришел в то село. Вошел вечером в хлев и, затворивши двери, в молитве пробыл там до утра. И с того часа бесы не являлись на том месте, как и в пекарне, и никому не могли приносить в том селе вреда.

Не только сам преподобный побеждал бесовскую силу, но если он слышал, что кто-то из братии терпит брань от бесовских мечтаний, он призывал его, поучал и наставлял стать крепко против козней дьявольских, не колебаться и не ослабевать от нападения их, не

отходить от того места, но ограждаться молитвой и постом и призывать всегда Бога на победу злого беса. Рассказывал он им и случай, бывший с ним самим.

"В одну, - говорил он, - ночь, когда я в келии пел обычные псалмы, стал предо мной черный пес, так что мне нельзя было положить поклон. Долго стоял он предо мной и, когда я хотел ударить его, он стал невидим. Тогда страх и трепет объял меня в такой степени, что я захотел бы бежать с того места, если б Господь не помог мне. Немного придя в себя от ужаса, начал я прилежно молить Бога и класть частые поклоны, и страх сошел с меня, так что с тех пор я не стал бояться искушений бесовских, если они и являлись пред глазами моими". Кроме этих, говорил он им и другие слова, укрепляя их против злых духов, и так отпускал их, радующихся и славящих Бога за такое наставление доблестного наставника и учителя их.

Вот что о том же самом рассказал блаженному Нестору один из братии, названный выше Иларион: "Великое досаждение причиняли мне в келии злые бесы. Когда ложился я ночью на ложе мое, являлось множество бесов, и, взявши меня за волосы, топтали и волочили меня. Я, не могши более терпеть, рассказал об этой пакости преподобному Феодосию, и хотел с того места перейти в другую келию. Преподобный же умолял меня, говоря: "Нет, брат, не уходи, чтоб не похвалились над тобой злые бесы, что победили тебя и обратили в бегство, и тогда начнут делать тебе еще большее зло, как получившие власть над тобой. Но молись прилежно Богу в келии своей, и Бог, видя терпение твое, подаст тебе победу, так что они не посмеют и приблизиться к тебе". Я же снова сказал ему: "Прошу тебя о том, отче, потому что с этих пор не могу оставаться в этой келии, из-за множества живущих в ней бесов". Тогда преподобный перекрестил меня и сказал: "Иди, брат, в келию свою, и с этих пор лукавые бесы не будут более издеваться над тобой, и не будешь ты более видеть их". Я же с верой поклонился преподобному и ушел, и с тех пор пронырливые бесы не смели приблизиться к моей келии, - были изгнаны молитвами преподобного Феодосия.

С таким мужеством против врагов невидимых соединял преподобный отец наш Феодосий мужество и против видимых врагов Божиих.

Имел он обычай часто вставать ночью и тайно ходить к жидам и мужественно препираться с ними за Христа, укоряя и досаждая им, нарицая их отступниками закона и богоубийцами. Много желал он быть убитым за исповедание веры Христовой, особенно же, как истинный подражатель Христов, от руки тех, которые убили Христа.

Вместе с тем мужественный сей преподобный желал пострадать и за исповедание правды, и вот что достоверно было.

Спустя немалое время после того, как стал он игуменом, случилась, по наущению лукавого врага, вражда между тремя русскими князьями, братьями по рождению. Два брата - Святослав, князь Черниговский, и Всеволод, князь Переяславский, - вступили в борьбу со старшим братом своим, христоролюбивым князем Киевским Изяславом, прогнали его из стольного города Киева и сами заняли этот город. Преподобному отцу нашему Феодосию они послали приглашение прийти к ним на обед, но преподобный, видя, что несправедливо изгнан христоролюбивый князь Изяслав, с дерзновением отвечал посланному: "Неприлично мне идти на пир Иезавели и вкусить блюд, полных крови и убийства". После длинного наставления, он отпустил посланного, говоря: "Прошу тебя передать все это пославшим тебя". Услыхав это, князья не разгневались на него, зная его как праведника, но и не послушались его и устремились изгонять брата своего, и выгнали его вовсе из той области, затем возвратились назад, и Святослав сел в Киеве на престоле Изяслава, а Всеволод, как младший, отправился в свою Переяславскую область. Тогда преподобный отец наш Феодосий, исполненный Святого Духа, начал непрестанно обличать князя Святослава за то, что он сделал неправду, занял незаконно престол и, изгнав своего старшего брата, как бы

изгнал родного своего отца. Иногда преподобный посылал к нему письма, иногда же пред вельможами, приходящими в монастырь, укорял его за неправильное изгнание брата, прося передать князю эти укоры. Наконец, написал ему длинное письмо, обличая его такими словами: "Голос крови брата твоего вопиет к небу, как кровь Авеля на Каина". Привел он также имена многих других древних братоненавистников, гонителей и убийц, выставил на вид все его дела. Написав так, он отправил письмо князю. Князь, прочтя это послание, разгневался и, бросив его на землю, рычал как лев над преподобным, и оттого разнесся слух, что преподобный Феодосий будет осужден на заточение; тогда братия, находясь в великой печали, молила преподобного, перестать обличать князя, также многие бояре приходили и рассказывали о гневе княжеском, советовали не противиться ему, ибо, - говорили они, - он пошлет тебя в заточение. Преподобный же, слыша, что ему говорят о заточении, возрадовался духом и сказал: "Много радуюсь я о том, братие, и нет для меня ничего блаженнее в этой жизни, как быть изгнанным ради правды. Разве смутит меня лишение богатства и имений или опечалит меня расставание с детьми или селами моими; ничего из этого не внесли мы с собой в этот мир, но родились нагими, и так же надо нам нагими отойти из этого мира. Поэтому я готов или на заточение, или на смерть". И с тех пор начал он еще более укорять князя за братоненавистничество, желая быть заточенным. Но князь, хотя и сильно был разгневан на преподобного, но не дерзнул сделать ему никакого зла, ибо знал его как мужа праведного и преподобного, так что и прежде завидовал часто брату своему Изяславу, имевшему в своей области такого светильника, как о том поведал слышавший сам от князя инок Павел, игумен одного из монастырей Святославовой области. Наконец, преподобный отец наш Феодосий, по многократным мольбам братии и вельмож, главным же образом, поняв, что не успеет ничего сделать с князем такими укорами, перестал обличать его и с тех пор задумал убедить его мольбами возвратить брату его область.

Через несколько дней князь Святослав, узнав, что преподобный Феодосий преложил свой гнев или, лучше сказать, обличения свои, был очень тем обрадован, ибо уже давно желал беседовать с ним и насладиться его боговдохновенными словами. Поэтому он послал к преподобному спросить, позволит ли он прийти ему в свой монастырь. Когда же преподобный благословил прийти, он с радостью отправился в путь и пришел с боярами в его монастырь. А преподобный с братией, выйдя из церкви, встретил его по обычаю, причем все, как следует, поклонились князю. Князь же, после приветия преподобному, сказал ему: "Я не дерзнул прийти к тебе без позволения, думая, что, гневаясь на меня, ты меня непустишь в свой монастырь". Преподобный же отвечал ему: "Разве может что-нибудь, благий господин, сделать гнев наш с державой твоей? Но нам подобает обличать и говорить то, что на спасение души, а вам должно повиноваться тому". Войдя в церковь, они сотворили молитву, и после молитвы сели. Тогда преподобный отец наш Феодосий, начав говорить от Божественных писаний, много поучал князя о братской любви. А князь взводил много вины на своего брата, и потому не хотел мириться с ним. И после долгой душеполезной беседы отошел князь в свой дом, славя Бога, что сподобился беседовать с таким мужем, и с тех пор часто приходил к нему, наслаждаясь духовной его пищей больше меда и сота.

Часто потом и сам преподобный отец наш Феодосий ходил к державному этому князю Святославу, напоминая ему о страхе Божиим и о любви к брату.

Однажды пришел к нему преподобный и, вступив в покой, где сидел князь, увидел многих играющих пред ним; одни извлекали звуки из гуслей, другие играли на органах, третьи еще на других инструментах, и все веселились, как это бывает обыкновенно пред князем. Преподобный же смотрел на это, поникнув головой. Потом, немного подняв голову, сказал ему: "Будет ли так в том, будущем веке?" Князь умилился словам преподобного,

прослезился и велел играющим замолчать, и с тех пор, если когда, по его приказанию, играла музыка, а он узнавал о приходе преподобного, всегда повелевал музыкантам стоять тихо и молчать.

Часто, когда князю объявляли о приходе преподобного, то он выходил навстречу ему, встречал его пред дверями храма - и так, радуясь, входили они во храм. Раз, когда этот князь веселился, и пришел преподобный, князь сказал: Воистину говорю тебе, отче, если б мне сказали, что мой родной отец воскрес из мертвых, я бы тому не так радовался, как твоему приходу, и не боялся бы так, и не почитал бы его, как твою преподобную душу. Преподобный же отвечал ему: "Если ты так боишься меня, исполни мою волю и возврати брату твоему престол, который дал ему благоверный твой отец". Князь на то молчал, не зная, что ответить. Ибо враг так распалил его на брата, что он не хотел и слышать о нем.

А преподобный отец наш Феодосий все дни и ночи молил Бога о христолюбивом князе Изяславе, велел также поминать его на ектениях как стольного князя и старейшего из всех, а этого как не по закону севшего на том престоле не велел поминать в своем монастыре. Потом, едва умоленный братией, повелел и этого князя поминать с тем, но сперва Изяслава, а потом Святослава.

Видя такие раздоры между русскими князьями, вышеназванный святой Никон (который во всем содействовал постриженному им преподобному Феодосию), ушел с двумя иноками на остров Тмутараканск, где поставил монастырь. Преподобный же Феодосий много молил его не разлучаться с ним, пока они оба живы; но, не умолив его, остался на прочие труды жизни своей без него.

Так, исполненный добродетелями и наполнив монастырь братией, уже невмещавшейся в первоначальном монастыре, преподобный отец наш Феодосий начал подвизаться, прилежно моля Бога, как и куда бы переселиться на более просторное место, и соорудить большую каменную церковь, тоже во имя Пресвятой Богородицы. Бог же явил, что молитва его о том - благоприятна, а место на переселение и сооружение церкви проявил дивными чудесами. К числу их относится следующее.

Один благочестивый и богобоязненный человек шел горой мимо первоначального Печерского монастыря; была темная ночь. И вот увидел он чудесный свет только над тем монастырем (как и прежде игумен Софроний, но еще больший того), и посреди того света увидел преподобного Феодосия, стоящим пред церковью, с руками воздетыми к небу, творящим прилежно молитву Богу. Пока он смотрел и изумлялся, явилось другое чудо: громадное пламя вышло из церковного верха и, приняв вид дуги, перешло на другой холм, и там стало тем концом, где впоследствии преподобный отец наш Феодосий начал строить новую каменную церковь. А пламя казалось дугой, стоящей одним концом на верху старой церкви, а другим на месте новой, пока человек тот не зашел за гору. Потом он все это правдиво рассказал в монастыре преподобного. Бог показал также и другое чудо, о том же самом, людям, близ живущим.

Однажды ночью они слышали бесчисленные поющие голоса. Поднявшись с постелей, они вышли из домов и, став на высоком месте, смотрели, откуда те голоса. Над Печерским (старым) монастырем сиял великий свет, и в этом свете они увидели множество иноков, выходящих из старой церкви и идущих на место новой. Одни из них несли икону Пресвятой Богородицы, а прочие, идя вслед, пели, держа в руках своих горящие свечи; пред ними же шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до того места, отправив на нем пение и молитву, они возвратились назад и снова с пением вошли в старую церковь. Видение это видели не один, не два, но много людей и рассказывали о нем. Так как ни одного из братии там не было, поняли, что видели ангелов, так входящих и исходящих, и потому

прославили Бога, прославляющего то место молитвами преподобного Феодосия, и говорили с патриархом Иаковом: "Господь присутствует на месте сем, и страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные" (Быт. 28, 16, 17).

Не будем здесь пространно вспоминать о том, как преподобный отец наш Феодосий, находясь в своем монастыре, поглощенный богоприятной молитвой о переселении монастыря, в то же время в Константинополе с преподобным Антонием явился мастерам, которых призвал на строение той Богом предзнаменованной церкви; как для начала дела на то поле, где совершились знамения о переселении преподобного и где тогда собралось множество людей, а преподобный избрал удобное место для основания церкви; как сам князь Святослав, приехав случайно, даровал ему по Божью внушению на своем поле такое место. Потом это избрание подтверждено было сухостью, росой и огнем с неба, павшими по молитве преподобного Антония, но и не без участия и этого блаженного строителя преподобного Феодосия, что подробно описано, вместе с другими удивительными делами, в сказании о той святой церкви. Итак, неисповедимой благодатью Божией, преподобный отец наш Феодосий основал во имя Небесной Царицы небеси подобную церковь. Первый копал землю для основания благоверный князь Святослав и дал на то дело сто гривен золота, в руки преподобного Феодосия.

И сам преподобный всякий день прилежно подвизался с братией, трудясь над сооружением того святого храма и, вместе с тем, созидал в себе храм Святому Духу, все более возрастая изо дня в день в добродетелях, являясь отцом сиротам, заступником вдовицам, помощником обижаемым; а внешним благообразием храма тела своего совершенно пренебрегал, так что те, кто видел его подходящим к рабочим, не думали, что это сам игумен, но один из кухонных послушников. Однажды преподобный отец наш Феодосий шел к рабочим, трудившимся над стройкой церкви, и его встретила убогая вдова, которую обидел судья, и сказала ему: "Черноризец, скажи мне, в монастыре ли ваш игумен". Преподобный ответил ей: "Зачем он нужен тебе, он человек грешный". Женщина сказала ему: "Не знаю, грешен ли он; знаю только то, что многих избавляет он от печали и напасти. Потому и я пришла к нему, чтоб он помог мне в обиде, нанесенной мне против справедливости судьей". Узнав причину ее обиды, преподобный сжалился и сказал, ей: "Женщина, иди теперь в дом свой. Когда же придет наш игумен, я расскажу ему о тебе, и он избавит тебя от печали". После этого ответа женщина вернулась домой. Преподобный же пошел к судье и, рассказав ему о женщине, избавил ее от насилия, и судья велел возвратить ей все, что у нее с обидой было отнято.

Вот какими достойными неба делами занимался преподобный Феодосий во время построения небеси подобной церкви, и если он при жизни своей не соорудил ее до конца, то по смерти своей молитвами своими, близкими к Богу, помогал блаженному Стефану, который после него принял игуменство и довершил его дело.

Когда преподобный отец наш Феодосий, после богоугодной жизни, приблизился к концу, тогда, предузнав отшествие свое к Богу и день покоя своего, повелел собрать всю братию, находившуюся не только в монастыре, но и на хуторах, или при иных послушаниях, и всех служителей. И стал наставлять всех, чтоб всякий проходил со всевозможным прилежанием и страхом Божиим порученную ему службу; со слезами поучал всех о спасении души и богоугодной жизни, о посте и усердии к церкви, и стоянии в ней со страхом, и любви и покорности не только старшим, но и сверстникам. После этих слов он благословил и отпустил их.

Пришел и благочестивый князь Святослав посетить преподобного, и он, открыв уста свои, изливающие благодать, начал поучать его о благочестии, как надо держаться

православия и иметь попечение о святых церквах. Между прочим сказал: "Молюсь Господу Богу и Всенепорочной Матери Его о твоём благочестии, да подаст Он тебе тихую и безмятежную державу. И вот, поручаю твоему благочестию этот святой Печерский монастырь, Дом Пресвятой Богородицы, который Сама Она изволила создать. Пусть не властвует над ним ни архиепископ Киевский, никто другой из софийских клиров, но пусть заведует им твоя держава, а после тебя дети твои, и так до последних из рода твоего".

Потом, ознобляемый холодом и распяляемый огнем, изнемог преподобный и лег на одре, на который никогда прежде не ложился, говоря: "Да будет воля Божия. Как благоволил Он обо мне, так и да сотворит. Но молюсь тебе, Владыко мой Иисусе Христе, милостив будь к душе моей, да не утрашит ее лукавство врагов, но да примут ее ангелы Твои, проводящие через темные мытарства и приводящие к свету милосердия Твоего". Сказав это, он умолк. Братия же была в великой скорби и печали, что он не мог три дня ни с кем говорить, ни поднять глаза, так что многие могли бы думать, что он умер, если б не видели еще в нем легкого дыхания.

После трех дней болезни своей, преподобный отец наш Феодосий встал с одра и говорил всей собравшейся братии: "Братие мои и отцы, вот уже кончается время жития моего, как открыл мне Бог в дни поста моего в пещере. Вы же обдумайте между собой, кого хотите, чтоб я вам поставил вместо себя игуменом". Услыхав это, братия опечаленная стала плакать, но все-таки, выйдя от старца и посоветовавшись, решили назвать себе игуменом Стефана, церковного уставщика. На другой день, призвав опять всю братию, преподобный Феодосий сказал им: "Что же решили между собой, чада; кто из вас достоин быть игуменом?" Они же все сказали, что достоин Стефан. Подозвав Стефана, преподобный благословил его вместо себя на игуменство и сказал: "Передаю тебе, чадо, монастырь, блюди его с усердием, и как я установил службы, так и держи предания монастырские; не изменяй устава, но твори все по закону и по чину монастырскому. Братию же учи покоряться ему". Затем преподобный отпустил их, обозначив день преставления своего - что (сказал он) в субботу, когда взойдет солнце, душа моя отойдет от тела. И, снова призвав одного Стефана, поучал его, как пасти святое стадо; и Стефан не отлучался уже от преподобного, служа ему со смирением, потому что преподобный уже сильно изнемог от болезни.

Когда пришла суббота, и стало уже светать, преподобный велел созвать всю братию и облобызал всех их по очереди; а они плакали и рыдали, что разлучаются с таким пастырем. И стал говорить он им так: "Любимые мои чада и братия, с любовью простился с вами, так как я отхожу ко Владыке моему Иисусу Христу. Вот вам игумен, избранный по вашей воле; считайте его за духовного отца, почитайте, бойтесь его и делайте все по его повелению; Бог же, сотворивший все словом и повелением Своим, Он да благословит вас и сохранит без беды от лукавого врага, и да соблюдет твердой и непоколебимой веру вашу в единомыслии и любви, чтоб вам до последнего издыхания быть вместе, да подаст вам благодать трудиться для Него без порока, и быть каждому из вас в таком со всеми единении, чтоб было одно тело и одна душа в смирении и послушании, да будете вы совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный. Господь же да будет с вами! Молю вас и заклинаю о том, чтоб вы в той одежде, в которой я теперь, положили меня в той пещере, в которой проводил я дни поста. Не оmyвайте моего убогого тела; пусть никто из любви не видит меня, но вы одни погребите в указанном месте тело мое". Слыша эти распоряжения из уст святого, братия горько плакали. Преподобный, утешая их, говорил: "Обещаю вам, братия и отцы, что если телом отхожу от вас, то духом всегда буду с вами".

После этого наставления преподобный отпустил всех, не оставив у себя никого.

Один из братии, который всегда служил ему, сделал маленькую скважинку и смотрел в

нее, и вот преподобный встал, пал ниц на колени и молился со слезами милостивому Богу о спасении души своей, призывая на помощь всех святых, особенно же Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой он, поручал свое стадо и то место. После молитвы он лег опять, на ложе свое и, по коротком сне, посмотрев на небо и сказал громогласно, с веселым лицом: "Благословен Бог! Если это так, то я уже не боюсь, но в радости отхожу от этого мира". Так сказал он, видев, как кажется, некоторое явление. Потом он правильно лег, вытянув ноги и крестообразно положив руки на грудь, и предал святую душу свою в руки Божий, и соединился со святыми отцами, в год от сотворения мира 6582, от Рождества же Христова в 1074, месяца мая в 3-й день, в субботу, как предсказал сам, после солнечного восхода.

Тогда братия подняла по нем великий плачь, и потом, взяв, его, понесли в церковь и по обычаю отпустили священное пение. Как будто по какому-то божественному явлению стекло множество верных, которые с усердием собрались сами и сидели пред монастырскими воротами, ожидая, пока вынесут преподобного. Братия же, затворив ворота, не пускали никого и ожидали, пока разойдутся все, чтоб тогда погresti его, как он сам заповедал.

Пришло также много бояр, но и они стояли пред воротами; и вот, по Божию смотрению, небо внезапно помрачилось, и пошел сильный дождь, и те все разошлись. Потом дождь перестал и засияло снова солнце, и тогда братия понесли преподобного в преждеуказанную пещеру, положили его в ней с почетом и, закрыв ее, удалились. Этот день они провели без пищи. Благоверный же князь Святослав был тогда недалеко от Печерского монастыря, и он видел огненный столп от земли до неба над монастырем, и через то он понял, что преподобный преставился, и сказал тем, кто был с ним: "Мне кажется, что сегодня преподобный Феодосий преставился от земли на небо". Князь раньше этого дня был у него и видел, что болезнь его очень тяжкая. Послав туда и узнав наврное о преставлении, он сильно оплакивал преподобного. В тот год, молитвами преподобного отца нашего Феодосия, умножились всякие блага в монастыре его, и на землях его было обилие, и приплод скота в небывалых размерах. Видя это и поминая обет святого отца, братия прославила Бога, что их учитель и наставник сподобился такой благодати. Но не только тогда, но и донныне Бог молитвами преподобного отца нашего Феодосия не оставляет его обители. Ибо истинно то, что говорит Божественное писание: "Праведники живут во веки, и мзда их от Господа, и Вышний печется о них" (Прем. 5, 15). И по истине, если этот преподобный отлучился от нас телом, то, как сказал он сам, духом он всегда с нами, что можно видеть из многих чудес его по смерти. Один боярин подпал под великий гнев князя. Многие приходили и говорили ему: князь хочет послать тебя в заточение. Он же молился прилежно Богу и призывал на помощь преподобного отца нашего Феодосия, говоря: знаю я, отче, что ты свят, вот, настало время напасти, умоли небесного Владыку избавить меня от нее. И вот, когда однажды он в полдень спал, явился к нему преподобный отец наш Феодосий и сказал: "Что так печалишься? Или думаешь, что я отошел от вас? Если телом моим я отлучился от вас, духом всегда с вами. На следующий день князь призовет тебя, уже вовсе не держа на тебя гнева, и снова поставит тебя на прежнее твое место". Боярин же, хотя он и не был во сне, очнувшись, увидел преподобного, выходящим из дверей; и слово его исполнилось на самом деле, и боярин с тех пор имел еще большую любовь к монастырю преподобного.

Один человек, собираясь в дорогу и имея у себя ковчежец, полный серебра, принес его в монастырь преподобного отца нашего Феодосия и дал его на сохранение одному черноризцу, именем Конон, как своему знакомцу и другу. Это видел один из братии, именем Николай, и, соблазненный бесом, украл и скрыл серебро. Войдя в келию свою и осмотрев ее, Конон не нашел того серебра. Поверженный в великое беспокойство, со слезами молился он Богу,

призывая часто преподобного Феодосия, чтобы помощью его не быть посрамленным пред тем, некто дал ему серебро на сохранение. После молитвы, он немного уснул и видел во сне преподобного Феодосия, говорящего ему: то, о чем ты беспокоишься, по дьявольскому наущению взял черноризец Николай и скрыл в пещере. Преподобный показал ему и место, говоря: "Иди и, никому не говоря о том, возьми свое". Проснувшись, он был в великой радости и, поспешно встав и зажегши огонь, пошел на указанное место, где нашел по слову святого отца. Взяв серебро, он принес его в свою келию, хваля и славя Бога и прославляя угодника Его преподобного Феодосия.

Было и такое событие. Один из клириков святой великой Софийской церкви тяжело болел, сжигаемый огненным недугом; придя немного в себя, он молил Бога и преподобного отца нашего Феодосия об ослаблении болезни; и, едва он уснул, увидел преподобного Феодосия, дающего ему свой жезл, со словами "возьми и ходи с ним". Проснувшись, он почувствовал, что горячка покинула его, и болезненность его прекратилась, и поведал бывшим с ним о явлении преподобного. Таким образом, придя в силу, он пошел в Печерский монастырь и рассказал братии, как исцелился от болезни молитвами преподобного Феодосия. Они, слыша это, прославили Бога, давшего такую благодать своему рабу, их отцу.

Вот еще что произошло силой преподобного спустя немалое время от кончины его, о чем и вспомним при конце этого повествования.

Когда блаженный игумен Стефан, по дьявольскому наваждению, был изгнан из монастыря преподобного отца нашего Феодосия и преподобный Никон, который, по преставлении преподобного, пришел снова с вышеназванного острова Тмутараканска, принял игуменство, в это время приспели дни великого поста. В первую седмицу столь строгого воздержания, по уставу преподобного отца нашего Феодосия, в пятницу для братии, как для подвижников, столь много потрудившихся, должны были предлагаться на трапезе хлебы из чистой муки, и к ним мед и мак. Также и блаженный Никон приказал келарю сделать по обычаю. Он же, в преслушание игумену, солгал, говоря, что не имеет муки, чтоб сделать эти хлебы. Но Бог не презрел труда и молитв рабов своих и не попустил, чтоб было нарушено уставленное преподобным Феодосием. Когда после святой Литургии иноки шли к трапезе на постный обед, привезли, откуда совсем нельзя было ожидать, воз таких хлебов. Видя это, братия прославила Бога и святого Феодосия, изумляясь, как Бог всегда печется о них и подает все нужное, молитвами преподобного отца и наставника Феодосия. Через два дня келарь приказал пекарям печь обычные для братии хлебы из той муки, о которой он прежде сказал, что ее нет. Когда они стали работать и уже месить тесто, там оказалась жаба, как бы сваренная во влитой ими воде, и так их работа была осквернена ради преслушания. Так благоизволил Бог, в сохранение святого стада молитвами преподобного Феодосия, чтоб те, которые ту святую седмицу провели в столь великих подвигах, не могли вкусить от хлебов, сделанных со грехом, носящих печать врага; и чтобы все целомудренно следили за собой во всем.

Уже довольно повествовав, прервем на этом вместе с блаженным летописцем свой рассказ. Летописец, радуясь и благодаря Бога за такую добродетельную жизнь преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, что он подвизался так в последнее время, а также плача и скорбя, что житие его не было никем описано (как сам изъясняет здесь) своей любовью к преподобному отцу своему, потрудился от избытка сердца своего: и хотя бы малую часть из того многого, что видел и слышал, запечатлел на письме - во славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, с которым Отцу слава вместе с Пресвятым Духом, ныне и присно, и в бесконечные веки веков. Аминь.

Сказание о перенесении честных мощей преподобного и богоносного отца нашего Феодосия Печерского

В восемнадцатый год по переселении преподобного отца нашего Феодосия от земли на небо душой, Бог благоволил ему быть перенесенным телом из пещеры во святую небеси подобную церковь. Это произошло так.

Вся братия святой великой чудотворной лавры Печерской с наставником своим, игуменом Иоанном, собравшись, единодушно положили совет, перенести из пещеры во святую великую каменную церковь честные мощи блаженного и доблестного мужа высокого житием, чудного в добродетелях, дивного в чудесах преподобного Феодосия. Они рассуждали так: "Напрасно лишены мы отца и учителя своего. Не хорошо нам быть лишенными пастыря, и не подобает пастырю оставлять своих Богом порученных овец, чтоб не пришли дикие звери расхитить словесное стадо Христово. Следует нам, братие, всегда иметь пред глазами нашими честную раку нашего отца, и всегда приносить ему достойное поклонение. Неудобно ему пребывать в другом месте, кроме монастыря и своей церкви, потому что он основал ее и собрал иночествующих". Поэтому все, как одними устами, сказали: "Возьмем честные мощи любимого отца нашего и перенесем их из пещеры сюда, ибо, как говорит Господь, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем" (Мф. 5,15). Сказав так, они приготовили место для положения честных мощей святого, и поставили каменную раку.

Подошел праздник Успения Пресвятой Богородицы, и за три дня до праздника игумен велел идти в пещеру и раскопать место, где были положены честные мощи преподобного отца нашего Феодосия.

Первый помощник в этом деле и первый видевший честные мощи святого, был блаженный Нестор, составитель этого сказания, который сам о себе свидетельствует так. "Расскажу вам истинно и достоверно, не услышал я это от других, но сам был в деле распорядителем. Пришел я к игумену, и он сказал мне: "Идем, чадо, к преподобному отцу нашему Феодосию". И мы, неведомо для всех, пришли в пещеру; осмотревшись, сделали знак, где копать, и ушли. Тогда игумен сказал мне: "Возьми, кого хочешь, и, кроме него, не рассказывай никому, чтоб никто из братии не узнал, пока не вынесем из пещеры честные мощи святого". Я в тот день приготовил орудия для копания. Был вторник. Глубоким вечером я взял с собой двоих братьев, мужей чудных в добродетелях, и никто другой об этом не знал. Когда мы пришли в пещеру, сотворив молитву с поклонами и воспев псалмы, приступили к делу. Я начал копать и, потрудившись много, передал орудие другому брату. Мы копали до полуночи и не могли обрести честных мощей святого и начали сильно скорбеть и проливать, слезы. Мы думали, что святой не хочет явить нам себя, и нам пришла мысль, не копать ли на другой стороне. Тогда снова взял я орудие и начал копать прилежнее. Другой же из бывших со мной братии находился пред пещерой. Услыхав церковное било, ударяющее к утрени, он закричал мне, что уже ударили в церковное било. Я же прокопал тогда землю над честными мощами святого, и отвечал ему: "И я уже, брат, прокопал". Когда же я докопался до гроба, объял меня великий страх, и я начал звать: "Господи, помилуй меня ради преподобного Феодосия". Потом послал я к игумену сказать: "Приди, отче, чтоб изнести честные мощи преподобного". И пришел игумен с двумя братьями, а я прокопал еще больше, и, преклонившись к земле, мы увидали его мощи, святолепно лежащие. Все составы были целы и нетронуты тлением, лицо светло, очи сомкнуты, уста соединены, головные волосы

прилипли ко главе. Возложив на одр те честные и святые мощи, мы вынесли их из пещеры".

Рассказав о своем участии в деле, - святой Нестор свидетельствует о дивных делах Божиих, которые были при обретении честных мощей.

В ту ночь в святом Печерском монастыре бодрствовали два брата, ожидая, когда игумен с некоторыми иноками тайно перенесет честные мощи преподобного, и глядели пристально на пещеру. И, когда раздались звуки церковного била к утрени, они увидели три столпа, как дуги светозарные, которые стояли над пещерой преподобного Феодосия и перешли на вершину святой великой церкви, куда должны были перенести преподобного. Это видели и другие иноки, шедшие в церковь к утрени, и много благочестивых в городе лиц. Досточудный же Стефан, который после преподобного Феодосия был игуменом Печерским, потом устроил на Клове свой монастырь, затем же, изволением Божиим, был епископом града Владимира, находился тогда в Клове, в своем монастыре. Он в ту ночь видел через поле, над пещерой великую зарю. Думая, что переносят честные мощи преподобного Феодосия, - он был об этом накануне извещен - сильно жалел, что это происходит без него. Севши на коня, он поехал к пещере, взяв с собой Климента, которого поставил вместо себя на Клове. Едучи, они увидали издали яркую зарницу и, когда приблизились, увидали над пещерой много свечей; когда же подошли к пещере, уже не видели ничего. Тогда поняли они, что это было божественное сияние от честных мощей преподобного Феодосия. Придя к дверям пещеры, они застали святого Нестора с братией, окруживших честные мощи. Преподобный Нестор о прочих тех событиях свидетельствует так.

На другой день по обретении честных мощей, по изволению Божию, собрались боголюбивые епископы Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Порозский и игумены всех монастырей, множество черноризцев и благоверных людей из города, со свечами и фимиамом. Честные мощи святого Феодосия перенесли в Богом созданную и пречестную церковь, и возрадовалась пречестная церковь, приняв своего светильника, и можно было видеть в церкви дневной свет, покрываемый светом свечей; и святители окружали, иереи припадали, иноки с народом стекаясь лобызали с усердием мощи святого, воссылая Богу духовные песни и принося преподобному благодарственные хваления. И так положили мощи преподобного в близкой ему церкви Успения Пресвятой Богородицы, на правой стороне, месяца августа в четырнадцатый день, в четверг, в первый час дня, и радостно праздновали тот день.

Нельзя здесь умолчать и о том, что в третий день по перенесении мощей преподобного отца нашего Феодосия сбылось одно его пророчество; совершилось же это так.

Когда преподобный отец наш Феодосий был еще жив и содержал игуменство, его единственной заботой было, как бы лучше пасти врученное ему Богом стадо, и он заботился не только о черноризцах, но и о мирских душах, как бы им спастись, особенно же о своих духовных детях, наставляя и утешая приходящих к нему, иногда же заходя и в их дома и подавая им благословение. Был один вельможа, духовный сын святого, именем Иоанн и супруга его, Мария, оба благочестивые, живущие в целомудрии. Пришел к ним однажды блаженный в дом (он любил их, потому что они жили в заповедях Господних и в любви между собой) и поучал их о милостыне убогим, о царствии небесном уготованном праведным и о муках грешным, и многом другом от Божественных писаний говорил он им, пока речь не дошла и до положения тела во гробе. Благочестивая жена Иоанна, прервав преподобного, спросила: "Отче честный, кто знает, где мое тело будет положено?" Боговдохновенный же Феодосий, исполненный пророческого дара, отвечал ей: "Поистине говорю тебе: где будет положено мое тело, там и ты по прошествии годов упокоишься". Так и сбылось в восемнадцатый год по преставлении святого, когда принесли его честные мощи,

ибо тогда скончалась жена Иоаннова, Мария; и преподобный, по перенесении своем, положен был в четырнадцатый день августа, а она в шестнадцатый в той же церкви Пресвятой Богородицы Печерской, против гроба преподобного Феодосия, но по левую сторону. Потом, в пятнадцатый год по перенесении преподобного Феодосия, преставился на девяностом году жизни, и муж той женщины, великий боярин Иоанн, сын Вышаты, храброго воеводы, внук воеводы Остромира, который и сам воеводствовал не малое время и жил по закону Божию, праведностью не хуже предков, благий, смиренный, воздерживающийся от всякой злой вещи; он был положен у главы жены своей, против гроба того же преподобного Феодосия. Так что и на нем сбылось предсказание преподобного, что положен он будет там же, где и сам преподобный.

Следует вспомнить здесь и то, что Господь, прославляющий прославляющих его и благоволивший, чтоб преподобный отец наш Феодосий был перенесен телом в восемнадцатый год от преставления своего из темной пещеры во святую Печерскую церковь и стал светильником всемирным, просвещающим всех добрыми делами.

Произошло же это так. Сердцеведец положил на сердце блаженному Феоктисту, который был тогда игуменом Печерским, постараться, чтоб имя преподобного Феодосия было вписано в синодик или сборник церковный, и чтоб этот преподобный был причтен к лику древних преподобных отцов и всех святых, которым повсюду святая православная Церковь совершает празднество. Начал напоминать об этом блаженный Феоктист благоверному великому князю Михаилу Святополку Изяславичу, и молил его, повелеть преосвященному митрополиту Никифору собрать освященный собор епископов, игуменов и весь церковный клир и огласить то, чтоб устроить дело, как будет им угодно. Великий же князь Святополк, будучи боголюбив и ведая, что житие преподобного свято и богоугодно, со сладостью принял сказанное и в радости призвал преосвященного митрополита и просил его собрать боголюбивых епископов на собор и совещаться о том. Митрополит, выслушав это сочувственно, собрал епископов, игуменов и весь клир церковный и объяснил им дело. И сам великий князь Святополк начал рассказывать всем житие преподобного Феодосия. Итак, все единодушно и единогласно согласились и установили, чтоб преподобный был почитаем во святой православной Церкви, как равный всем празднуемым прежним святым. И повелел преосвященный митрополит епископам, чтоб каждый в своей епархии по всем церквам вписал имя преподобного Феодосия в сборник святых. С радостью сделали то епископы: вписали имя преподобного отца нашего Феодосия и начали поминать его по всем церквам, молясь ему и с похвалой совершая каждый год день торжества его, во славу Вседаровитому Богу и угоднику Его дароименитому Феодосию. Блаженному же Феоктисту, который с таким усердием постарался послужить отцу своему, преподобному Феодосию, чтоб вписать имя его в сборник, Бог воздал превыше трудов его. В скором времени избран он был епископом богоспасаемого града Чернигова и рукоположен тем же преосвященным митр. Никифором. Когда же вступил он на свой престол, тогда христоролюбивый князь Давид и княгини, бояре и все люди с неисповедимой радостью приняли его, как давшего церкви неисповедимую радость вписанием в сборник имени преподобного Феодосия, через которого с блаженным Феоктистом ожидаем и мы услышать эту радость: "радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах" (Лк. 10, 20).

Поместим здесь и сказание блаженного епископа Симона о чудесном украшении золотом и серебром честной раки преподобного отца нашего Феодосия, который украсил святую Печерскую церковь, как золотом и серебром нетленным, честными своими перенесенными мощами, а все прочие православные церкви почитанием святого имени своего. Было же это так.

По немалом времени от перенесения мощей преподобного отца нашего Феодосия, тысяцкий Георгий, сын Симона, внук Африкана, князей Варяжских, имевший княжескую область от князя Георгия Владимировича (Мономаховича) в земле Суздальской, в знак великой любви своей к преподобному пожелал украсить честную его раку. И он послал из града Суздаля в богоспасаемый город Киев, в Печерский святой монастырь одного из бояр своих именем Василий, и дал ему шестьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота, чтобы оковать честную раку преподобного. Взяв все с собой, Василий с неудовольствием отправился в путь, проклиная свою жизнь и день рождения своего и говоря себе: "Что это умыслил наш князь потратить такое богатство, и какая будет ему за это награда, что он оковал гроб мертвеца; как без толку собирал он, без толку и расточает. Тяжко мне одному, что не посмел я послушаться господина моего; к чему покинул я свой дом, и ради кого иду в этот горький путь, от кого приму я честь; не послан я ни к князю, ни к одному из вельмож, что скажу я той каменной горсти, и кто даст мне ответ, кто не посмеется безумному моему приходу!" Вот, что говорил он сопровождавшим его, и многое еще другое. Святой же Феодосий явился ему во сне, говоря с кротостью: "О чадо, я хотел воздать тебе награду ради труда твоего, но, если ты не покаешься, то потерпишь много зла". Но Василий роптал, не переставая, и Господь навел на него великую беду за его грехи. Все кони пали, а остальное все украли у них воры, кроме того сокровища, которое они везли.

И, открыв посланное с ним сокровище для окования раки преподобного, Василий взял оттуда пятаю часть золота и серебра и истратил это на приобретение коней, и не уразумел стряпшегося над ним гнева за хулу его. Когда же был он в Чернигове, упал с коня и разбился. Сопровождавшие Василия положили его в повозку и привезли в Киев. Был уже вечер. В ту ночь явился ему святой Феодосий, говоря: "Василий, не слыхал ли ты слов Господних: "Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтоб они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители" (Лк. 16, 9). И еще: "Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника" (Мф. 10, 41). Хорошо раздумал об этом сын мой Георгий, с ним и ты должен был быть увенчан за труд твой, и не всякий получает такую славу, какую ты должен был разделить с ним. Теперь же ты лишен всего. Но не отчаивайся в жизни своей; исцелиться ты не сможешь, иначе как покайся в своем согрешении. Прикажи нести себя в Печерский монастырь, в церковь Пресвятой Богородицы, пусть положат тебя на раку мою, и ты будешь здоров и найдешь в целости растраченное тобой серебро и золото". Все это не во сне, а наяву говорил в ту ночь Василию явившийся ему преподобный Феодосий. Утром пришел к Василию великий князь Георгий Владимирович со всеми боярами и, видя, что он сильно разбит, был тем опечален и ушел. Василий же, поверив видению святого, велел везти себя в Печерский монастырь. Когда они были на берегу, кто-то неизвестный вошел к игумену Печерскому со словами: "Иди скорей на берег, принеси Василия и положи его на гробе преподобного Феодосия. Когда же он подаст тебе сокровище, обличи его перед всеми, что он взял из него пятаю часть, и, если он покается, прости ему". Сказав это, он стал невидим. Игумен Тимофей стал искать явившегося ему человека, но никто не видал входящих к нему или выходящих от него. Выйдя к Днепру, он ввел Василия на гору и положил его на раке святого Феодосия, и тот встал здоровый и целый телом. Потом он начал передавать игумену врученное ему сокровище со словами: "Вот четыреста гривен серебра и сорок - золота". Игумен же спросил: "Чадо, где еще сто гривен серебра и десять - золота?" И Василий начал каяться, говоря: "Я взял их и истратил. Потерпи на мне, отче, я все отдам тебе. Я думал утаить это от всевидящего Бога". Тогда высыпали сокровище из сосуда, в котором оно было запечатано, и, когда пред всеми сосчитали, оно оказалось совершенно целым, пятьсот гривен серебра и пятьдесят - золота, и все прославили Бога и святого Феодосия. И тогда Василий

стал исповедовать по порядку явление святого свои дела. На следующий день князь, взяв с собой врачей, пришел на то место, где видел Василия разбитым, чтоб уврачевать его, и не нашел его. Услыхав, что его отвезли в Печерский монастырь, и думая, что он уже умер, князь поехал поскорее в монастырь и застал его здоровым, как будто он вовсе не болел. Услыхав от него дивные чудеса, князь ужаснулся и, полный духовной радости, пришел поклониться чудотворному гробу преподобного отца нашего Феодосия и потом уехал. Узнав обо всем случившемся, тысяцкий Георгий Симонович еще более возымел в душе усердие к Пресвятой Богородице и ко святому Феодосию, и к своему богатому кладу приложил еще гривну, которую носил сам и в которой было сто гривен золота, и написал так:

"Я, Георгий, сын Симонов, раб Пресвятой Владычицы Богородицы и святого Феодосия, был благословен святой его рукой. Некогда болел я три года глазами, не видел и солнечных лучей, и по слову его был исцелен, услышав из уст его "прозри" - и прозрел. И потому пишу я грамоту эту последним потомкам рода моего. Пусть никто из них не оставит обитель Пресвятой Владычицы Богородицы и преподобных отцов Антония и Феодосия Киево-Печерских. Если кто из них дойдет до крайнего убожества и ничего не будет в состоянии дать, пусть хоть будет положен в вотчинах той церкви, ибо и там заступает молитва преподобного Антония и Феодосия. Когда мы с половцами пришли на князя Изяслава Мстиславича, видели мы издалека высокий город и направились к нему. Но никто не знал, какой это город. Половцы, сразившись у него, были много поранены, и мы побежали от того города. Потом же мы узнали, что это село Пресвятой Богородицы, Печерской обители, а города там никогда не было, и даже жители того села не поняли того, что произошло, и, выйдя поутру и увидав разлитую кровь, изумлялись. Пишу я вам потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия, ибо он обещался отцу моему Симону молиться о нас, как о своих черноризцах, и написал молитву, которую отец мой приказал вложить себе в руку, когда предстояло ему быть положенным во гроб, ожидая исполнения обета святого. И мой отец являлся одному из богоносных отцов, и сказал ему: "Передай сыну моему Георгию, что я получил вечные блага по молитвам святого. Постарайся и ты, чадо, прийти ко мне добрыми делами. Кто не захочет молитв и благословения святого Феодосия и уклонится от него, тот изберет себе проклятие - и да падет оно на него".

Здесь кончается грамота названного христолюбца Георгия. И мы, кончая сказание это, примем от него наставление, не уклоняться от благословения и много поспешествующей молитвы преподобного отца нашего Феодосия, но будем приближаться к нему добрыми делами, и приблизится он к нам.

Итак, да убоимся мы проклятия, но получим благословение, и будем наследники Царствия, уготованного от сложения мира, во Христе Иисусе Господе нашем, Которым и с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Похвала преподобному и богоносному отцу нашему Феодосию, игумену, начальнику иноческого устава в Руси

"Когда умножаются праведники, веселится народ" (Прит. 29, 2), говорит премудрый Соломон о преставившихся святых. Ибо - день радости и веселья, когда праведный и преподобный муж приходит к своему последнему дню, ибо окончены труды, и начинается для него покой, отвержены печали, и находит он веселье: оставивши землю, идет на небо; разлученный с людьми и лишенный их временного видения, вселяется с ангелами и сподобляется видеть Бога.

В этот день вспоминаем мы, что учитель наш, наставник и пастырь преставился в вечную жизнь - великий во отцах отец Феодосий, неугасающий светильник, трудоположник и чудотворец земли Русской. Где же радость больше той, что мы сподобились видеть отца и учителя нашего отошедшим к Господу и принявшим венец нетления, стоящим всегда у престола Владыки и имеющим дерзновение молить о нас Владыку.

Не только сын, но и рабы радуются тому, что господин их приближен к земному царю после многих трудов и побед над врагами царскими. И мы, как сыновья и рабы, ликуем и весело празднуем, зная, что преподобный отец и господин наш получил великую честь у Господа Вседержителя и исходатайствовал многим вечную жизнь. Возвеличим же похвалами подвиги его и победы над духами неприятели.

Но кто из земных людей достойно восхвалит или возвеличит этого небесного человека и земного ангела, чиноподобника инокам, ведущим ангельскую жизнь? Мы, люди русские, сидевшие во тьме, увидели свет веры и начало пути к Богу, то есть святое крещение, через апостола, посланного нам от Бога, благоверного князя Владимира, который сам познал Бога, и, указав нам на него, снял покров неведения с глаз наших, и мы были озарены светом Триипостасного Божества. Другой же путь к Богу есть ближайший - это святой ангельский иноческий чин. На него указал Христос ученикам своим, говоря: "Всякий, кто оставит дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную" (Мф. 19, 29). Через кого же в земле Русской узнали об этом ближайшем к Богу пути, и кто тот, кто показал нам, как поднять бремя легкое и последовать тем путем Христу? Кто, как не преподобный отец наш Феодосий, наставленный учителем своим, преподобным Антонием? И прежде него были люди, уходившие от мира, чтоб идти узким путем; но через него передан всем русским монастырям чин и устав. И никто другой не показал прежде в таком совершенстве умерщвление земного человека, как он с учителем своим преподобным Антонием, ибо он исполнил притчу Господа, сказавшего: "Если зерно пшеничное, падши в землю не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" (Ин. 12, 24). Он умер для мира и был в пещере как зерно в земле - ожил же во Христе и принес много плодов - иноков, порожденных им духом и упасенных в благочестии и правде. Он умножил талант, данный ему от Бога, и слышит слова: "Добрый и верный раб! В малом ты был верен; над многим тебя поставлю" (Мф. 25, 21).

Об этом воистину сказал Господь: "Многие последние будут первыми" (Мф. 19, 30). И хотя он жил в последние времена, но крепостью и любовью Божией, сиявшими в нем, он превзошел многих, живших прежде него.

Еще в юности своей он отвращался от всего земного и думал о небесном; от чрева матери был чистым сосудом Святому Духу, не возлюбил славу мира этого и принял вольную

нищету, подражая Господу своему: ни во что вменил сокровища мимотекущие, желая одного только того, чтоб стать пред лицом Божиим и в уединенной молитве беседовать с Ним Единым.

Много тяжких ран принял он от матери, наваждением злого нашего врага, который хотел отвлечь его от добрых помыслов, зная, что им он будет побежден. Но благодать Божия вела святого отрока, и, как солнце на тверди небесной, он делами и учением своим просветил весь мир, изо дня в день становясь все лучшим, по Апостолу: "Забывая прошедшее, и простираясь вперед" (Флп. 3, 13). Был он тверд в послушании матери, но больше всего исполнял Божественные повеления, поняв, мудростью Святого Духа, что трудно заботясь о мире исполнить заповеди Господни. Потому, отвергнув все, он бежал, думая, что лучше на недолго оскорбить мать - через то Господь вразумил ее покинуть суетный мир, - чем лишиться царства Господня.

Придя в Киев, он искал руководителя, который бы показал ему путь незаблуждающихся, путь ангельский и, много поискав, нашел - так как не оставляет Господь ищущих полезного - чудного мужа, совершенного смыслом и многоразумного, имеющего дар пророчества: Антония.

Придя к нему, блаженный Феодосий, юный возрастом и старый разумом, творил усердно приказанное им, исполнял же многое и сверх того. Служа немощным, он был, по Иову, "глазами слепому и ногами хромому" (Иов. 29, 15). Всегда держал он в сердце апостольское слово: "Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов" (Гал. 6, 2). И он понес тяготу не одного или двух, но, взяв на себя служение всей братии, всем собой подавал облегчение, и все через него получали немалое успокоение его подвигами, и Бог помогал ему и подавал телесную крепость. И исполняя все это ежедневно, он никогда не пропускал общей службы, не нарушал никогда келейного правила и смиренно прилежал исполнению устава отеческого, который был написан для приходящих к доброму труду и благому послушанию.

Потому и превознес его Бог, и тем, на которых он работал, вменяя себя за последнего и худшего из всех и за слугу всем: над теми он был поставлен пастырем, отцом и учителем. Когда игумен Варлаам был взят из монастыря князем и устроен в другом месте, Феодосий много отказывался от этого сана. Но, не будучи в состоянии послушаться учителя своего преподобного Антония и уразумев, что так решил Бог, был избран, хотя и по неволе. Тогда он предался еще большим трудам, думая: "если много было забот о спасении себя одного, насколько больше о спасении многих". И говорил себе: "Феодосий, прибавь к трудам труды, и к подвигам подвиги; как явишься ты к своему Владыке, не управив хорошо Его стадом, как скажешь: "Вот я и дети, которых дал мне Господь" (Ис. 8, 18). Поэтому проводил он без сна все ночи, отчасти стоя на молитве, отчасти ходя по келиям и поднимая братию на молитву. И, будучи старшим, не оставлял доброго обычая быть первым на работах; иногда носил воду, иногда рубил дрова, подавая собой пример всей братии.

Когда начинался святой Великий пост, тогда храбрый Христов воин, гнушавшийся всех земных вещей и, отлучаясь от общения с людьми, уходил от братии и затворялся один в пещере, где проводил всю святую четырехдесятницу и один беседовал в молитве с единым Богом. Кто расскажет о том, какие он там претерпевал труды и болезни, рыдания и слезы, пост крепкий и брань с лукавыми духами? Когда же приближался светлый день воскресения Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил, как Моисей с горы Синайской, сияя сильнее, чем лицо Моисея. И никогда не нарушил он этого устава своего. Потому и сподобился там откровения Божия и узнал об исходе своем, что из этого света повелено ему перейти в бесконечный. Не утаил он этого от друзей и учеников своих. Но обещался молить

Бога об обители Пречистой Богоматери и о чадах своих до пришествия Господня. И как обещал он, так и сделал. И, чем большего сподобился он дерзновения к Богу, тем большую милость Господню подает нам во всякое время и всякий год, посещая и заступая, сохраняя и соблюдая стадо свое от врагов душ наших. Ибо когда кто-нибудь просил у честной его раки полезного к спасению, и был посрамлен в уповании своем или кто призывал с верой его святое имя и не был избавлен от душевной язвы и телесной болезни? Он нам апостол и проповедник, он нам вождь и правитель, он нам стена и ограждение, он нам похвала пред Богом и дерзновение к Богу.

Днесь, братие, нужно нам веселиться духовно и праздновать всей душой, имея пред глазами своими честную раку преподобного отца нашего Феодосия, в которой положено было утружденное святое его тело, изводящее лучи чудес во все концы Русской земли. Эта рака приняла в себя сокровище некрадомое, сосуд святого Духа и орган Божественный, честное тело отца нашего и учителя. Всматриваясь в нее, увидели как бы самого преподобного, неразлученного духом от тела, ибо в гробе положен он телом, а с нами всегда пребывает духом. И если видит, что мы живем по завету его, радуется и милостиво приближается к нам, хранит и соблюдает, как возлюбленных детей; если же начнем нерадеть о своем спасении, и не хранить наставлений его, тогда лишаемся его помощи.

Но, о святой отче Феодосие, сам восполни недостатки наши добродетелями своими: без твоей помощи не можем мы сотворить ничего доброго. И вот, в день преставления твоего, собравшись в один лик, с любовью взываем тебе:

Радуйся, просвещение Русской земли, просиявшее как десница с востока и просветившее всех нас светом дел добрых.

Радуйся, описатель и образ, путь и вождь, правитель и наставник иноческому житию.

Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись.

Радуйся, умноживший стадо словесных овец во дворе Божией Матери, как ни один ни прежде, ни после тебя, по всей Русской земле.

Радуйся, насадитель винограда Христова; ветви твои простерлись до моря и отросли до рек.

Радуйся тому, что тебе открыты были откровения Божии, и что ты был строитель обители Пречистой Божией Матери, которую создал ты в величественной красоте и принес в дар Божией Матери.

Радуйся, умноживший талант Господину своему, получил ты десять, и приобрел тысячу.

Радуйся, пажить Христова, напитавшая до избытка словесное стадо; и вкусившие чужестранных учений, затворясь во дворе Матери Божией, соединились вместе с твоими чадами.

Радуйся, сладкий источник, пив из которого, монашеские полки чувствовали Божественную прохладу и без труда прошли тесный путь и вселились при ключах высоких вод.

Радуйся, пастырь и учитель, сохранивший стадо Христово от мысленного волка непорочно и невредимо, и приведший к начальнику пастырей, Христу.

Радуйся, огненный столп, светящий ярче того, который был при Моисее, ибо тот светил телесно, а ты духовно: тот вывел Израиля из пустыни, а ты - верных из соблазнов суетной жизни; тот устрасил Амалика, а ты - диавола; тот ввел в землю обетованную, а ты - в райские пажити, где твои ученики ликууют.

Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга Пречистой Божией Матери, ибо она не нашла иного строителя обители своей, как тебя, которого возлюбила, и обещала посещать благодатью даров, что и сбылось.

Радуйся, отче Феодосие, наша похвала и велелепие.

Лавра твоя хвалится тобой, и в концах вселенной славно имя твое. Страны дивятся отцам, бывшим в ней, что просияли они, как звезды на тверди небесной, явились исполнителями заповедей Божиих, прославились чудотворцами, приняли от Святого Духа дар прозрения и были учителями Божественного слова. Стеклись цари, поклонились князья, припали вельможи, вострепетали сильные, ужаснулись иноязычные, видя в твоей лавре небесных жителей, ходящих по земле и собирающихся в дом Божией Матери, как к Престолу Господню, непрестанно поющих ангельскую песнь и водворяющихся вместе с ангелами. Одни из них видели ясно ангелов, другие же беседовали с ними мысленно и душевно и знали духом, когда бывает приход благих ангелов, иные же чувственно прогоняли лукавых духов. Таковы отрасли твоего винограда, таковы ветви твоего корня, таковы столпы твоей храмины, таковы чада твоего порождения, таковы отцы твоей лавры, и подобало таким ученикам произойти от такого учителя.

Поистине река Святого Духа истекла из уст твоих, о которой учил Сам Христос Сын Божий, говоря иудеям:

"Кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, которого имели принять верующие в Него" (Ин. 7, 38, 39). Та река течет и поит чад твоих до века. Изведя ту реку, апостолы привели все народы к Богу. Ту реку пили мученики и небрегли о теле своем и давали себя на раны и различные муки. Пив этой реки, отцы оставили города и села, богатства и дома и поселились в горах и в вертепах и в пещерах земных. Пили этой реки ученики твои, и небрегли о земном, но вперили весь ум к небу, приобрели, что желали, и вселились в Божественном свете, где лики бесплотных. Последуя им, прибегли мы в обитель Божией Матери, в твою надежду и ограждение, возложив все упование наше на Пречистую Деву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосие.

Если и не достигнем мы того, чтоб идти путем прежних учеников твоих, то мы поминаем, что обещали неложные твои уста, что всякий, кого постигнет смерть в обители Пречистой Богоматери и в надежде на тебя, если и несовершен будет в подвигах - ты восполнишь это и умолишь о нем Бога. Надеясь на то слово, молитвенно призываем тебя.

Сам знаешь ты, преподобный, если и молчим мы о том, что дни наши прошли в пустоте мира сего, и, опомнясь немного, прибегли мы в обитель Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и в твою святую ограду и приняли на себя иго Христово. Не предай же нас врагам душ наших, ибо они вооружились на нас и пленяют нас всякий час и порождают различными помыслами сердца наши, и отводят нас от Божия разума и принуждают нас любить мимотекущее, тленное и погружают нас до конца в глубину греховную. Но мы обрели в тебе кормчего, направь нас к пристанищу тихому, и утиши мысленную бурю, и умоли о нас общего Владыку, чтоб подал нам мысль, слово и дело, творить все по Его и по твоему завету.

Если же уклонимся с пути заповедей его и не соблюдем тобой переданного устава, то ради веры нашей к Пречистой Деве и к тебе, отче святой, да причтет нас милосердый Владыка к лику чад твоих, ходивших без порока по стезям правды, и не отлучит нас от зренья светообразного своего лица, когда возьмет нас отсюда. Но прежде, отче святой, посещай нас, находящихся в жизни этой, и соблюди от козней неприязни и от дел, отводящих нас от Бога; подай нам молитвами твоими житие чистое и богоугодное, воздвигни ум наш, падший ленисто к земле, и испроси бодрость и стражу духовную и прощение прежним грехам. Если одолела нас рассеянность ума нашего, мы, имея в тебе пособника и помощника, пребывая в твоей Лавре, надеемся через тебя явиться свободными пред Богом и не быть под властью врагов видимых и невидимых. Ты сам сказал ученикам твоим: если по отшествии твоём к

Богу, в этом месте будут умножаться иноки, и станет оно изобиловать всем нужным - из этого будет известно нам, что ты имеешь дерзновение к Богу и что молитва твоя к Нему благоприятна. Мы же, преподобный отче, знаем по равноапостольному житию и по страсотерпческому подвигу твоему, что и прежде исхода твоего имел ты дерзновение ко Вседержителю Богу, а тем более по исходе. Но ты сказал пророчество, указывая, что место Пресвятой Богородицы и святая твоя лавра возвеличатся и возрастут славой и силой, и предзнаменовывая, что беспрестанно будешь молиться о святой ограде твоей, как и совершилось истинное твое и неложное обещание. Ибо по преставлении твоём твое место не принадлежало никому и не было никем разрушено, но росло и возвышалось из года в год. Но вот, умножились грехи наши, совершились беззакония наши и злоба наша прогневала Бога и Божиим посещением, ради человеческих грехов, многие храмы Божий были разрушены, монастыри разорены и города покорены, и села опустели от набега народа незнаемого, народа немилостивого, народа, ни людей не стыдящегося, ни Бога не боящегося, не имеющего в себе человеколюбия. И мы, будучи повинны этой казни, и уже наказанные многими бедами и томлением, припадаем к тебе, принося мольбу - воздвигни руки твои от нас ко Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, чтоб воспомянула она свои древние милости к монастырю этому, который дан был ей в достояние. И да подаст Она нам облегчение в горькой печали нашей, отгонит лукавых врагов и хулителей православной нашей веры, и сотворит святую Церковь Свою, которую Сама воздвигла в жилище Себе - неборимой, и да умножит стадо монастыря Своего, и посещает, как прежде, соблюдая и утверждая, заступая и храня от врагов видимых и невидимых, чтоб свободные душой и телом в этом мире жить богоугодно, как и прежние отцы наши, не зная над собой никакой власти, разве воли Пресвятой Владычицы и твоей, преподобне отче Феодосие.

Ведая, отче, твое благосердие, мы дерзнули, отче, направить язык наш на похвалу тебе, не потому что приносим тебе достойную хвалу, но надеясь приобрести от тебя помощь, прощение грехов наших и сохранение от прочих дурных увлечений. Прославили тебя бесплотные силы, приняли тебя апостолы, прославили тебя пророки, обняли тебя мученики, срадуются тебя святители, встретили тебя лики черноризцев, возвеличила тебя сама Царица Пречистая Мать Господня и превознесла тебя, и сделала тебя известным по всей земле и в концах вселенной.

Как же достойно можем восхвалить тебя, верный раб Господень, мы, имея скверные уста и нечистый язык? Но, не имея, что принести тебе в день преставления твоего, приносим тебе эту малую похвалу, как малый и смердящий поток, вливающийся в широту морскую, не для того, чтоб наполнить море, но чтоб избавиться от своего смрада. Итак, о честная глава, преподобне отче наш Феодосие, не прогневайся, но моли о нас, грешных рабах твоих, чтоб не осудил нас в день пришествия Своего Господь наш Иисус Христос, Которому слава со безначальным Отцом и единосущным Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Сказание о святой чудотворной церкви Печерской, каменной, Успения Пресвятой Богородицы

как была она создана, украсилась и освящена, написанное блаженным Симоном, епископом Владимирским и Суздальским

Пусть все знают, что волей и промыслием Самого Господа, ходатайством и молитвами Его Пречистой Матери была создана, украсилась и освящена Святая Боголепная небесиподобная Богородичная церковь каменная в святой великой чудотворной лавре, преподобных и богоносных отцов наших Антония и Феодосия Печерских, которая есть Архимандрия всей Русской земли. Сначала с блаженным епископом Симоном начинаем так слово о чудотворном начале создания ее.

Был в Варяжской земле князь Африкан, брат слепого Якуна, того, который некогда бился с полком своим за Ярослава, с лютым Мстиславом, братом его. У этого Африкана было два сына, Фрианд и Шимон. По смерти отца их, Якун изгнал обоих из области их. Шимон пришел в Русь к благоверному князю Ярославу, который принял его и держал в чести и поместил его у сына своего Всеволода, чтоб он был старейшим у него. Этот Шимон получил у Всеволода великую власть, и потом имел великую любовь к святому Печерскому монастырю. Причина же любви этой была следующая.

В княжение Изяслава Ярославича в Киеве, когда пришли на Русскую землю половцы, собрались против них три князя Ярославича - Изяслав, Святослав и Всеволод, имея с собой и этого Шимона. Он пришел к преподобному Антонию для молитвы и благословения на брань. Старец же, открыв неложные свои уста, ясно предсказал ожидающую их погибель. Тогда варяг пал к ногам старца и молил, чтоб ему спастись от такой беды. Блаженный же сказал ему: "О чадо, многие из вас падут от острия меча, и, обращенные в бегство супостатами, будут истоптаны, переранены, утонут в воде; ты же будешь спасен и положен, в церкви, которая здесь создастся". Когда они пришли к реке Альте, обе рати сошлись, и христиане были побеждены гневом Божиим: князья побежали, и многие воеводы были убиты со множеством воинов. Шимон лежал раненый среди них. Посмотрев в высокое небо, он увидел великую церковь, как и прежде видел на море, и вспомнил слова Христовы, которые некогда слышал, и сказал: "Господи, избави меня от этой горькой смерти, молитвами Пречистой Твоей Матери и преподобных отцов наших Антония и Феодосия". И тут какая-то сила исторгла его из среды мертвых, и он исцелился от ран и нашел всех своих целыми и здоровыми. Возвратясь в Киев, он пришел опять к преподобному Антонию и рассказал ему, кроме последних событий, еще дивную вещь: "Отец мой Африкан сделал громадный крест, в десять локтей, и изобразил на нем Богочеловеческое подобие Христа, и, почитая его, возложил на чресла Его пояс, в котором 50 гривен золота и золотой венец на главу Его. Когда Якун изгнал меня из моей области, я взял пояс с Иисуса и венец с главы Его, и слышал глас от образа, который обратился ко мне: "Не возлагай, человек, этого венца на Мою главу, но неси на приготовленное место, где преподобным создается церковь Матери Моей - и дай ему в руки, чтоб повесил над жертвенником Моим". В страхе упал я и, оцепенев, лежал как мертвый. Потом же встал и сел на корабль. Когда мы плыли, поднялась большая буря, так что все мы отчаивались в своей жизни. Тогда вспомнил я о поясе, о котором ничего не слышал, и стал вопить: "Господи, прости мне; я погибаю ради пояса, который взял с Твоего честного и человекоподобного образа". И вот, я увидел высоко церковь, и думал - какая это церковь? и был свыше голос: "Та, которая создается преподобным во имя Божией Матери, и как

видишь ты ее в величии и красоте, размерит он ее тем золотым поясом, в 20 поясов в ширину и 30 - в длину, в вышину же стены с верхом на 50. И в ней ты будешь положен". После того на море легла тишина. Мы все прославили Бога и утешались безграничной радостью, что спаслись от горькой смерти, рассказав все это, Шимон прибавил: "Доселе, отче, я не знал, где создастся показанная мне церковь, пока не услышал из честных твоих уст, что я буду положен здесь в церкви, которая создастся". И, взяв золотой пояс, он дал его преподобному Антонию со словами: "Бот мера основания церкви той". Дал и венец, говоря: "Пусть этот венец будет повешен над святым жертвенником". Старец прославил за то Бога, и сказал: "Чадо, с этих пор пусть не будет тебе имя Шимон, но Симон". Призвал святой Антоний блаженного Феодосия и сказал: "Симон - это он воздвигнет такую церковь". И передал блаженному тот пояс и венец. И с тех пор Симон имел великую любовь к святому строителю Феодосию, и жертвовал ему много на возведение Богом указанной церкви, и часто приходил к нему.

Однажды пришел этот Симон к преподобному Феодосию и, после обычной беседы, сказал ему: "Отче, прошу у тебя одного дара". Феодосий же отвечал: "Чадо, чего просит твое величие у нашего смирения?" Симон же сказал: "Я требую от тебя дара великого и превосходящего мои силы". Феодосий же снова ответил: "Ты знаешь, чадо, убожество наше, что часто у нас и хлеба не найдется на дневную пищу, а о другом и не знаю, есть ли у нас что". Симон же сказал ему: "Если хочешь, подай мне: ты можешь по данной тебе благодати от Господа, Который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисусовой, Он сказал мне: "неси на приготовленное ему место и дай в руки преподобному, который воздвигнет церковь Матери Моей". И я прошу тебя дать мне слово, чтоб душа моя благословляла тебя как при жизни, так и по смерти моей и твоей". Отвечал ему святой: "О Симон, выше силы прошение, но если ты увидишь мое отшествие от мира и по моем отшествии увидишь, что церковь здесь воздвигнута, и переданные мной уставы здесь сохранены, тогда знай, что я имею дерзновение к Богу. А теперь не знаю еще, приятна ли моя молитва Богу". Симон же снова сказал: "О тебе свидетельствовал Господь, ибо я сам слышал Его слова о тебе от Пречистых уст святого Его образа. И поэтому молю тебя, как о своих черноризцах, так и о мне грешном помолись, так и о сыне моем Георгии, и до последних потомков рода моего". Святой же, подкрепляя обещание свое, сказал: "Не о них только молюсь, но и о всех, любящих это святое место". Тогда Симон, поклонясь до земли, сказал: "Отче, чтоб мне не уходить от тебя неуспокоенным, - не подтвердишь ли ты это грамотой?" Принужденный любовью к нему, преподобный написал так: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа, молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и присно Девы Марии, и святых сил бесплотных". И прочие слова разрешительной иерейской молитвы, и окончил так: "Да будешь прощен в этом веке и в будущем, когда придет праведный Судия судить живым и мертвым". Эту молитву с тех пор начали влагать в руки умершим, как первый приказал вложить себе Симон. При этой молитве Симон приписал следующее: "Помяни мя Господи егда приидеши во Царствии Твоем, воздать каждому по делам его, тогда, Владыко, и рабов твоих Симона и Георгия сподоби стать во славе Твоей одесную Тебя, и услышать благий глас Твой: Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира" (Мф. 25, 34). И сказал опять Симон: "Помолись еще, отче, чтоб были отпущены грехи и родителям моим и ближним моим". Преподобный же Феодосий, воздев руки свои, сказал: "Да благословит вас Господь с Сиона и увидите благоденствие Иерусалима во все дни жизни нашей" (Пс. 127, 6). Симон же принял благословение и молитву от святого как некий многоценный бисер, и желал не расставаться с писанием этим, отходя и во гроб, как впоследствии и сбылось. И так как он прежде был варяг, с тех пор благодатью Божией и наставлениями святого Феодосия, оставил латинскую ересь и принял истинную

православную Христову веру со всем домом своим, в котором было до трех тысяч душ, и с иереями своими; и сделал так ради чудес преподобных отец наших Антония и Феодосия Печерских. По немалом времени, когда соорудилась святая Печерская церковь, первым положен в ней был Симон, по откровению свыше и по предсказанию преподобного Антония.

Этот достохвальный Симон ясно показал благодатными явлениями, что создание святой Печерской церкви, прежде чем совершилось на земле, изобразилось и предназначалось на небе, так что здесь исполнилось слово псалма. "Сам Вышний укрепил ее" (Пс. 86, 5). Ходатайством Царицы Небесной это впоследствии подтвердилось еще явственнее таким образом.

Когда прошло несколько лет с того дня, как Симон дал пояс и венец, пришли из Царьграда мастера, четверо очень богатых церковных зодчих, к преподобному Антонию и Феодосию Печерским, и сказали: "Где хотите начать строить церковь?" Они отвечали: "Где Господь укажет это место". Мастера сказали на это: "Чудная вещь; вы узнали время своей смерти, а еще не назначили места для церкви, дав нам за работу столько золота". Тогда преподобные Антоний и Феодосий, призвав всю братию, спросили греков: "Скажите нам правду, что значат ваши слова?" Мастера отвечали: "Однажды рано, когда мы спали в наших домах, на восходе солнца, к каждому из нас пришли благообразные юноши, говоря: "Зовет вас Царица во Влахерну". Мы же пошли, взяв с собой друзей и родственников своих, и ветретились во Влахерне, придя все в одно время. И, когда поговорили друг с другом, узнали, что слышали тот же зов к Царице и что одни и те же юноши звали нас. Мы увидели Царицу и множество воинов вокруг Нее, и поклонились Ей. И она сказала нам: "Хочу Церковь воздвигнуть Себе в Руси, в Киеве, повелеваю вам взять с собой золота на три года и идти строить ее". Мы же, поклонись, сказали Ей: "О Госпоже Царице, Ты посылаешь нас в чужую страну, к кому туда идем мы?" Она же сказала: "Я посылаю здесь предстоящих, Антония и Феодосия". Мы спросили: "Ты на три года даешь нам золота, Госпоже; так скажи им, чтобы у нас была пища и все нужное. Сама знаешь Ты, чем нас наградить". Царица же сказала: "Этот Антоний только благословит вас на дело, а сам отойдет в вечный покой. Феодосий же пойдет за ним на второй год. Итак, возьмите золота до избытку, и идите. А наградить никто не может так, как Я. Я дам вам то, что глаз не видел, ухо не слышало, что не приходит на сердце человеку (1 Кор. 2, 9). Приду Я и Сама видеть церковь, и хочу в ней жить". Дала же Она нам и мощи святых мучеников Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова, Феодора, говоря: положите это в основание церкви. Мы же, взяв святые мощи, золото и прочее нужное нам, спросили Царицу о величине церкви. И Она сказала нам: "В меру послала Я пояс Сына моего, по Его повелению; но войдите на открытое место и увидите размеры ее". Мы вышли и увидели церковь на воздухе и, вернувшись, поклонились опять Царице и спросили: "Госпоже, в чье имя будет церковь"? Она сказала: "Хочу назвать ее в Мое имя". Мы не дерзнули спросить Ее, как Ее имя.

Царица же сказала сама: "Церковь будет Богородичная". И Она дала нам эту святую икону, говоря: "Она да будет Наместницею!" Мы, поклонясь, пошли в дома свои, имея с собой эту икону, которую приняли из рук Царицы". Услыхав этот рассказ, все прославили Бога и Матерь Его. И отвечал мастерам святой Антоний: "Чада, мы никогда не выходили к вам с этого места". Греки же сказали с клятвой: "От ваших рук приняли мы Царицыно золото пред многими свидетелями. Мы проводили вас с ними до корабля, и, пробыв, по отъезде вашем дома один месяц, отправились в путь, и теперь десятый день, что мы вышли из Царьграда". И отвечал им тогда преподобный Антоний: "О чада, великой благодати сподобил вас Христос, потому что вы исполнители Его воли. Те благообразные юноши, звавшие вас, - пресветлые ангелы, а Царица во Влахерне, - это явилась вам видимо Сама Пресвятая, Чистая и

Непорочная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария. А воины, которые окружали Ее - это тоже бесплотные ' силы ангельские. Относительно же нашего сходства и вручения вам золота - Бог Один знает, как сотворил Он с рабами своими. Благословен приход ваш, и добрая с вами Спутница - эта честная икона Госпожи Богородицы: Она да дарует вам, как обещалась, то, что глаз не видел и ухо не слышало, и что не пришло на сердце человеческое (1 Кор. 2, 9). Ибо этого никто не может дать; только Он и Сын Ее Господь Бог и Спас наш Иисус Христос, чей пояс и венец принесен здесь варягом, и сказана была мера ширины, длины и вышины той пречестней церкви, о чем был с неба, от велелепной славы, голос Симону варягу, давшему нам этот пояс".

Со страхом поклонились греки святым и просили их, как и прежде, показать место для строения церкви. Преподобный же Антоний сказал: "Мы проведем три дня в молитве, и Господь покажет нам".

Для начала такого дела, по внушению Божию, собралось на поле множество людей, никем не званных, и стали выбирать место для создать церкви. Одни говорили - здесь, другие - там, но удобного места не находилось. Около была земля князя. И, по устройению Божию, в это время мимо проезжал сам благоверный князь Святослав. Увидав много народу, он спросил, что они здесь делают, и, узнав - свернул коня с дороги, подъехал к ним, и, как бы руководимый Богом, показал им место на своем поле и велел им (зодчим) воздвигнуть там церковь, о которой они говорили.

Молились преподобные до трех дней. И когда молился преподобный Антоний в первую ночь, явился ему Господь, говоря: "Антоний, ты обрел благодать предо Мною". Преподобный же Антоний сказал Ему: "Господи, если обрел благодать пред Тобою - да будет по всей земле роса, а на месте, которое Ты благоволишь освятить, пусть будет сухо". И на другой день нашли то место, где теперь церковь, сухим, а по всей земле вокруг - росу. В другую же ночь, тоже помолясь, преподобный Антоний сказал: "Господи, да будет по всей земле суша, а на месте свягом роса!" И когда пришли туда, так и оказалось.

В третий же день, став на месте том, они помолились, преподобный Антоний благословил место, и измерили ширину его и длину Христовым золотым поясом, принесенным Симоном из Варяжской земли, по той мере, которую Симон на море слышал с неба.

Тогда преподобный Антоний, подняв руки к небу, воззвал громким голосом, как некогда Илия: "Услыши меня, Господи, услыши меня днесь огнем, да познает народ сей, что Ты хочешь сего" (3 Ин. 18, 37). И упал огонь с небес и пожог весь хворост и терние, и истребил росу, и сделал углубление, подобное рву на размеренном месте. Те, кто были со святым, пали от страха, как мертвые. Итак, благодатью Божией было утверждено то Богом избранное место под руководством и при молитвах святого первоначальника Антония. Как и прежде, благодать, сошедшая на место это, продолжала проявляться то пламенем, исходящим на нее от старой церкви как бы дугой, иногда же появлением ангелов с иконой. Это было ответом на моление преподобного строителя Феодосия, как и пишется в житии его.

Когда место таким образом определилось, была основана святая чудотворная Богородичная Печерская каменная церковь преподобными отцами нашими, Антонием и Феодосием Печерскими, в год от создания мира 6581, от Рождества же Христова 1073, при боголюбивом епископе Михаиле, во время пребывания в Греции митрополита Георгия, во дни благоверного князя Святослава Ярославича, который начал своими руками копать ров под основание и дал сто гривен золота в помощь блаженному строителю Феодосию.

В основание под стенами положили и мощи святых мучеников, данные мастерам во Влахерне от Пресвятой Богородицы. По Ее пророчеству, преподобный Антоний, прожив

потом недолго, в тот же год отошел на вечный покой. Блаженный же Феодосий тщательно заботился о создании церкви, но во второй год после преподобного Антония, когда уже вывел церковь из основания, сам вознесен был от земли на небо. Когда же блаженный Стефан, после преподобного Феодосия, принял игуменство, он полностью отстроил святую Печерскую церковь в третий год. Этот блаженный Стефан видел сам те преславные чудеса: как пришли мастера с иконой и поведали видение Царицы во Влахерне. Потому, по выходе своем из Печерского монастыря, в память преславных тех чудес создал Влахернскую церковь на Клове. Благоверный князь Владимир Мономах Всеволодович, еще юный, был тоже очевидцем тому дивному чуду, как огонь спал с неба, и выгорела яма там, где было положено церковное основание золотым поясом.

Слух об этом распространился по всей земле Русской. Поэтому и князь Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяслава узнать подробнее о столь великих чудесах. В это время Владимир был болен и, опоясанный этим золотым поясом, тут же исцелился, молитвами святых отец наших Антония и Феодосия. И христоролюбивый Владимир, взяв меру этой Богом знаменованной Печерской церкви, и в своем княжении, в городе Ростове, создал церковь, подобную вышиной, шириной и длиной, и записал себе на хартию, где изображен каждый праздник в этой святой церкви, и по этой записи устроил все в своей церкви.

Сын его, князь Георгий, услышав от отца своего, Владимира, чудеса, бывшие в этой церкви, создал церковь в ту же меру в своем княжестве, в городе Суздале.

Но все те церкви, созданные людьми, после многих лет распались, а эта единая церковь, Богом созданная, пребывает неразоримой.

Но перейдем теперь к повествованию об иконном украшении этой святой церкви.

Об иконном украшении

Через десять лет от пришествия мастеров церковных зодчих, из того же богохранимого Константинограда пришли мастера иконного писания к блаженному Никону, бывшему тогда игуменом Печерским, и сказали: "Дай нам видеть тех, которые уговаривались с нами о работах по иконному писанию; хотим мы с ними счестся - они показали нам для расписания малую церковь, и мы уговорились с ними пред многими свидетелями, а эта церковь очень велика. Или возьмите ваше золото, а мы возвратимся в Царьград".

Слышав это, усомнился игумен и сказал иконописцам: "Каковы на вид были уговаривавшиеся с вами?" Иконописцы рассказали ему о их внешности и лицах, и об их именах - один Антоний, другой Феодосий. И сказал им игумен: "О чада, невозможно вам их показать, ибо более десяти лет отошли они к Богу, и непрестанно молятся за нас, храня эту церковь, соблюдая свой монастырь и заботясь о живущих в нем". Иконописцы ужаснулись этому ответу. Они привели многих купцов, пришедших с ними оттуда же, и сказали игумену: "Пред ними сговаривались мы с теми иноками и приняли золото из рук их; а ты не хочешь нам показать их. Если же они преставились, покажи нам образ их, чтоб и купцы могли видеть, те ли это были". Тогда игумен пред всеми вынес икону преподобных отцов наших Антония и Феодосия Печерских.

Греки, видя образ их, поклонились со словами: "Это были воистину они, и мы веруем, что они живы и по смерти, и могут помогать, заступать и спасать прибегающих к ним". И купцы дали мусию, привезенную ими на продажу и украшавшую впоследствии святой алтарь.

Иконописцы же стали каяться в своем согрешении и поведали следующее. "Когда, - говорили они, - приплыли мы на ладье в Канев, мы увидели эту великую церковь на высоте и спросили бывших там людей, какая это церковь. Они отвечали - Печерская, которой вы - украсители. Мы, недовольные тем, что она так велика, хотели плыть назад, вниз. И в ту ночь была сильная буря на реке. Встав же поутру, мы очутились близ Треполя.

Ладья сама шла вверх, против воды, как будто какая-то сила влекла ее; с трудом мы удержали ее и стояли весь день, размышляя, что это значит, что за одну ночь, не гребя, проехали мы такой путь, который другие с трудом совершают в три дня. В следующую ночь мы видели в видении эту церковь и в ней наместную чудотворную икону Пресвятой Богородицы, говорящую нам: "Люди, что вы мятетесь все, не покоряясь воле Сына Моего и Моей. Если послушаетесь Меня и задумаете плыть вниз, - Я возьму всех вас и поставлю у церкви Моей; и знайте, что вы не выйдете оттуда, но постригшись там в монастыре, окончите свою жизнь, и Я вам дам милость в будущем веке, ради этих строителей Антония и Феодосия..." Встав поутру, мы опять хотели плыть вниз, и много потрудились над веслами, но ладья шла вверх, наперекор нам. Тогда, покорившись, предали мы себя воле и силе Божией и скоро ладья пристала сама под монастырем".

Когда они окончили рассказ, тогда все вместе, черноризцы и греческие зодчие и иконописцы, прославили великого Бога и Пречистую Его Матерь, и чудотворную Ее икону, и преподобных отцов Антония и Феодосия. Иконописцы принялись за дело украшения святой церкви, а Господь помогал им прочими дивными знаменами, как можно видеть из следующего.

Когда эти мастера украшали мусией алтарь Богом созданной этой церкви, тогда образ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы сам изобразился в алтаре, в то время, как все иконописцы находились внутри алтаря (тогда им помогал, учась у них, и преподобный Алипий), и все видели то дивное и страшное чудо. И, когда смотрели они на образ, внезапно

образ просиял ярче солнца, так что не могли они вынести и в ужасе пали ниц. Поднявшись немного, они хотели видеть то чудо, и вот, из уст того образа Пресвятой Богородицы вылетел белый голубь, взлетел высоко к образу Спасителя и там скрылся. Все находившиеся в церкви смотрели, не из церкви ли он вылетел, и, на виду у всех голубь опять вылетел из уст Спасителя и летал по всей церкви, подлетая к каждому образу святых и садясь - одному на руку, другому же - на голову. Потом, слетев вниз, он сел за наместной чудотворной иконой Пресвятой Богородицы. Стоявшие внизу хотели поймать голубя, и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрев всюду, они не отыскали, где скрылся голубь. И все стояли, взирая на икону, явившуюся в алтаре, и снова пред ними вылетел голубь из уст того образа Пресвятой Богородицы и полетел вверх, к образу Спасителя. Стоявшие же внизу закричали к расписывавшим верх храма: "Ловите его!" И те вытянули руки, чтоб поймать его, а голубь снова влетел в уста Спасителя. И вот, свет ярче солнца осиял их, и они, падши ниц, поклонились Господу, что сподобились видеть действие Пресвятого Духа, пребывающего в той святой церкви Печерской. Украшая среди таких чудотворений святую небесиподобную церковь, мастера иконного писания украшали и самих себя различными добродетелями и, богоугодно пожив в иноческом образе, окончили жизнь свою в том же святом Печерском монастыре, как и мастера каменного зодчества; и те и другие были положены в своем притворе в пещере преподобного Антония, где и донныне лежат нетленно.

Итак, исполнилось предсказание, которое слышали те блаженные иконописцы, когда они хотели идти в Царьград, и им явилась святая Печерская церковь и ее Пречестная икона, и сказала: "Не уйдете оттуда, но, постригшись там, окончите свою жизнь".

* * *

Замечательно и другое чудо, над той же святой, Богом созданной и Богом украшенной каменной Печерской церковью Успения Пресвятой Богородицы и над пречестной Ее чудотворной иконой, бывшее в те времена, о чем нам следует вспомнить.

Были двое славных мужей в городе Киеве, друзья между собой, Иоанн и Сергей. Придя в Богом нареченную Печерскую церковь, они увидели свет ярче солнца на чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, и пред ней заключили духовное братство. Через много лет Иоанн заболел к смерти. Оставляя сына своего Захарию пятилетним, он призвал игумена Печерского, блаженного Никона, и в его присутствии раздав имение свое нищим, сыновнюю часть - тысячу гривен серебра и сто гривен золота - дал Сергию, ему же поручил растить юного сына своего Захарию, как другу своему и брату верному, заповедав, когда сын вырастет, ему отдать серебро и золото. Распорядившись так, он вскоре умер.

Когда Захарию исполнилось 15 лет, он захотел взять у Сергия свое серебро и золото. Но Сергей, уязвленный дьяволом и рассчитывая приобрести богатство, решил погубить и жизнь и душу свою. Он отвечал юноше: "Твой отец все имение отдал Богу, у Него проси серебра и золота, Он даст тебе, если сжалится; я же неповинен ни твоему отцу, ни тебе ни в одной златнице. Это сделал отец твой своим безумием, роздал все имение свое на милостыню, тебя же оставил нищим и убогим".

Услышав это, юноша начал плакать о своей бедности. Он предложил Сергию: "Дай мне хоть половину наследия моего, а тебе да будет равная часть". Но Сергей жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария стал просить третью часть, даже десятую, и, увидав себя лишенным всего, сказал Сергию: "Если ты ничего не принимал, иди, клянись мне в церкви Печерской, пред чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, где заключил ты с моим отцом союз братолюбия". Сергей, не отказываясь, пошел в церковь и, став пред иконой Пресвятой Богородицы, сказал с клятвой: "Не брал я тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота". Он намеревался поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. Выходя из дверей,

он начал вопить: "Преподобные отцы Антоний и Феодосий, запретите этому немилостивому ангелу губить меня, молитесь Пресвятой Госпоже Богородице, чтоб отогнала Она от меня многих бесов, которым я предан, и пусть возьмут серебро и золото, скрытого в клети моей..." На всех напал страх.

И с тех пор не давали никому клясться пред иконой Пресвятой Богородицы. Послали в дом Сергия и взяли запечатанный сосуд, и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота. Так усугубил Бог, воздаятель милостивым. Захария же отдал все игумену - тогда был уже Иоанн, - чтоб тот израсходовал их, как хочет; сам же постригся и окончил жизнь свою в святом Печерском монастыре. На это серебро и золото была устроена церковь святого Иоанна Предтечи - там, где находится лестница на хоры святой великой церкви Печерской, в память боярина Иоанна и сына его Захарии, которым принадлежало серебро и золото.

Изложив все это о чудесах при иконном расписании, расскажем, как Вышний освятил селение Матери Своей.

В первый год игуменства, блаженного Иоанна, при митрополите также Иоанне, благодать Божия благоволила освятить при таких чудесах чудотворно созданную и чудотворно украшенную Печерскую церковь.

Когда готовились к чину освящения, - не было каменной доски для устройства святого престола; много хлопотали о том, чтоб сделать каменную доску, но не нашлось тогда ни одного мастера, и потому сделали деревянную доску. Преосвященный же митрополит Иоанн не хотел, чтоб на святом престоле в такой великой церкви была деревянная доска; игумен с братией были в сильной печали; так как прошло несколько дней, а освящения все не было. В тринадцатый день августа иноки вошли в церковь, петь по обычаю вечерню, и увидели положенную у алтарной перегородки каменную доску и столбы для устройства святого престола. Они немедленно известили о том митрополита. Он же похвалил Бога и приказал, чтоб вечерня служилась, как пред освящением. Долго искали повсюду, по воде и по суше, откуда и кем могла быть привезена такая доска, и как была внесена в запертую церковь, но не нашли никакого следа. Послали туда, где делались такие предметы, три гривны серебра за труды тому мастеру, но, при повсеместных поисках, не оказалось на земле человека, сработавшего эту вещь. Это Сам небесный Делатель и Промыслитель всего благого сделал ее и положил ее там, где должны были предлагаться Его пречистое Тело и честная Кровь, благоволя быть закалаем всякий день за весь мир на той трапезе, которую Сам даровал, - в доме Матери Своей. Но не конец еще чудесам.

На следующий по чудотворном обретении той доски день преосвященный митрополит Иоанн был в великой печали, что пришло время освящению церкви Печерской, а с ним не было на освящении ни одного епископа, потому что расстояние между ними было далекое. И вот, внезапно силой Божией предстали епископы Иоанн Черниговский, Исая Ростовский, Антоний Юрьевский, Лука Белгородский, не званые никем из людей, - и были как раз к чину освящения. Преосвященный митрополит Иоанн сильно удивился тому, потому что не посылал никого за епископами, и спросил их: "Отчего вы пришли, не будучи званы?" Они отвечали: "Посланный от тебя, владыко, юноша пришел к нам и сказал: "В четырнадцатый день августа будет освящаться Печерская церковь. Будьте тогда готовы к литургии". Мы, услышав это приглашение, теперь пришли сюда. Антоний, епископ Юрьевский, отвечал: "Я был болен. В эту ночь вошел ко мне черноризец и сказал: "Завтра будет освящаться Печерская церковь. Будь там!" Как только услышал я это, сделался здоров, - и вот я здесь, по повелению вашему". Митрополит хотел найти людей, которые звали их, и тогда внезапно раздался глас: "...делают расследование за расследованием..." (Пс. 63, 7). Он поднял руки к небу и сказал: "О

Пресвятая Госпожа Богородица, как к Своему преставлению Ты собрала апостолов из концов вселенной для честного погребения Твоего, так и ныне для освящения церкви Своей собрала Ты их наместников и наших сослужебников. Благослови нас на дело это и помоги нам ради славы Сына Твоего и Твоей". Тогда все были в ужасе от столь великих чудес, которые тем еще не кончаются. Трижды обошли церковь и, придя к дверям, начали петь: "Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь..." (Пс. 23, 7), и некому было в ответ пропеть церкви: "Кто есть сей Царь славы?" - потому что в ней не оставили никого. И было общее молчание, вдруг изнутри церкви послышался голос, как ангельский, говорящий: "Кто есть сей Царь славы?" Стали искать тех певцов, откуда и как вошли они в церковь, югда все двери были затворены; но никого в церкви не нашлось. И поняли все, что все устраивается Божиим Промыслом о той святой церкви, так что все говорили о ней с апостолом: "О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?"

(Рим. 11, 33-34). Итак, совершилось освящение святой Печерской церкви в год от создания мира 6597, а от Рождества Христова 1089, в 14-й день августа, при благоверном князе киевском Всеволоде Ярославиче, при помощи во всем Господа Бога и чудесах Его, молитвами Пречистой Его Матери и преподобных отец наших Антония и Феодосия Печерских.

Что же, братие, удивительнее этого сказать? Прочтя книги Ветхого и Нового Завета, нигде не найдешь таких чудес, бывших над святыми церквами, как над этой. Еще прежде начала своего она была предзнаменована и в земле Варяжской Самим Господом, Который прислал ей венец и пояс от честного Своего образа и показал подобие ее, и в земле Греческой Пресвятой Богородицей, Которая прислала ей икону Свою и мощи святых мучеников и тоже показала подобие ее. В начале и во всем сооружении ее, которое состояло из трех частей - построения, украшения и освящения - всюду явилось действие Святой Троицы, и здесь ясно видна скиния, которую сооружал Господь, а не человек. Так, в начале создания этой церкви Сам Бог Отец, Который называется Ветхий деньми, знаменовал место сушью, потому что, сухость - след ветхости или старости; Сын, Который сошел как роса на руно, низвел росу; Дух Святой, Который сошел огненными языками, ниспослал огонь с неба. Также и во время украшения - Отец, Который по образу Своему создал человека, изобразил в алтаре мусией образ Пресвятой Богородицы без руки иконописцев; Сын, Который есть Солнце Правды, наполнил тогда церковь сиянием; Дух Святой, Который явился в образе голубя, показал видение голубя, вылетевшего из уст образа. Наконец, во время освящения, Отец, Который некогда на скрижалях каменных передал закон, даровал камень на Святой Престол; Сын, Который есть Архиерей превысший небес, собрал архиереев вышеестественным образом; Дух Святой, Который есть язык, изглаголавший вещание во всю землю, произнес ответ из середины церкви, когда там никого не было. Если же среди столь великих знамений Бог, в Троице покланяемый, возлюбил соорудить Себе здесь пречестную церковь эту во имя любимой Им Царицы Небесной, ясно, что Бог и пребывает в ней с любовью, а с Ним и Царица, предстоящая одесную Его, заступница и прибежище всех христиан, Пресвятая Богородица, как Сама Она обещала то во Влахерне, говоря мастерам: "Приду Сама видеть церковь, и хочу в ней вселиться". А святые Божии, честные мощи которых под всеми стенами лежат неподвижным основанием, пребывают тоже неотступно в этой церкви. Что же скажем о ней? Поистине дивная церковь эта свята, и не одолеют Ее врата адовы, потому что во всем она подобна небесам... Посему должно нам похвалить прежде отошедших благоверных князей и христоролюбивых бояр, честных иноков и всех православных, которые сподобились погребения в этой святой чудотворной церкви Печерской и вокруг нее. Блажен и преблажен

всякий из них, потому что сподобился он от Господа великой благодати и милости. Блажен и преблажен и тот, кто сподобился быть здесь вписан, чтоб творилась о нем молитва в этой святой небесам подобной церкви, потому что получит он оставление грехов, не лишится небесного воздаяния, но услышит глас Господень к Себе: "Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесех". Слышать это и всем нам, чадам всей православной церкви, за молитвы преподобных и богоносных отец наших Антония и Феодосия Печерских, да подаст благодатью Своей Глава Церкви, Христос, Ему же подобает честь и слава со безначальным Его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Стефана, бывшего игуменом Печерским, после преподобного Феодосия

"Тот, кто стяжал терпение, достигает всякой добродетели: радуется в скорбях, искусен в бедах, веселится в напасти", - говорит Боговдохновенный Ефрем Сирийский. Таким явился преподобный отец наш Стефан, который, хотя и возскорбел, пострадав через свою братию, - но Бог его много возвеселил. Ибо преподобный вспоминал слова пророка и царя Давида: "При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою" (Пс. 93, 19).

Поэтому он с радостью принимал все скорбное, как посылаемое Богом.

Он привык и прошел искус всякой добродетели, ибо с детства своего возрос под рукой достохвального в игуменах преподобного отца нашего Феодосия Печерского, и был его постоянным учеником, всегда наслаждаясь и питаясь Боговдохновенными его словами, от его медоточивых уст, как младенец от сосца, и сроднился с ним, как сын с отцом, подражанием во всех добродетелях. Потому любили его вся братия. Сперва он был избран ими "доместиком", или распорядителем церковного устава, и когда сам игумен преподобный Феодосий поучал братию в церкви духовными словами, достойно учил их и он. Потом, когда преподобный Феодосий должен был принять кончину временной этой жизни, все единогласно молили его: "Стефан достоин принять после тебя игуменство. Стефан да будет нам игуменом". Преклонился преподобный Феодосий к мольбам братии и, призвав любимого своего ученика, блаженного Стефана, вручил ему пред всеми оградку, полную Боговдохновенных словесных овец, и церковь, стоящую на чудесном основании, и молил его - довершить. Долго он поучал его хранить монастырский устав, любить братию от чистого сердца, держать очи сердца неусыпаемыми пред Богом, не забывать страннолюбия; и затем преставился он к вечным обителям, обещаясь всегда быть в помощь своей Печерской обители, врученной этому блаженному Стефану.

По преставлении преподобного Феодосия, приняв игуменство святой чудотворной лавры Печерской, блаженный Стефан много подвизался, заботясь о построении святой Богом знаменованной церкви, которую начал строить преподобный Феодосий, и обо всем устроении монастырском. И благодатью Божией и молитвой преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, он за несколько лет и церковь довершил, и воздвиг новый монастырь, куда переселилась братия из старого монастыря. А в старом монастыре оставались немногие - те, которые обыкновенно погребали там умершую братию. И установил преподобный отец наш Стефан, чтоб в монастыре его совершалась Божественная литургия за умершую братию и блаженных ктиторов. А Бог неоскудно подавал ему все нужное, и так процветало то место благодатью Божией.

Враг же, ненавидящий добро и всегда борющийся с рабами Божиими, позавидовал столь великому попечению блаженного о святой обители и, вооружась против него злыми своими кознями, произвел такое смущение в некоторых из братии, что они не только низложили его из игуменства, хотя прежде сами единогласно избрали его, но и неповинно изгнали из монастыря.

Все это преподобный Стефан, сын незлобия, доблестно претерпел от своей братии и не удалялся любовью своей от тех, от которых удален был телом, но прилежно молился о них Богу, подражая в этом святому первомученику Стефану, имя которого носил, и говоря: "Господи, не вмени им греха сего!" (Деян. 7:60). Ибо любовь, бывшая в преподобном

Феодосии, привлекла его к себе, как железо магнитный камень.

Когда же многие бояре и вельможи узнали о такой беде преп. Стефана, они, будучи его духовными детьми, порученными ему преподобным Феодосием, сильно жалели его, что так пострадал духовный отец их и, побуждаемые милосердием, оказывали ему из имения своего достаточную помощь.

И в это время преподобный Стефан, вспоминая те преславные чудеса, которым был он свидетель, - как пришли мастера из Константинополя к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию Печерским, принесли икону Пресвятой Богородицы и поведали видение Царицы, бывшее во Влахерне, - с помощью Божией и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия создал себе монастырь недалеко от Печерского, на Клове, и соорудил в нем каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы, в память положения честной ризы ее, - праздника, установленного в Константинополе, именно во Влахерне. И всякий год торжественно праздновался тот праздник, во второй день месяца июля. Собрав в Клове много братии, преподобный Стефан жил богоугодно. Какой устав церковный и весь чин устройства монастырского принял он от преподобного Феодосия в монастыре Печерском - тот же самый повелел соблюдать и в своем монастыре. Явив на пользу правоверным много подвигов, он шел из силы в силу, так что и в далеких странах знали и славил его за добродетельную жизнь. И потому, когда преставился епископ славного города Владимира (этот город своего имени построил сам великий тот самодержец Владимир), преподобный был избран на архиерейский престол того города и рукоположен преосвященным митрополитом Киевским Иоанном. И с благостью пас он врученных ему Богом овец, подавая пример стаду - словом, житием, любовью, духом, верой, чистотой (1 Пет. 5:3; Тит. 2:2). Когда же, благоволением Божиим и по решению блаженного Иоанна, игумена Печерского и всей братии, мощи преподобного отца нашего Феодосия должны были быть перенесены из пещеры в Богозданную церковь, в то же время досточудный этот епископ Стефан, прибыв из Владимира, находился в своем монастыре. И, видев ночью через поле громадную зарницу, сияющую над пещерой, и думая, что уже переносят честные мощи преподобного Феодосия (он знал об этом намерении), сильно опечалился, что переносят их без него и сейчас же сел на коня и погнал к пещере, взяв с собой Климента, которого он поставил вместо себя игуменом на Клове.

Во время пути он видел издалека блеснувшую ему над пещерой зарницу; приблизившись, увидал там много свечей, но когда подошел к пещере, рке не видел ничего такого. И понял он, что воистину сподобился видеть свет Божественной славы от честных мощей преподобного Феодосия, потому что уже прокопали землю над честными его мощами и вынесли их к дверям пещеры. На другой день после этого видения, вместе с прочими епископами, послужил перенесению честных мощей отца и своего учителя преподобного Феодосия и блаженный Стефан. Возвратившись к себе на Владимирский престол, он явил многие добродетели к пользе словесного своего стада, и ради них удостоился неувядаемого венца славы, который от молодых лет своих он знаменовал именем и искал делами. Итак, после многих лет жизни, он отошел, чтоб принять тот венец, ко Христу, Начальнику пастырей, в год от сотворения мира 6602, от Рождества же Христова 1094, месяца апреля в 27-й день. Молитвами сего преподобного венценосца Стефана и нас, Христе Боже, сподоби венца славы, во славу Тебе самому, со безначальным Твоим Отцом и единосущным Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Печерского

Когда Господь благоволил сделать многоплодной насажденную в Руси ветвь жития иноческого, Он привел к искусному и трудолюбивому насадителю, копающему землю, этого доброго сотрудника прежде других; то есть, к святому первоначальнику Антонию, начавшему подвизаться в пещере, - преподобного Никона. Успешно проходя степени иноческих добродетелей, он так подражал во всем наставнику и учителю своему, что преподобный Антоний нашел его достойным быть поставленным вождем, вводящим прочих делателей в мысленный виноградник постнического подвижничества.

Когда кто приходил, желая подражать их равноангельскому житию, сам преподобный Антоний поучал их добродетелям, преподобному же Никону как иерею и опытному черноризцу повелевал постригать. И можно было видеть тогда Моисея и Аарона в мысленном винограднике, приносящем плоды покаяния, достойные перенесения из Египта - здешнего мира - в небесную обетованную землю. Ибо так Антоний принес закон со святой Афонской горы, как Моисей с Синайской, а преподобный Никон действовал от имени его, как Аарон, почтенный саном священства. Действовал же он со всякой покорностью, получая от дел своих не только радостное, но терпя мужественно и скорби, благодаря за все Бога.

Он сподобился великой духовной радости, когда постриг преподобного отца нашего Феодосия, который вскоре явился великим наставником иноческого жития на Руси. Возрадовался духом и тогда, когда постриг родовитого боярина, блаженного Варлаама; также и заведовавшего всем у князя, им очень любимого, блаженного Ефрема. Но за них обоих претерпел он и немалую скорбь. Когда князь Изяслав узнал об их пострижении, он разгневался на преподобных и повелел привести к себе того из них, кто дерзнул постричь их. И слуги вскоре привели к нему блаженного Никона. С гневом посмотрев на святого, князь сказал ему: "Ты ли постриг боярина и Ефрема без позволения моего?" Преподобный Никон мужественно отвечал: "Благодатью Божиею я постриг их, по повелению небесного Царя Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг". Князь же, разгневавшись еще больше, сказал: "Или убеди их вернуться домой, или я тебя с монахами пошлю в заточение и велю раскопать вашу пещеру". Блаженный Никон отвечал: "Сделай все то, что угодно тебе, а мне не подобает отвлекать воинов от небесного Царя". После этого события святой Антоний и его иноки вышли из пещеры, собираясь идти в иную область, так как князь продолжал гневаться и укорять блаженного Никона. И один отрок поведал то князю; слышала это и княгиня. Она напомнила князю о гневе Божиим, бывшем в отечестве ее, земле ляхов, когда черноризцы были изгнаны отцом ее, Болеславом Храбрым, за пострижение преподобного Моисея Угурина, и сказала ему: "Послушай меня, господин мой, и не гневайся; ибо также были изгнаны из страны нашей вот такие же черноризцы, и из-за того произошло много зла. Смотри, чтоб не было того же и в твоей области". Слыша это, князь побоялся гнева Божия и отпустил блаженного Никона, велел ему идти в пещеру. А за покинувшими пещеру послал вслед, с мольбой, чтоб вернулись назад; едва упросили их через три дня, и тогда они вернулись в свою пещеру, - как о том было рассказано в житии преподобного Антония. После такой напасти преподобный отец наш Никон жил в пещере жестокой жизнью и показал много побед над злыми духами, молитвой и постом, единомысленно с преподобными отцами Антонием и Феодосием, так что были они тремя Троическими светилами, сияющими в том темном месте и разгоняющими тьму бесовскую.

Так как братия в пещере умножалась, блаженный Никон пожелал отойти в уединение и безмолвствовать. Тогда, по совету преподобного Антония, сговорясь с другим черноризцем (болгарином со Святой горы, из монастыря святого Мины), он ушел с ним; дойдя до моря, они расстались. Болгарин, направляясь к Константинополю, нашел остров посреди моря и поселился на нем, прожил там много лет, терпя стужу и голод, и с миром почил. И доньше называется тот остров Болгаров. Великий же Никон удалился на остров Тмутараканский, и, найдя чистое место у города, поселился там, безмолвствуя и неленостно служа Богу, прибавляя труды к трудам и удивляя народ строгой своей жизнью, так что слава его распространилась повсюду, и приходили к нему многие и дивились. Ибо они не были еще утверждены в вере, и о монашеской жизни даже не слыхали. Но, наставляемые Богом, они хотели последовать иноческому благонравию и молили преподобного Никона постричь их. Он же поучал их и постригал, и соорудил там церковь Пресвятой Богородицы; и так благодатью Божией и молитвами преподобного Никона возросло то место и образовался там славный монастырь, во всем подобный Печерскому.

Когда же умер Ростислав Владимирович, князь того острова, люди той страны умолили преподобного отца нашего Никона пойти к Святославу Ярославичу, князю Черниговскому, и просить его, чтоб он отпустил к ним сына своего Глеба на престол Тмутараканский. Благополучно и хорошо исполнив порученное ему дело в Чернигове, он пошел в Киев в Печерский монастырь к блаженному игумену Феодосию. Когда они встретились - поклонились друг другу до земли, потом обнялись и много плакали, что долго не видались; потом преподобный Феодосий молил, чтобы блаженный Никон не разлучался с ним, пока они оба живы, и обещался тот игумену, говоря: "Я только пойду устрою мой монастырь и потом, с изволения Божия, вернусь назад!" Так он и сделал. Дойдя до острова Тмутараканского с князем Глебом Святославичем, который и занял престол, он, как обещал, устроил свой монастырь и возвратился назад. Придя в Печерский монастырь, он отдал всего себя преподобному Феодосию и с радостью покорялся ему. Преподобный же Феодосий очень любил его и почитал его, как отца. Когда сам преподобный Феодосий уходил куда, то поручал братию блаженному Никону, чтобы поучать их и соблюдать, так как он был старейший из всех. И, как сам преподобный Феодосий поучал братию духовными словами, так же приказывал блаженному Никону, читая книги, делать братии поучение.

Часто, когда блаженный Никон сшивал и переплетал книги, - он был искусен в том ремесле, - сам преподобный Феодосий, сидя около него, делал веревки для этого дела. Такое было их смирение и обоюдная любовь.

Потом блаженный безмолвник этот, видя смуту между князьями Русскими, наступившую после того, как Изяслав был изгнан из Киева и брат его Святослав сел там, тяготился тем и не мог переносить молвы житейской, боясь нарушить духовное трезвение свое, и пожелал вернуться на вышеназванный остров. Преподобный же Феодосий много молил его, как и прежде, не разлучаться с ним, пока они живы; но блаженный Никон, испросив прощение (говоря, что молва больше всего вредит уму его, привыкшему к уединению), ушел с двумя черноризцами и прожил на острове несколько лет в обычных своих подвигах.

Когда же по преставлении преподобного Феодосия блаженный Стефан принял игуменство, опять пришел преподобный Никон, побуждаемый братолюбием, чтоб посетить преподобного Феодосия, и, пожалев, что не застал в живых любимого своего друга, решил прочее время жизни своей, до смерти, провести в его монастыре. И, часто приходя к его гробу и скорбя о разлучении с любимым своим братом, он плакал радостными слезами и благодарил Бога, что просиял в Руси равноангельской жизнью такой светильник, на которого он руками своими возложил святой ангельский иноческий образ. После блаженного игумена Стефана

братия, зная, что преподобный Никон старше всех, и что преподобный Феодосий принял пострижение от его рук, изволением Божиим, по общему решению, избрали его себе игуменом как единомысленного преподобным отцам Антонию и Феодосию. В нем одном видели они образ тех двух, и с любовью покорялись ему, и во всем слушали его, как отца и наставника. Часто покушался враг, ненавистник добра, как и блаженному игумену Стефану, помешать в попечении его о душах Богом врученного ему стада, и хотел возмутить его гневом на преподобного, но ничего не успел он, и, посрамленный, бежал. Не одолела его тьма света добрых дел блаженного.

Так угодил Богу этот блаженный игумен, который был стаду своему образцом чудных добродетелей, что во время трудов его чудотворно украсилась образами святая Богом созданная Печерская церковь. К земной молитве этого блаженного строителя присоединились друзья его, преподобные отцы Антоний и Феодосий, своими небесными молитвами, и прислали к нему иконописцев из Константинополя, дав им при найме золота. Блаженный игумен показал тем иконописцам образ любимых друзей своих, преподобных отцов Антония и Феодосия, преставившихся за десять лет до того, и иконописцы признали, что именно они явились, наняли и послали их к игумену. Вместе с тем поведали они и другие дивные чудеса: как, когда они хотели вернуться, им явилась святая Печерская церковь и икона Пресвятой Богородицы, от которой они слышали запрещение возвращаться, и как, направляя веслами ладью вниз по течению, они силой неслись вверх, против течения воды. Иконописцы, явившиеся после такого чудотворения, поспешно, при усердии блаженного игумена, приступили тогда к делу украшения святой церкви, и чудеса все не оскудевали. Сама икона Пресвятой Богородицы изобразилась в алтаре её, просияла ярче солнца, из уст ее вылетел голубь, как подробно описано в сказании о церкви Печерской. Все это было по небесным молитвам преподобных отцов Антония и Феодосия и - еще тогда по земным - блаженного игумена Никона.

Когда и сам приснопамятный игумен, преподобный отец наш Никон, различными подвигами равноангельского жития своего украсил уже всю Печерскую обитель, он, по долговременных трудах, почил в Господе, в год от создания мира 6596, от Рождества же Христова 1088, при великом князе Киевском Всеволоде Ярославиче. И было положено тело его в той же святой Печерской обители, в пещере, где чудотворным нетлением мощей своих он свидетельствует о блаженстве своем, которым и по смерти чудотворно украшает свою святую обитель. А духом переселился он к обителям небесным, чтоб наслаждаться пречудным зрелищем Бога, уже не в образах, но лицом к лицу, с единомысленными своими друзьями, преподобными отцами Антонием и Феодосием, где они, как три светильника, предстоят престолу трисиятельного Божества, просвещаемые вечной славой, и молятся о нас, чадах своих, как отцы, да сподобимся мы быть наследниками их благодати и славы, будучи угодны Господу, Ему же слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Варлаама игумена

Когда преподобные отцы наши Антоний, Феодосий и Никон в темной пещере, как три светильника, сияли добрыми делами, достойным пред стоянием пред престолом Святой Троицы, приходил к ним часто, наслаждаясь медоточных слов, исходящих из уст их, этот блаженный Варлаам. Происходя от благородных и Христолюбивых родителей, он был сын Иоанна, первого боярина князя Изяслава, и жены его Марии, внук славного и храброго Вышаты, правнук Остромира - воеводы. Он сиял в юности своей и телесной крепостью и душевной чистотой. Сильно возлюбил он тех преподобных отцов, так что захотел жить с ними и бросить все в жизни этой, не вменяя ни во что славу и богатство. Его устрасило слышанное им среди прочих слов слово Господне: "Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие Божие" (Мф. 19:24). И вот, он пришел однажды к преподобному Антонию и открыл ему свою мысль, говоря: "Хотел бы я, отче, если Богу угодно, быть иноком и жить с вами". Отвечал ему старец: "Хорошо желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но смотри, чтоб богатство и слава мира этого не возвратили тебя назад. Ибо (по слову Господню) "никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия" (Лк. 9:62). И о многом другом беседовал старец на пользу блаженного, и сердце Варлаама распалось еще более любовью к Богу, и так ушел он домой. На другой день после беседы со старцем он оставил не только родителей, но и обрученную уже с ним жену; одетый в светлую и богатую одежду, сел на коня и, окруженный шедшими вокруг него многочисленными слугами, ведшими коней, нагруженных добром, в великой славе подъехал к пещере. Когда преподобные вышли и поклонились ему, как кланяются вельможам, он также поклонился им до земли. И тогда, сняв с себя боярскую одежду, положил ее пред ногами преподобного Антония и также поставил пред ним нагруженных коней, говоря: "Это, отче, все сокровища, прелесть мира этого, делай с ними, что хочешь, а я "от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа..." (Флп. 3:8), и хочу жить с вами в этой пещере, и уже не возвращусь в мой дом. Преподобный же Антоний сказал ему: "Подумай, чадо, Кому обещаешься ты и Чьим хочешь быть воином. Ибо невидимо предстоят ангелы Божии, принимая обещания твои. Смотри, как бы отец твой, придя сюда с великой силой, не увел бы тебя против воли, и мы не будем в состоянии тебе помочь; ты же явишься пред Богом лжецом, отметником Его". Отвечал ему блаженный: "Верую Богу моему, отче, что, если мой отец захочет и мучить меня, я не вернусь к мирской жизни, и только прошу тебя скорее постричь меня".

Тогда преподобный Антоний приказал блаженному Никону постричь его и облечь в монашескую одежду; и тот, сотворив обычные молитвы, постриг блаженного Варлаама и облек его в монашеские одежды.

Когда боярин Иоанн узнал, что его любимый сын постригся в иночество, в пещере, он разгневался на преподобных и, взяв много слуг, напал в пещере на то святое стадо и всех разогнал. И он выволок оттуда сына своего Варлаама, сорвал с него святую мантию и бросил. Также снял и бросил шлем спасения, бывший на голове его. Он одел его в светлую и дорогую одежду, как одеваются вельможи; но блаженный скинул ее па землю, не желая и видеть ее, и сделал это много раз. Тогда отец приказал связать ему руки и одеть его в ту одежду, и так идти ему через город в дом. А он, горя истинной любовью к Богу, по пути увидев навозную кучу, сейчас же вошел в нее, с помощью Божией сбросил с себя одежду и своими ногами попирает ее в навозе, попирая с ней и злые помыслы лукавого врага. Когда они вошли в дом, отец велел ему сесть рядом с ним за стол, а он, хотя и сел поневоле, но не ел ничего и сидел,

поникнув головой. После окончания еды отец отпустил его в его покои, приставив слуг сторожить его, чтоб он не ушел, а жене его велел убрать себя всякими украшениями, чтобы прельстить блаженного, и служить пред ним. Истинный же угодник Христов Варлаам, войдя в одну из комнат, сел в углу. А жена его, как было ей приказано, расхаживала пред ним и просила его сесть на ложе своем. Он, видя неистовство жены и поняв, что отец поручил ей прельстить его, начал молиться не переставая, втайне сердца своего, всемилостивому Богу, чтоб Он спас его от этого искушения. Он пробыл на том месте три дня, не вставая с него, не принимая отца, не надевая одежду и терпя на себе власяницу. Преподобный же Антоний и бывшие с ним в пещере сильно печалились о нем и молились за него Богу.

Бог услышал молитву их ("Взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их") (Пс. 33:18), и, видя терпение и смирение блаженного, обратил жестокое сердце отца его на милость к сыну своему. Когда слуги доложили отцу, что уже четвертый день блаженный не вкушает пищи и не одевается в одежду, сжалился над ним отец, и, боясь, чтоб не умер он от голода и холода, призвал его и, нежно простившись с ним, отпустил в пещеру. И было тогда удивительное явление - слышался великий плач, рыдание и вопль как по мертвом. Отец и мать плакали горько по сыне, так как лишились его, жена неутешно рыдала по муже, что разлучилась с ним; рабы и рабыни с воплем стонали по господине, что он покинул их, и так все со слезами провожали его. Блаженный же Варлаам, как птица, избавившись из сети ловцов, вскоре дошел до пещеры. Увидев его, преподобные отцы возрадовались великой радостью и прославили Бога, что Он услышал их молитвы о нем.

Когда число братии в пещере умножилось до двенадцати, преподобный Антоний, зная великую душу Варлаама и превосходные его добродетели, благодарил Бога, что в цветущей юности являлись старческие плоды и столь великая благодать, что он мог быть вождем и другим. Потом, по решению всей пещерной братии, он поставил его им вместо себя игуменом, а сам, так как привык жить один, не вынося суеты и молвы, переселился на другой холм, который под новым монастырем и, выкопав там пещеру, поселился в ней, упражняясь в безмолвии и беседуя всегда с единым Богом. Там и теперь лежит его честное тело. Преподобный же отец наш Варлаам, приняв начальствование, стал подвизаться еще в больших трудах. Так как братии собралось уже до двадцати, и они не могли вмещаться во время соборного славословия в пещере, то он, приняв благословение от преподобного Антония, построил над пещерой маленькую деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, чтоб братия, безмолвствующая в пещере, собиралась в ней на Божественное пение. И с тех пор было открыто их место, а прежнее житие их в пещере было никому не ведомо.

Через несколько лет великий князь Изяслав Ярославич, названный в святом крещении Димитрием, создал во имя ангела своего, святого великомученика Димитрия, каменную церковь и при ней устроил монастырь. А преподобного отца нашего Варлаама, как человека близкого и искусного в добродетелях иноческих, взял из пещеры и поставил игуменом в своем монастыре, где преподобный хорошо и богоугодно пас стадо Христово, не оставляя своего прежде начатого правила, к которому привык в пещере. В особенности поучал он и молил всех подвизаться и заботиться о спасении души со всяким прилежанием, и иметь всегда совесть непорочную пред Богом и ближними. И Бог, видя старание и попечение преподобного о братии, обогащал их всеми добродетелями.

Ко многим подвигам своим, преподобный отец наш Варлаам предпринял и то, что пожелал посетить святой город Иерусалим. И, выбрав удобное время, поехал туда и, посетив святые места, возвратился в свой монастырь.

Через некоторое время отправился он в Константинополь и, обойдя там все монастыри и

купив все для нужд монастырских, возвращался назад. По пути, находясь уже на родине, впал он в тяжкий недуг, и, достигнув города Владимира, вошел в монастырь, находящийся около того города и называемый Святая Гора, и там с миром почил в Господе и принял кончину жизни, заповедав пред концом спутникам своим отвезти тело его в Печерский монастырь и там положить, а иконы и все, что купил он для монастыря, передать в руки преподобному Феодосию. Так они и сделали по заповеди преподобного. Честные мощи его лежат донныне нетленными в пещере.

Его молитвами да сподобимся и мы на путях жизни этой, творя все по заповеди Господней, быть наследниками нашего небесного отечества, во Христе Иисусе Господе нашем. Ему же слава со Отцом и Святым Духом во веки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Ефрема

По примеру блаженного Варлаама, сына боярского, блаженный Ефрем - известный и родовитый человек, весьма отличающийся князем Изяславом и заведовавший у него всем, пришел из княжьего дворца в пещеру к преподобному Антонию, прося его принять - вместо службы князю - к слугам небесного рая и возложить на него святой ангельский образ иноческого чина. Преподобный же Антоний, поучив его о спасении души, поручил блаженному Никону постричь его; тот, исполняя приказание, постриг блаженного Ефрема и облек его в иноческую одежду. Какую же скорбь навел на преподобного ненавистник добра дьявол за пострижение этого блаженного Ефрема, как и за блаженного Варлаама, - было сказано в житии преподобного Антония и Никона. Князь тьмы, видя себя побеждаемым тем святым стадом, которое собиралось в темной пещере, и поняв, что тем будет прославлено святое то место, плакался о своей гибели и начал злыми своими кознями раздражать сердце князя Изяслава против преподобных, чтоб искоренить то святое место. Но не смог он этого, был сам прогнан молитвами преподобных и упал в яму, которую копал. И постригший этого блаженного, преподобный Никон, который был приведен к князю и им укоряем, и сам первоначальник, преподобный Антоний, изгнанные с братией гневом княжьим из пещеры, в скором времени, по ходатайству княгини пред князем Изяславом, - больше же скажу, молением небесной Царицы Пресвятой Богородицы к Царю славы, Христу Богу, - возвратились в пещеру свою, как храбрые воины с битвы, победив супостата своего, дьявола, и пребывали в ней, хваля и благословляя Бога. Преподобный отец наш Ефрем, видя, что за его пострижение такое смущение враг навел на святое стадо, вооружился на него Богоугодной жизнью в пещере, молитвами, постом и всенощным бдением.

Повинуясь во всем наставлениям отца и руководителя своего, преподобного Антония, он с великим рвением подражал всем его добродетелям. И как преподобный Антоний странствовал и ходил из Руси к Святой Горе, так и преподобный отец наш Ефрем горел духом видеть святыя места, чтоб там, быв свидетелем равноангельской жизни святых отцов, понудить себя с любовью на добродетельные их труды. И он молил преподобного Антония дать ему благословение идти в Греческую страну. И тот, не желая лишать его мзды подвига странничества, отпустил его с благословением и молитвой, как некогда Ной - голубя из ковчега, чтоб тот принес ветку маслины. Тогда преподобный отец наш Ефрем, приняв, как два крыла, молитву и благословение старца, отправился в путь и, достигнув Константинополя, посещал и приглядывался повсюду к житию небесных людей, земных ангелов, и насыщался богатой духовной пищей, душеполезными словами и наставлениями тех святых отцов, так что он и задержался там некоторое время. Когда же любовь к отечеству призвала его опять назад, тогда, чтоб не возвратиться к мысленному своему ковчегу без масличной ветви, он списал устав святого Студийского монастыря, и принес в Печерский монастырь, за которым посылал к нему от имени преподобного Антония блаженный игумен Феодосий.

По возвращении от святых мест он прожил в Печерском монастыре немного, но был образом многих добродетелей, к душевной пользе братии, так что все за него благодарили Бога.

В то время преставился блаженный епископ Переяславский Петр; по благословению Божию и общему решению, и по желанию великого князя Всеволода Ярославича, преподобный отец наш Ефрем был поставлен преосвященным митрополитом Киевским Иоанном в епископа Переяславского.

Приняв этот великий сан святительства, он стал прилагать особую заботу о деле церковного строительства в епископии своей, считая долгом лучшим и самым дорогим для себя - умножать хваление пресвятому имени Божию. Бог помогал ему в том деле. За несколько лет воздвиг он великую прекрасную церковь святого архистратига Михаила, которую сделал престольной Переяславской епископии. Также выстроил церкви: святого Феодора на вратах и святого апостола Андрея первозванного при вратах, из каменных стен.

И различными зданиями церковными он украсил город Переяславль, все каменными, чего прежде там не было. Но все это впоследствии исчезло, когда попущением Божиим, в наказание за грехи наши, Русская земля была предана злочестивому царю Батыю. Тогда пал жребий и на славный город Переяславль.

Этот преподобный, во время епископства своего, присутствовал при перенесении честных мощей преподобного отца нашего Феодосия Печерского.

Пожив праведно и Богоугодно, принял он конец временной жизни. Честное тело его положили с честью в созданной им церкви, в которой установил он быть кафедре Переяславской епископии; душою же возшел он к нерукотворенному престолу Владыки. Да будем там и мы, собранные как овцы гласом пастырских молитв преподобного отца нашего Ефрема, чтоб с ним вместе прославить Начальника пастырей Иисуса, и с Ним и в Нем Бога Отца и Святого Духа в бесконечные веки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Исаяи чудотворца

Блаженный Исаяя был рожден и воспитан в Русской земле, в Киевской области, благородными и христоролюбивыми родителями. С юных лет возлюбив Христа и оставив сладость мира, он пришел в Печерский монастырь к преподобному Феодосию, желая быть черноризцем. Преподобный Феодосий, прозревая духом, что он будет трудолюбивым работником в подвижнической жизни, возложил на него иноческий образ. Он же, стремясь к добродетелям и прилагая труды к трудам, возлагал на себя такие страдания, что все дивились жестокому его житию, и горели любовью к нему. Ибо он был кроток, смирен, послушен, нестяжателен, братолюбив. Будучи во плоти, являл ангельское житие, великим воздержанием и терпением умерщвляя в себе все страсти и похоти плотские. Украшенный и как бы стоя на четвероконной колеснице добродетелей мудрости, правды, мужества и целомудрия, он шел к горнему Иерусалиму, показывая себя небесным гражданином. И всюду разнесся слух о его добродетели, ибо "не может укрыться город, стоящий на верху горы" (Мф. 5:14). Поэтому благоверный князь Изяслав Ярославич, слышав о Богоугодной жизни его, молил преподобного Феодосия, чтоб он благословил преподобного Исаяю принять игуменство в монастыре святого великомученика Димитрия, ибо преподобный Варлаам, бывший там игуменом, принял кончину временного жития. Преподобный же Феодосий, приклонясь к просьбе благоверного князя, благословил преподобного Исаяю и послал его на игуменство в тот монастырь. Блаженный, не желая ослушаться преподобного, воле которого подчинил все свои желания, принял начальнический сан и стал опытным наставником братии, и Добрым пастырем, мудро пасшим врученное ему стадо. Если изменился его сан, то не изменил он внимания своего и делания, но, всегда имея ум, направленный к Богу, прилежал обычному смирению и телесным трудам. Чтоб быть полезным братии, он приходил первым на послушания и, что приказывал другим, то сперва исполнял сам, подавая собой пример всем, чтоб ввести всех на гору добродетелей. А обучаемые обыкновенно следуют не столько словам, сколько делам учителя. Благоверный князь Изяслав, видя, что приобрел для монастыря своего такого святого мужа, радовался и благодарил за него преподобного Феодосия.

Всесильный же Бог, строящий все по мановению Своему, чтоб еще больше прославить угодника Своего (как и тот прославил Зиждителя своего добрыми делами), почтил его саном святительства. Когда отошел к Богу блаженный Леонтий чудотворец, епископ Ростовский, преподобный игумен Исаяя судом Божиим и общим избранием поставлен был во епископа Ростовского. Приняв такой великий сан, он перешел на свой престол в Богохранимый город Ростов, и видя там своих свирепеющих овец, то есть новокрещенных людей, не утвержденных еще твердо в вере, содрогался сердцем, помышляя, что должен дать за них ответ в день суда Начальнику пастырей Иисусу. И так, с опасением приступил он к пастырским трудам, уча и моля Христоименитое стадо быть "утвержденным в вере и подражать жизнью Христу". "Все вы, - говорит он, - во Христа крестившиеся, во Христа облеклись (Гал. 3:27), потому должны вы во всем следовать Христу и учению Его, чтоб имя Христово похваляемо, а не хулимо было среди христиан".

Обходил он и другие города и селения в Ростовской и Суздальской областях, распаляемый рвением к благочестию. И где находил идолов и капище, разорял их и предавал огню, а людей учил и наставлял веровать православно во Святую и Единую Троицу. Принимающих веру он крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа, а не желающих веровать удивлял многими знаменами, чтоб и их приклонить к вере. Итак, благодатью Божией, вскоре

привлек всех ко Христу. Был он милостив к убогим, сирым и вдовам, был голодным питатель, печальным утешитель, бедным помощник и заступник, по Иову - глазами слепым и ногами хромым (Иов 29:15), так что все радовались им и повсюду прославляли Бога, даровавшего такого отца, учителя и наставника той стране.

В годы благочестивой державы благоверного князя Киевского Всеволода Ярославича, когда Бог благоволил устроить освящение небесиподобной Печерской Церкви, и преосвященный Иоанн, митрополит Киевский, был удручен великой печалью, что пришло время освящения, а он не успел собрать для сослужения Боголюбивых епископов из-за далекого расстояния до их кафедр - тогда Богом посланные юноши, святые ангелы, возвестили время освящения епископам и собрали их на это освящение, как апостолов, собранных на погребение Пресвятой Богородицы. Подобно прочим, и преподобному епископу Исайи, находившемуся в престольном городе своем Ростове, предстали в виде юношей Божественные ангелы и, возвестя ему ту же вещь, подняли его; и несомый ими, как на облаках, преподобный очутился вместе с прочими архиереями в чине освящения.

Эту дивную вещь открыто сам от себя с благодарением поведал преподобный отец наш Исая и преосвященному митрополиту в Богоспасаемом городе Киеве, и когда по освящении небесиподобной Печерской церкви возвратился на свою кафедру и весь церковный клир и Христоименитые люди вышли с радостью к нему навстречу из Ростова.

После того он пробыл на престоле своем один год и, благостно пасши свое стадо, обратив к Богу много неверных, воздвигши много церквей и сотворив много чудес, в добром исповедании окончил временную жизнь, в год от создания мира 6598, от Рождества же Христова 1090, месяца мая 15-го дня.

И так он, восхищенный раньше на время святыми ангелами к небесиподобной церкви - перенесен был теперь ими душой в самые небеса на вечность. Туда и мы да будем перенесены молитвами преподобного отца нашего Исая, ходатайством Пречистой Богоматери, благодатью Самого Творца Небесного, Единого в Троице Бога, Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Дамиана пресвитера и целebника Печерского

Страдая различными болезнями - и душевными, и телесными, будем призывать на помощь пресвитеров для помазания елеем, по слову Писания (Иак. 5:14), а также блаженного Дамиана, угодившего Богу целebника и пресвитера, подвизавшегося в святом Печерском монастыре во время игуменства преподобного Феодосия.

Этот достойный удивления инок со всяким рвением, всякими добродетелями подражал житию преподобного отца и наставника своего Феодосия. Многие свидетельствуют о добром его житии, смирении и послушании. Он стяжал покорность ко всем; в особенности же жившие с ним в келии видели кротость его, воздержание от сна во всю ночь, прилежное чтение святых книг, частое вставание на молитву. И еще много рассказывали о нем - он был такой воздержный постник, что кроме хлеба и воды ничего не ел до дня смерти своей.

Потому он и сподобился дара чудотворения от Господа, в особенности же дара, данного древнему Дамиану, которого носил он имя,- то есть дарования исцелений. Если кто приносил дитя, одержимое каким-либо недугом, или взрослый человек, страдавший какой-нибудь болезнью, приходил или бывал привозим в монастырь к преподобному Феодосию, он повелевал преподобному Дамиану творить молитву над больным,- и тот, с покорностью и смирением, считая себя недостойным дара чудотворения, творил молитву над больным, помазывал его святым елеем, и благодатью Божией все получали исцеление и уходили здоровыми.

Когда же блаженный Дамиан, пожив довольно лет Богоугодно в иноческих трудах и показав к пользе душевной светлые дела, уже был достоин жизни вечной, тогда, достигнув конца этой временной жизни, впал в болезнь и, близкий к смерти, молился Богу о слезами: "Господь мой Иисус Христос, сподоби меня быть сообщником славы святых Твоих, и с ними быть причастным Царствия Твоего, не отлучи меня, - молюсь Тебе, Владыко, от отца и наставника моего, преподобного Феодосия, - но с ним вместе причти меня к избранным, в том сиянии, которое уготовал Ты праведным..." Когда он молился так, внезапно предстал у одра его ангел в образе преподобного Феодосия и, наклонившись к груди его и дав ему целование, сказал ему: "Господь послал меня известить тебе, что то, о чем молишься ты Господу, будет тебе по твоему прошению; ты будешь причтен с его святыми и водворишься с ними в царствии небесного Владыки. Когда же Господь Бог повелит тебе преставиться от этой жизни и прийти к Себе, тогда мы не разлучимся друг от друга, но будем вместе в том свете". Сказав это, он стал невидим для преподобного. Преподобный Дамиан понял, что это было явление ему от Бога, так как он не заметил, чтобы говоривший с ним вошел через двери или вышел через двери, но он стал невидим на том месте, где явился. Поэтому немедленно он позвал келейника и послал его к преподобному Феодосию, прося его прийти к нему. Когда же святой пришел, блаженный Дамиан сказал ему с веселым лицом: "Отче, будет ли так, как ты обещал сегодня, явившись мне?" Преподобный, так как не знал об этом, ответил: "Не знаю, чадо, что я обещал тебе". Тогда открыл ему блаженный Дамиан, как он молился, и как явился к нему некто с обещанием, в образе преподобного. Услышав это, Боговдохновенный Феодосий восхвалил Бога и, прослезясь, сказал блаженному: "Да, чадо, будет так, как он тебе обещал, ибо ангел Божий явился тебе в образе моем, а я, грешный, как могу обещать такую славу, которая уготована праведным!" Блаженный Дамиан, получив такое извещение, был в радости и в благой надежде.

Собралась вся братия; он простился со всеми и в добром исповедании с миром предал душу свою в руки Господа, ангелам, пришедшим за ним, и просветлел лицом, показывая, как радостно разлучение души с телом.

Тогда преподобный Феодосий приказал ударить в било чтоб собралась и прочая братия, и с пением и великой честью погребли честное тело угодника Христова в пещере, в честь славимого в Троице Бога, который молитвами целителя Дамиана да сподобит нас быть общниками Царствия Своего, где нет болезни в бесконечные веки. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Иеремии прозорливаго

Пророком Иеремией почтена и наша земля; говорим не о древнем, но по правде сказать - не можем назвать его и юным. Ибо этот блаженный Иеремия Печерский достиг такой старости, что помнил крещение Русской земли, бывшее во дни благоверного великого князя Владимира; и сам блаженный был просвещен тогда купелью святого крещения. Спустя много лет, пришел он в святой Печерский монастырь, к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию, и принял великий ангельский схимнический образ, в котором подвизался Богоугодно, ревнуя житию святых отцов.

За великую добродетель его дан был ему от Бога дар пророчествовать будущее и провидеть помышления людей. Если в ком он видел злую мысль, обличал его наедине и наставлял беречься наваждений дьявольских. Особенно же, если какой брат думал покинуть монастырь, он, прозревая то, приходил к этому брату, обличал мысль его и утешал, увещавая долготерпеть и крепко стоять в подвиге борьбы против ненавистника добра, врага нашего, и быть непоколебимым. И настолько укреплял брата, что тот уже больше никогда и не думал об этом.

Если кому блаженный говорил, что какое-нибудь решение хорошо или дурно,- слово старца всегда сбывалось. Итак, прожив много лет и принесши прозрением своим пользу многим, он преставился в глубокой старости и, оставив покров души своей - тело - в пещере, отошел ко древним пророкам на созерцание лицом к лицу открытых тайн Самого Ветхого деньми Бога Отца. Ему же слава с Единородным Его Сыном и Единосущным Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Матфея прозорливаго

Этот блаженный отец наш Матфей Печерский не именем только поревновал первому из евангелистов; но, как тому было дано видеть Эфиопскую страну и обличать ее в неверии, так и этот блаженный, иночествуя в Печерском святом монастыре, в дни святых первоначальников той святой обители, за великие свои подвиги получил от Бога дарование - видеть ясно лица подземных эфиопов, бесов, обличать их затаенные козни и открывать на великую пользу спасающимся. Этот блаженный старец, стоя однажды в церкви на своем месте и охватив взором всю братию, которая стояла по всем сторонам и пела, увидел беса, который обходил их в образе воина; он на воскрилии риз своих носил липкие цветы, и, кладя на цветок что-то злое, бросал его на кого-нибудь. И, если цветок приставал к кому-нибудь из поющей братии, в том после малого стояния расслабевало внимание и, найдя себе какой-нибудь предлог, он выходил из церкви и шел в келию, где спал, не возвращаясь больше в церковь на пение. Если же бросал на кого, но цветок не приставал, тот стоял крепко на пении, пока не отпевали утреню, и тогда отправлялся в свою келию. Видев это, старец рассказал о том братии, и все остерегались выходить из церкви.

У этого старца был обычай последним выходить из церкви после утрени, когда братия расходилась по келиям. Однажды он вышел и сел под церковным биллом, желая немного уснуть, потому что келия его была далеко от церкви. И он увидел, что большая толпа идет от монастырских ворот и, присмотревшись, увидел одного беса, с гордостью сидящего на свинье, и множество других, идущих вокруг него. И спросил их старец: "Куда вы идете?" Бес, сидящий на свинье, отвечал: "За Михаилом Тоболковичем". Старец же, осенив себя крестом, пошел в келию - уже был рассвет дня - и, уразумев видение, сказал ученику своему: "Пойди спросить, в келии ли Михаил". Тот пошел спросить, и ему отвечали: "Сегодня после утрени он вышел за монастырскую ограду". Старец поведал видение игумену и старейшей братии. Призвав брата, игумен спросил брата о его поведении и, наставив его словом назидания, отпустил его в келию. Преподобный же Матфей, будучи прозорлив, и прочию братию с любовью научал сидеть в келии, постоянно поминать Бога и молиться о своих грехах.

При этом преподобном Матфее преставился блаженный игумен Феодосий, и Стефан стал игуменом на его место, а после Стефана Никон. При Никоне было Матфею такое видение. Однажды, стоя за утреней, он поднял глаза, желая видеть игумена, блаженного Никона, и увидел осла, стоящего на игуменском месте; он понял, что игумен не пришел к утрени, и рассказал ему о том. Игумен, приняв это откровение как наказание, много каялся, и с тех пор, отлагая не только леность, но и всякое нужное монастырское дело, старался прежде всех приходить в церковь, так что после этого вразумления он скорее достиг блаженной святости.

Также и многих других видений удостоился этот блаженный старец, и рассказывал их на пользу братии. Достигнув доброй старости, он почил о Господе в добром исповедании; его честные мощи лежат нетленно в пещере со святыми отцами, а сам он молится о нас, предстоя престолу Владыки, чтоб избавиться нам от наветов вражиих и получить вечную жизнь, во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Исаакия, затворника пещерного

Невозможно, чтоб искушения не приходили на человека. Ибо, если искушитель дерзнул приступить в пустыне к Самому Господу (Мф. 4:1 и 4), тем более дерзнет он искушать Господнего раба. Но, как золото, прошедшее через огонь, кажется человеку светлым, так и сам человек, искушенный напастьми врага, преданного вечному огню, воссияет перед Богом добрыми делами своими, как солнце, что сбылось над преподобным отцом нашим Исаакием, затворником Печерским. Преподобный - родом Торопчанин, по жизни в миру купец, был богат. Решившись быть иноком, он роздал все имение свое нуждающимся и монастырям, пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося принять его в чин иноческий. Преподобный Антоний, провидя, что добродетельная жизнь его будет равноангельна и совершенно достойна ангельского образа, исполнил его просьбу.

Тогда преподобный отец наш Исаакий, став иноком, принял жестокий образ жизни. Ему казалось недостаточным одеваться во власяницу, и он велел купить себе козла и содрать мех, и покрыл свою власяницу той кожей, еще сырой и мокрой, и она высохла на его теле. Потом в одном пещерном проходе он затворил себя в малой келии, протяжением в четыре локтя, и тут молился Богу со слезами. Его пищей была одна просфора, и то через день, и воду он пил мерой. Это приносил ему преподобный Антоний и подавал ему в окно столь малое, что едва проходила рука. Он никогда не ложился, но, сидя, ненадолго засыпал, и в таком образе жизни провел семь лет, не выходя из келии. Однажды, когда настал вечер, он начал по обыкновению класть поклоны и петь до полночи псалмы. Утрудившись, он погасил свечу и сел на своем месте. И вот внезапно засиял в пещере яркий свет, как от солнца, невыносимый для глаз, и пришли к нему два беса в образе прекрасных юношей; лица их сияли как солнце, и они сказали ему: "Исаакий, мы ангелы, а вот идет к тебе Христос с прочими ангелами". Встав, Исаакий увидел множество бесов, лица которых светились как солнце. Один из них сиял ярче всех, и от лица его исходили лучи, и сказали они святому: "Исаакий, это Христос, припади и поклонись ему". Исаакий, не поняв действия бесовского, и не вспомнив, что нужно оградить себя крестным знамением, поклонился ему, как Христу. Бесы тогда подняли громкий крик и вопили: "Ты наш, Исаакий". И, посадив его, они стали сами садиться около него, и вся келия и весь проход пещерный были полны бесов. И сказал один из бесов, мнимый Христос: "Возьмите дудки, тимпаны и гусли и ударяйте. Пусть Исаакий пляшет для нас".

И тотчас ударили в дудки, тимпаны и гусли, и, взяв Исаакия, стали с ним скакать и плясать много часов и, обессилив его, оставили едва живым и, надругавшись так над ним, исчезли. На следующий день, когда пришло время вкушения хлеба, преподобный Антоний пришел по обычаю к оконцу и сказал: "Благослови, отче Исаакие" - и не было ответа. Много раз он повторял это, но его не услышали, и ответа не было. Тогда он сказал себе: "Не преставился ли он уже?" И послал в монастырь за преподобным Феодосием и за братией. Братия пришла и откопала там, где был загражден вход и взяла Исаакия, думая, что он мертв. Вынеся его, положили его пред пещерой, и тогда увидели, что он жив. И сказал игумен, преподобный Феодосий: "Воистину, это случилось с ним от бесовского действия". Его положили на одр, и святой Антоний служил ему. В те же дни, случилось, князь Киевский Изяслав возвратился в Киев из Ляшской земли и начал по наговорам гневаться на святого Антония за Всеслава, князя Полоцкого, который во дни преподобного владел некоторое время Киевом княжением. Князь же Святослав ночью прислал из Чернигова за святым

Антонием и тот, придя к Чернигову, полюбил место, называемое гора Болдынь, и выкопав пещеру, поселился в ней - там и ныне есть монастырь. Преподобный же игумен Феодосий, узнав, что святой Антоний удалился в Чернигов, пришел с братией к пещере и, взяв Исаакия, перенес его в свою келию и служил ему, потому что тот был расслаблен умом и телом, так что не мог ни сесть, ни встать, ни повернуться, но лежал на одной стороне. Часто черви копошились под бедрами его, преподобный же Феодосий сам своими руками мыл и оправлял его - и так два года, пока тот лежал, служил ему. Удивительно то, что в продолжение двух лет не вкусил он ни хлеба, ни воды, никакой другой пищи - и оставался жив, лежа немым и глухим. Преподобный же Феодосий творил над ним молитву день и ночь, и, наконец, на третий год Исаакий заговорил, и просил, чтоб его поставили на ноги, и начал ходить как дитя, но не заботился о том, чтоб идти в церковь, так что едва силой принесли его, и так начал он понемногу ходить в церковь; потом начал ходить в трапезу, где сажали его отдельно от братии, и клали пред ним хлеб, но он не хотел брать его. Братия клала ему в руку, но преподобный Феодосий говорил: "Положите перед ним хлеб и не кладите ему в руки, чтоб он сам ел" - и целую неделю не позволял класть ему хлеб в руки. Он, глядя на других, стал понемногу вкушать хлеба и научился есть. И так избавил его преподобный Феодосий от козней дьявола и от прелести его.

Когда же преподобный Феодосий преставился, и блаженный Стефан стал вместо него игуменом, Исаакий снова начал жестокую жизнь, говоря искусителю: "Ты уже прельстил меня, дьявол, когда я сидел в пещере наедине. Отныне я не буду затворяться, но смогу победить тебя, благодатью Божией, живя в монастыре". Тогда он снова оделся во власяницу, на власяницу же надел узкий кафтан и начал помогать поварам и работать на братию, раньше всех приходил на утреню и стоял крепко и неподвижно. Когда же наступала зима и бывали лютые морозы, тогда на утрене стоял он в обуви столь разорванной, что часто ноги его примерзали к камню, и он не двигал ногами, пока не отпевали утреню. После же утрени он прежде всех входил в поварню и приготавливал дрова, огонь и воду, и тогда уже приходили прочие из братии и поваров.

Однажды один из поваров, именем тоже Исаакий, сказал, насмехаясь, блаженному: "Исаакий, вот сидит ворон - поди, возьми его". Он же, поклонясь до земли, пошел, взял ворона и принес его пред всеми поварями. Они ужаснулись случившемуся и поведали игумену и братии, и с тех пор братия стала почитать его. А он, не желая славы от людей, принял на себя юродство и стал делать неприятности - то игумену, то братии, а то и мирским людям, бродя по миру, так что многие били его до ран. И, сделавшись юродивым, поселился опять, где прежде, - в пещере преподобного Антония, уже преставившегося, и начал собирать к себе мальчиков из мирских детей, и возлагал на них чернеческое рубище, и за это стал принимать наказание то от игумена - тогда был уже блаженный Никон, - то от родителей тех детей, и все терпел он с радостью, подъявля наготу и холод дня и ночи.

Однажды ночью, когда преподобный зажег печь в пещере, и печь, которая была ветха, разгорелась, и пламя стало выходить наружу языками, он, не имея чем прикрыть скважины, стал босыми ногами на пламя, и стоял, пока не выгорела печь. И потом вышел ничем не поврежденный. Он творил много подобных удивительных дел. И так получил он победу над бесами, и, как мух, считал за ничто их устрашения и мечтания.

Часто делали бесы пакости ему и говорили: "Ты наш, Исаакий, потому что поклонился нашему князю". А он отвечал: "Князь ваш есть бесовский Веельзевул, которого я не боюсь, как идола мух (как называют его), не боюсь и вас, рабов его. Если вы в первый раз прельстили меня, то потому, что не знал козней ваших и лукавств, но ныне силой Господа моего Иисуса Христа и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия я смогу победить вас" - и он

знаменовал себя крестом, и так отгонял тех Веельзевуловых мух.

Иногда на блаженного видениями бесовскими было такое страхование, что они в ночи приходили к нему, как толпа людей, с мотыгами и заступами, говоря: "Раскопаем эту пещеру и зароем его здесь". Другие говорили: "Выйди, Исаакий, тебя хотят зарыть". А он говорил им: "Если бы вы были люди, то ходили бы во дни, вы же - тьма и во тьме ходите". Тогда, как и во всех мечтаниях, знаменовал он себя крестом, и бесы исчезали.

Иногда же они устрашали его в образе медведей или львов, или других диких зверей, иногда ползли к нему, как змеи, как жабы, мыши и всякие гады; но ничего не могли сделать ему, и говорили: "Исаакий, ты победил нас". Он же отвечал: "И вы победили меня, явившись в образе Иисуса Христа и ангелов, будучи недостойны такого сана. Но теперь хорошо делаете, являясь в образе зверей и скотов, змей и гадов, потому что и сами вы скверны". И с тех пор не было ему никаких досаждений от бесов после трехлетней с ними борьбы, по втором поселении в пещере, как сам он поведал. И потом начал он снова еще более крепкое житие; имел еще большее воздержание, пощение и бдение. И среди таких подвигов приспел конец жизни его и он разболелся в пещере. Братия отнесла его, больного, в монастырь, где он проболел до восьми дней и в добром исповедании отошел верным путем к Богу. Игумен же - уже Иоанн - и вся братия, опрятав тело его, погребли честно со святыми отцами в пещере.

Так этот добрый воин Христов, который сперва был побежден врагом, потом стяжал победу и получил Царствие небесное. Его святыми молитвами да сподобимся и мы, победив врагов душ наших, царствовать с Победителем ада, Иисусом, Царем славы, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом и со Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь.

Свидетельство преподобного отца нашего Нестора

Воистину было дивное чудо - видеть братию святого Печерского монастыря. Ибо Господь собрал таких черноризцев в обители Матери Своей, которые сияли добродетелями в Русской земле, как светлые светила, - одни предавались бдению, иные коленопреклонению, одни лишали себя пищи через день или через два дня, иные ели хлеб с водой, иные вареную зелень, а иные - сырую, - и все пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить перед ними, разве только с великой покорностью и послушанием. Также и старшие имели любовь к меньшим, наставляли их и утешали, как своих возлюбленных чад. И, если кто из братии впадал в какое-нибудь согрешение, утешали его, и ради великой любви епитимию его одного разделяли трое или четверо. Если же какой-нибудь брат уходил из монастыря, вся братия печалилась тем и посылала за ним, призывая его возвратиться в монастырь. Когда же брат приходил, все шли к игумену, кланялись и умоляли за него игумена, и с радостью принимали в монастырь. Таковы были Божественная любовь, смирение и воздержание среди той святой братии, которая и по смерти сияет как негаснущие светила различными чудесами и молит Бога за находящуюся здесь братию и за чад мирских, за всех работающих в обители Божией Матери и за подающих там из своего имущества в монастырь... В нем и доныне сияет добродетельное житие, в пении, молитвах и послушании, во славу Всемогущему Богу и Пречистой Его Богоматери и святым отцам Антонию и Феодосию.

Призовем же, братие, тех блаженных отцов и чудотворцев на помощь, да молитвами их и нас сподобит Господь избавиться от сетей ловящего нас диавола, и не отлучит нас от участи тех преподобных черноризцев, и не отторгнет от блаженства того святого места, жилища Пречистой Девы, которое Сама Она обещала охранять. Но да подаст Он нам прочие дни провести в покаянии, и пожить Богоугодно, и всем нам получить милость во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава со Отцом и Пресвятым Духом, ныне и присно и во веки. Аминь.